

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ
ТАДЖИКИСТАН
ГОУ «БОХТАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ НОСИРА ХУСРАВА»**

На правах рукописи
УДК 808.2+809.155.0+802.0

ШАРИПОВ БАХРОМ АБДУАЛИЕВИЧ

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ
СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ
ЯЗЫКАХ (на материале таджикского, русского и английского языков)**

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности: 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Научный руководитель: доктор
филологических наук, профессор
Джамshedов Парвонахон

Душанбе-2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ СЛОВ.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	4-8
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ.....	9-14
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕ-	
МЫ МОДАЛЬНОСТИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ.....	15-60
1.1. Категория модальности: история исследования вопроса.....	15-49
1.2. Категория объективной и субъективной модальности в русском, таджикском и английском языках.....	49-60
Выводы по первой главе.....	61-62
ГЛАВА 2. СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ	
МОДАЛЬНОСТИ В РУССКОМ, ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ	
ЯЗЫКАХ.....	63-133
2.1. Категория наклонения как средство выражения субъективной модальности	63-79
2.2. Модальные слова как средство выражения субъективной модальности.....	79-97
2.3. Модальные глаголы как средство выражения субъективной модальности.....	97-107
2.4. Фразеологизмы как средство выражения субъективной модальности.....	107-114
2.5. Частицы как средство выражения субъективной модальности.....	114-119
2.6. Союзы как средство выражения субъективной модальности.....	119-128
2.7. Междометия как средство выражения субъективной модальности.....	128-133
Выводы по второй главе.....	134-137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	138-141
БИБЛИОГРАФИЯ.....	142-163
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	164-170

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ СЛОВ

БСЭ = Большая Советская Энциклопедия

БТСРЯ = Большой толковый словарь русского языка

КРТРС = Краткий русско-таджикский и таджикско-русский словарь синонимов

ЛЕ = Лексические единицы

МТАР = Муҳовораи тоҷикӣ – англисӣ – русӣ.

ФАТ = Фарҳанги англисӣ-тоҷикӣ

ФЕ = Фразеологические единицы

ФЗТ = Фарҳанги забони тоҷикӣ

ФСК = Функционально-семантическая категория

ФТЗТ = Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷилди 1-2.

CCID = Collins Cobuild Idioms Dictionary.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В настоящее время в языкознании активизировалось изучение такого явления, как развитие модальности. Это связано, в первую очередь с тем, что модальность – универсальная семантическая категория, которая существует во всех языках, поэтому этот процесс вызывает интерес у многих ученых. К тому же, этому понятию трудно дать однозначное определение, поскольку модальность отличается многогранностью, и поэтому исследователи по-разному понимают языковую модальность.

Модальность – это многоаспектное явление языка, именно поэтому во многих работах, посвященных языкознанию, существует разное понимание этого явления. Однако у всех этих подходов есть общая цель – выяснить, какие процессы, связанные с интеллектом и психологией человека, привели к развитию человеческой речи. Отметим, что модальность напрямую зависит от этих ментальных процессов. Более того, в каждом языке модальность проявляется по-разному, что тоже доказывает связность с ментальными процессами. Таким образом, тема этой работы актуальна, в первую очередь, тем, что она будет способствовать подробному изучению структуры и отличительных особенностей языка, так как существует большое количество подходов к пониманию модальности.

Любой язык постоянно развивается, меняется, отражая изменения в общественном сознании. Так, исследователи выявили такую отличительную черту языка, как его способность переходить из одного качества в другое. Это своеобразный закон эволюционного развития любого языка. Он работает следующим образом: составные части одного качества языка постепенно перестают существовать, наблюдаться в языке, а их постепенно сменяют элементы другого качества.

В XXI-ом веке в лингвистике, язык стал пониматься как система, основанная на антропоцентризме, то есть главную роль в развитии языка

играл человек, соответственно, необходимо было исследовать речь человека, его мыслительные процессы. В связи с этим в языкознании возникла необходимость в новых направлениях, таких как психолингвистика, когнитивная лингвистика, эмпирическая лингвистика, этнолингвистика, нейролингвистика.

Для того чтобы разобраться в структуре языка, его состоянии на данном этапе развития, проанализировать его фонетику, грамматику, словарный состав, важно иметь в виду, что на язык в его современном виде повлияла история языка, все изменения, которые когда-либо с ним происходили. То есть необходимо изучать язык ретроспективно и учитывать не только результат, но и весь процесс, который происходил на протяжении долгого времени, как правило, многих столетий.

В настоящий момент весьма интересной для лингвистического исследования представляется эволюция модальности в различных языках. В данном исследовании делается попытка исследовать и изучить категорию субъективной модальности и средств ее выражения в таджикском, русском и английском языках. Несмотря на то, что все эти языки принадлежат к индоевропейской языковой семье, они относятся к разным группам: русский – к славянской, английский – к германской, а таджикский – к иранской. Кроме того, они не близкородственные, несмотря на то, что произошли от одного общего праязыка. Таким образом, можно заключить, что эти языки между собой имеют как общие, так и отличительные особенности.

Итак, в языкознании термин «модальность» понимается как комплексная категория, которая отражает объективную реальность и при этом отношение человека. Она также обладает семантикой и своими определенными функциями. Поэтому данное языковое явление представляет для её изучения особую значимость, ведь во всех языках есть определенные слова, выражения и грамматические конструкции, которые выражают модальность по-своему.

Изучение субъективной модальности как одного из средств выражения языковой модальности представляет большой теоретический и практический интерес.

Мы выбрали именно такую тему для настоящего исследования по той причине, что в таджикском, русском и английском языках имеются некоторые общие черты, связанные с модальностью, и это, в первую очередь, модальные глаголы, которые можно выделить во всех трех языках. Суть модальных глаголов состоит в том, что они не выражают активное действие, а, наоборот, с их помощью можно определить, как субъект воспринимает действие, как он относится к нему. Кроме того, во всех трех языках существуют наклонения, которые тоже могут отражать модальность.

В добавок к сказанному, необходимо отметить, что модальные глаголы отражают субъективную модальность, а наклонения – объективную, то есть в этом смысле они противопоставляются друг другу. Если же обратиться к реальности, которая отражается при помощи различных средств модальности, то модальные глаголы, хотя они и имеют субъективную модальность, отражают действительность реальную, так как тесно с ней связаны. А некоторые другие средства, например, вводные слова и выражения, будут отражать только субъективную реальность, обладая при этом субъективной модальностью.

Актуальность исследования определяется тем, что на данный момент субъективная и объективная модальность вызывает большой интерес среди лингвистов. В зависимости от рассматриваемого языка ученые выявляют разные варианты выражения модальности. Отсюда исходит актуальность темы исследования, так как в разных языках существуют различные подходы к изучению этой проблемы.

Лексико-грамматические средства выражения субъективной модальности это преимущественно различные типы вводных и вставных слов и конструкций (словосочетаний и предложений), например: *полагаю – гумон –*

мекунам – believe, поверь – бовар бикун – believe, как видим – чуноне ки мебинем – as we see, по правде говоря – дар ҳақиқат – to tell the truth и т.д.

Многообразие модальных значений, их грамматическая синонимия, а также наличие большого количества классификаций видов модальности на лексическом уровне являются одними из главных тормозящих факторов на пути к грамотному использованию модальности в научном тексте.

В данном исследовании, с целью систематизирования накопленного материала, мы предлагаем классификацию видов модальности, используя художественную литературу в сопоставляемых языках для достоверности наших суждений.

Степень изученности темы исследования. Концептуальные положения относительно категории модальности содержатся в трудах известных зарубежных ученых: В. Дайвера, Е. Хакутани, Р. Лакоффа, Ш. Балли, Дж. Лайонз; русских ученых – лингвистов, в числе которых А.И. Смирницкий, В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, А.В. Бондарко, Л.С. Ермолаева, Г.В. Сильницкая, С.С. Ваулина, Г.А. Золотова, Н.Е. Петров, А.Х. Востоков, Н.М. Шанский, З.К. Долгополова, О.А. Ахманова, А.З. Розенфельд, А.М. Пешковский, и современных таджикских исследователей, таких как М.Н. Касимова А. Мамадназаров, М.Т. Джаббори, А. Халилов, Ф.Х. Носирова, Ф.Ш. Солихов, Э.С. Исмоилзода, Д.С. Негматова и др.

Данные вопросы рассматриваются с точки зрения синхронии, то есть состояния языка в текущий момент времени, и диахронии, то есть в историческом плане, и остаются еще до конца не изученными: особенно это касается таджикского языка, так как субъективной модальности на данный момент посвящено недостаточное количество научных работ.

Связь исследования с научными программами (проектами) и темами. Данная диссертационная работа связана с Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 августа 2019 года, №438 «О Государственной программе совершенствования преподавания и изучения

русского и английского языков в Республике Таджикистан на период до 2030
года»

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель исследования заключается в том, чтобы на основе собранного материала выявить, с помощью каких средств может выражаться субъективная модальность в таджикском, русском и английском языках. Следует также выявить сходства и различия выражения этой категории и выяснить, какие проявляются модальные значения и как именно функционирует субъективная модальность в этих трех языках.

Для достижения этой цели необходимо было решить **следующие задачи:**

- выявить подходы к пониманию субъективной модальности, существующие в таджикском, русском и английском языках;

- определить, с помощью, каких средств выражается именно **субъективная модальность** в этих трех языках с семантической точки зрения, а также выделить универсальные средства, аналогичные для всех рассматриваемых языков;

- установить, как единицы модальности обозначают разновидности категории модальности;

- выявить сходства и различия в выражении субъективной модальности в таджикском, русском и английском языках, а также выделить конкретные отличительные черты каждого языка.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что:

- 1) исследована структура средств выражения субъективной модальности в таджикском, русском и английском языках;
- 2) выделены функции и семантические особенности субъективной модальности в рассматриваемых языках;
- 3) теоретически обосновано и экспериментально сопоставлено использование модальных слов в этих языках, а также выявлено,

какими особенностями они обладают как с точки зрения семантической структуры, так и с точки зрения выполняемых ими функций;

- 4) установлено, какими типологическими признаками обладает категория субъективной модальности в таджикском, русском и английском языках.
- 5) выявлены изоморфизм и алломорфизм модальности в сопоставляемых языках.
- б) классифицированы средства выражения субъективной модальности в языках различного строя.

Исследование проводилось на материале таджикского, русского и английского (представляющего германскую языковую группу, которая обеспечивает более широкий ракурс рассмотрения проблемы систематизирования субъективной модальности в разносистемных языках), языков.

Таким образом, научная новизна диссертации состоит в том, что вводится в научный оборот, новый языковой материал, определяется структура и средства выражения субъективной модальности в таджикском, русском и английском языках.

Теоретико-методологической базой данного исследования послужили труды российских, таджикских и английских учёных в области лингвистики, которые рассматривают категорию модальности в целом и субъективную модальность в частности как функционально-семантическую категорию. Среди таких ученых-лингвистов Ш. Балли, В.А. Богородицкий, А.Х. Востоков, Й. Вахек, Г.А. Вейхман, А.А. Потеня, А.М. Пешковский, В.С. Расторгуева, В.В. Виноградов, А.З. Розенфельд, А.А. Шахматов, Н.М. Шанский, Е.М. Галкина-Федорук, А. Мамадназаров, М. Джаббори, Ф. Зикриёев, М. Ибрагимова, М.Ф. Исматуллоев, М.Н. Косымова, Д.С. Негматова, Б. Ниёзмухамедов, Н. Маъсуми, А. Халилов и др.

Теоретическая значимость этого исследования заключается в уточнении статуса **субъективной модальности** в таджикском, русском и

английском языках с точки зрения структуры и семантики, а также в определении специфики их употребления в речи, их лексико-грамматических компонентов. Также уточнены классификация субъективной модальности и средства их выражения в сопоставляемых языках.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что результаты исследования можно использовать в преподавании таджикского, русского и английского языков, в первую очередь – в контексте преподавания грамматики, как практической, так и теоретической. Кроме того, возможно использование результатов работы при сравнительном анализе данных языков, в том числе при переводе и его обучении, также для создания специального курса функциональной грамматики.

Объект настоящего исследования – средства и способы выражения субъективной модальности в таджикском, русском и английском языках.

Предмет исследования – выявление структурных особенностей субъективной модальности, функции и семантических черт субъективной модальности, а также морфологических особенностей этой категории в таджикском, русском и английском языках.

Личный вклад исследователя заключается в том, что соискатель во всех этапах данного исследования – начиная со сбора теоретических и практических материалов, изучения научной и художественной литературы, анализа и исследования, участвовал непосредственно и, таким образом, лично автором выявлены общие, и отличительные признаки субъективной модальности в сопоставляемых языках.

Соответствие настоящей диссертации паспорту научной специальности. Настоящее диссертационное исследование на тему «Языковые средства и способы выражения субъективной модальности в разносистемных языках (на материале таджикского, русского и английского языков)» выполнено в соответствии со специальностью 10.02.20 –

Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Комплексный анализ способов и средства выражения субъективной модальности в таджикском, русском и английском языках, а также их сопоставление в рассматриваемых языках.
2. Использование субъективной модальности для отражения реальности / нереальности, уверенности / неуверенности, желательности, возможности и т. д. Более того, в этом контексте выделяются макрополя модальности.
3. Выявлены общие лексико-грамматические и различные явления выражения структуры субъективной модальности каждого изучаемого языка.
4. Систематизированы некоторые рассматриваемые модальные единицы в трех языках, а также определен статус их семантики в сопоставительном аспекте.
5. Использование модальных слов, фразеологизмов, а также частиц и междометий в контексте грамматических и лексических средств модальности в таджикском, русском и английском языках.

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается большим объёмом проанализированного фактического материала, извлеченного из произведений художественной литературы, на этих трех языках и их переводов, также соответствие объёма диссертации, полученное на основе исследованных источников.

Методы и материал исследования. Анализ языкового материала проводился при помощи сопоставительного метода. Материалом для нашего исследования (источником иллюстративного материала) послужили примеры, взятые из произведений русской, таджикской и английской художественной литературы в оригинале и в переводе: И.С. Тургенев «Записки охотника»,

Ф.М. Достоевский «Униженные и оскорблённые», А.Н. Толстой «Хождение по мукам», А.П. Чехов «Рассказы», Р. Джалил «Хамида», П.Толис «Ҳикояҳо», Ф. Мухаммадиев «Палатаи кунчакӣ», Х. Назаров «Мирзо Ризо», Ф. Ниязи «Верность», «Вафо», Ю.К. Олеша «Ни дня без строчки» Дж. Икромии «Дувоздаҳ дарвозаи Бухоро», С. Айни «Асарҳои мунтахаб», С. Айни «Мактаби кухна», С. Айни «Марги судхур», С. Айни «Ёддоштҳо», С. Айни «Ахмади Девбанд», Ш. Бронте «Чен Эйр», Войнич Э.Л. «Ғурмагас», Лондон Ч. «Мартин Иден», М. Твен «Саргузашти Том Соьер», М. Твен «Шоҳзода ва гадо», Э. Хемингуэй «Пирамард ва баҳр», Айни С. «Старая школа», Айни С. «Смерть ростовщика», Айни С. «Воспоминания», Айни С. «Ахмад – покоритель дивов», Бронте Ш. «Джейн Эйр», Войнич Э.Л. «Овод. Оливия Летам», Лондон Дж. «Мартин Иден», Твен М. «Приключения Тома Соьер», Твен М. «Принц и нищий», Э. Хемингуэй «Острова в океане», Aini S. «The old school», Aini S. «The death of the Money-Lender», Aini S. «Reminiscences», Aini S. «Ahmadi Devband», Bronte Sh. «Jane Eyre», Voynich E.L. «The Gadfly», London J. «Martin Eden», Twain M. «The Adventure of Tom Sawyer», Twain M. «The Prince and the Pauper», Hemingway E. «The old Man and the sea» и др., а также примеры из речи информантов – носителей рассматриваемых языков.

В диссертации также процитированы различные переводные и толковые словари всех трех изучаемых языков. К примеу, «Толковый словарь русского языка» под редакцией С.И. Ожегова и Ю.Н. Шведовой, а также «Лингвистический энциклопедический словарь» под редакцией В.Н. Ярцевой для русского языка, «Таджикско-русский словарь» под редакцией М.В. Рахими и Л.В. Успенской, «Фарҳанги англисӣ-тоҷикӣ» (100 000 калима), составленный А. Мамадназаровым, и «Фарҳанги забони тоҷикӣ ва англисӣ», автором которого является П. Джамshedов и другие.

Апробация диссертации. Основные результаты диссертационного исследования были представлены на научно-практической конференции ГОУ «Бохтарский государственный университет» имени Носира Хусрава и на

научно-теоретических конференциях республиканского и международного уровня.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании кафедры теории и типологии английского языка ГОУ «Бохтарский государственный университет имени Носира Хусрава» (протокол № 5 от 22 декабря 2022 г.).

Публикации по теме диссертации. Основные результаты исследовательской работы отражены в 9 статьях, из них 6 статей в изданиях, рекомендованных ВАК Российской Федерации и ВАК при Президенте Республики Таджикистан и 3 статьи в виде доклада на научных конференциях, в которых отражены теоретические принципы и результаты работы.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка использованной научной и художественной литературы и приложения к работе. Диссертация состоит из 170 страниц компьютерного набора.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

1.1. Категория модальности: история исследования вопроса

В настоящее время вопрос изучения языковой модальности продолжает оставаться актуальным для языкознания, поскольку модальность – сложное, комплексное явление, реализуемое в языке с помощью различных средств. Кроме того, в суть этого понятия вкладываются самые различные значения. Более того, субъективная модальность по-разному соотносится с другими явлениями в языке.

По мнению Н.Ю. Шведовой, модальность как понятие пришло в лингвистику из философии, а точнее – из такой ветви философии как классическая формальная логика [Шведова, 1980, 28].

Ш. Балли называет модальность главным элементом предложения, без которого высказывание не может существовать в принципе [Балли, 1955, 33-34].

Приведем точки зрения отдельных известных ученых о доной категории.

При этом им выделены две части высказывания: базовое содержание – диктум и индивидуальное понимание содержания – модус. Эти термины (диктум и модус) Ш. Балли применял в целях разграничения объективного и субъективного элементов высказывания. В фокусе внимания Ш. Балли как исследователя находилось выражение «субъективности» в языке, под которой он понимал наиболее обширный спектр средств выражения личности и эмоций автора высказывания, вследствие чего исследователь считал весьма важной лингвистической дисциплиной [Балли, 1955, 45].

Исчерпывающую характеристику модальности можно найти в трудах академика В.В. Виноградова, потому что им прослежена история изучения данной категории, очерчен круг средств выражения модальности, выявлены

ее объем и конкретное содержание. Он считает, что каждое предложение содержит в себе указание на отношение к действительности.

В.В. Виноградов рассматривая категорию модальности в семантическом аспекте, полагал, что модальность оперирует несколькими способами применения лексических и грамматических средств, для выражения субъективной модальности. Однако и в настоящее время сложно четко определить эту категорию, поэтому современные ученые-лингвисты продолжают заниматься этим вопросом.

Например, О.С. Ахманова определила модальность следующим образом: «Это некая лингвистическая категория, которая включает в себя понятия и отражает то, как автор высказывания относится к реальности, действительности. Для этого используются лексико-грамматические средства, например, интонация, модальные глаголы, наклонения глаголов и так далее» [Ахманова, 1969, 237-238].

Ляпон М.В., например, эксплицитно указывает что «грамматический статус и объём содержания категории модальности» [Ляпон, 1990, 304] по-разному определяются в научных трудах, так как существуют разные подходы. При этом чаще всего модальность называются функционально-семантической категорией – ФСК. Это значит, что она позволяет отражать то, как автор высказывания относится к объективной реальности, кроме того, она показывает, как субъект квалифицирует то, о чем говорит.

Наиболее активно среди русскоязычных лингвистов изучением модальности занимался, как уже указано выше, В.В. Виноградов. Его заслуга заключается в том, что он подробно анализировал эту категорию и дал ей как определение, так и научное обоснование. В частности, ученый отметил, что «законченные предложения, с одной стороны, показывают объективное содержание действительности, то есть отражают реальность, а с другой стороны, показывают личное отношение говорящего. Так, получается, что

модальность необходимо рассматривать неразрывно от целых предложений, чтобы понимать весь смысл.

Ученый утверждал, что в любом предложении, в любой фразе имеется модальное значение, иными словами, в законченном высказывании обязательно наблюдается какое-либо отношение к объективной реальности, находит свое отражение восприятие автора высказывания. Он считал, что рассматриваемая нами категория очень важна для функционирования языка, кроме того, она типична, характерна для многих языков мира» [Виноградов, 1975, 57].

Более того, если обратиться к лингвистическим научным работам, можно прийти к выводу, что в языкознании модальность считается такой категорией, которую необходимо тщательно анализировать, так как есть различные возможности подойти к ее определению. Это явление относят к комплексным, сложным для изучения, поэтому разные ученые воспринимают модальность по-разному. Это связано с тем, что лингвисты пока что не могут прийти к консенсусу касательно этой категории. Например, некоторые исследователи считают, что это вообще гносеологическое понятие, в котором никак не отражается восприятие субъекта, которое не обладает никакими субъективными особенностями.

В.В. Виноградов в своей работе "Русский язык" под модальностью подразумевает более широкое определение, в которой входит отношение автора высказывания к содержанию, что весьма близко к определению О.С. Ахмановой. Также В.В. Виноградов называет модальность характеристикой реальности и нереальность, выделяя как типы объективную и субъективную модальности [Виноградов, 1972, 56].

Став лингвистическим понятием, модальность получила определенные чисто лингвистические свойства. Одним из самых первых определений модальности в русском языкознании является определение, приведенное в лингвистическом словаре О.С. Ахмановой. Автор понимает под

модальностью понятийную категорию, выражающую семантику отношения автора высказывания к его содержанию. Также она перечисляет возможные средства выражения модальности (форма и наклонение глаголов и т.д.) и приводит примеры семантики, которую может выражать модальность (утверждение, пожелание, ирреальность, приказ, допущение, и др.) [Ахманова, 2004, 45].

По причине обширности исследуемой темы, в предлагаемой работе мы рассмотрим лишь лексические и морфологические способы выражения субъективной модальности в русском, таджикском и английском языках.

Так, под эпистемологической (греч. *episteme* – знание) модальностью мы подразумеваем указание на уровень достоверности знания [Dury, 2018, 75]. Посредством деонтологической (греч. *deon* – долг) модальности выражается отношение автора к уровню необходимости того или иного действия в будущем [Larrea, 2009, 13]. Гипотетическая модальность предполагает, что определенное явление может стать реальным [Зайнуллин, 1986, 105]. Желательная модальность позволяет автору выразить надежду на будущее либо сожаление в связи с ситуацией в настоящем [Зайнуллин, 1986, 85]. Декларативная модальность выражает категоричность, на которую у автора высказывания недостаточно оснований [Зайнуллин, 1986, 105].

Модальность, будучи широкой категорией, обуславливающей смысловой уровень высказывания, и связывающей лингвистическую часть высказывания с экстралингвистической действительностью, в силу своего двойного положения является постоянным предметом интереса исследователей-лингвистов.

Проблема соотнесения универсальных мыслительных оснований семантики и конкретной языковой специфики содержательного плана высказывания имеет долгую традицию исследования, опираясь, в том числе на теорию функциональной грамматики и современные положения когнитивной лингвистики [Бондарко, 1984, 49].

Итак, для применения в настоящем исследовании сформируем рабочее понятие модальности. Мы будем понимать под модальностью грамматико-семантическую категорию, выражающую отношение автора высказывания к содержанию высказывания. Выражение модальности может осуществляться грамматическими и лексическими средствами языка.

Одним из свойств категории модальности является многообразие временных отношений для полного проявления грамматикализации темпоральности в системе временных форм.

Другие исследователи в области лингвистики утверждают, что в модальности всегда обязательно присутствует оценка, то есть, наоборот, всегда можно судить об отношении говорящего. Однако на данный момент практически все лингвисты сходятся в том, что в модальности обязательно отражается реальность или ирреальность высказывания.

А. Мамадназаров в своих работах, посвященных таджикскому, русскому и английскому языкам и выражению модальности в них, занимался изучением сослагательного наклонения [Мамадназаров, 1984, 22]. Исследователь комплексно подошел к проблеме нереальности высказывания, в частности, он сравнил, как по-разному в английском и таджикском отражается это наклонение, то есть выделил общие черты и некоторые различия [Мамадназаров, 1984, 31].

Ф.Х. Носирова, рассматривая модальность в таджикском и английском языке, отмечает, что средства выражения модальности в этих языках могут быть грамматическими, лексико-синтаксическими, лексическими и просодическими. Системные отношения средств выражения модальности формируют поле модальности. Ядром этого поля исследовательница считает наклонения глагола. Также Ф.Х. Носирова делит поле модальности на макрополя реальность и ирреальность, а макрополе ирреальность в свою очередь, разбивает на микрополя побуждения и предположения [Носирова, 2002, 121].

Лингвист Ф. Ш. Солихов подчеркивает, как лексические единицы, с помощью которых говорящие выражают предположение, работают в контексте функционалистской теории языка. Он также сравнивает таджикский и английский языки [Солихов, 2015, 197].

Ф.Ш. Солихов пишет, что различные вводные слова и выражения, которые можно отнести к модальным, помогают выразить эту категорию именно субъективно. В русском языке, согласно его утверждению, выделяют вводные модальные слова, но они также могут сочетаться друг с другом. Таким образом, при использовании таких выражений можно выявить, как говорящий относится к сути своего высказывания. Более того, периодически эти выражения могут работать как целые вводные предложения, что подтверждается примерами выше [Солихов, 2015, 89].

Р.М. Шакирзянова указывает на наличие многогранных трактовок понятия модальность в лингвистике, утверждая, что такая ситуация усложняет задачу выведения однозначного мнения о модальности как о категории [Шакирзянова, 2011, 131]. Схожее мнение высказывает также Дж.З. Истамкулов, рассматривающий точки зрения о модальности таджикских, русских и английских лингвистов [Истамкулов, 2013, 115].

А. Мамадназаров в своей монографии выделяет три вида модальности. Первый вид модальности – это то, как выражаются отношения между тем, кто выполняет какое-либо действие, то есть субъектом, и непосредственно действием. Специфика данного вида состоит в том, что, для начала, здесь невозможно дать модальную характеристику целому высказыванию, так как отражены лишь отношения отдельных членов предложения. Кроме того, в этом случае действие еще не произошло, то есть оно возможно или желательно. При этом важно отметить, что вполне вероятно, что действие будет совершено в будущем, однако на данный момент не совершено, хотя может быть даже необходимым. Для выражения описываемых отношений в английском и таджикском языках используются модальные глаголы.

Второй вид модальности, который выделяет исследователь, – это средства, позволяющие выразить то, как автор высказывания относится непосредственно к содержанию высказывания. В данном виде субъективной модальности отмечается важность роли автора высказывания, так как именно он при построении предложения добавляет оттенок уверенности или, наоборот, некоторого сомнения. Кроме модальных глаголов, для этого типа используют также другие модальные слова, а также различные наклонения глаголов.

Третий вид модальности используется для того, чтобы показать, как содержание предложения соотносится с окружающим миром, объективной реальностью, то есть насколько высказывание в принципе соответствует действительности. Основными средствами выражения третьего вида модальности являются формы наклонения. Форма наклонения показывает, имеет ли место данное действие в действительности или оно только возможно, желательно. Первый и второй вид модальности выражаются лексическими средствами и необязательны в каждом предложении [Мамадназаров, 2015, 23]

Рассматривая специфику наклонений в исследуемых языках, хотелось бы отметить, что Ф.Х. Носирова в своей работе, вслед за другими учеными, говорит о числе наклонений: в английском языке – шесть наклонений, в таджикском – пять. Исследователь отмечает аудитивное наклонение в таджикском как специфичное, отсутствующее в английском языке [Носирова, 2002, 81].

С.М. Атамова, в свою очередь, считает, что в таджикском языке существует только четыре наклонения. Исследователь сравнивает систему наклонений в русском и таджикском, выделяя предположительное наклонение, которое отсутствует в русском языке [Атамова, 2016, 154].

С точки зрения продуктивного изучения модальности сравнительный анализ является более эффективным методом, поскольку проявления

модальности в разных языках дают в целом более широкую картину модальности как лингвистического явления в целом.

Проанализируя, какими особенностями обладают различные модальные глаголы, например, если рассматривать таджикский, то модальные глаголы по своим грамматическим особенностям схожи со смысловыми: они спрягаются по числам и лицам, кроме того, меняются в зависимости от наклонения или же временной формы. То есть, говоря иначе, одни и те же морфемы типичны для обоих видов глаголов. В английском языке ситуация иная: модальные глаголы меняются не так, как смысловые, например, в настоящем простом времени (Present Simple) у модальных глаголов не появляется окончание *s* в третьем лице единственного числа, более того, они не ставятся в настоящее продолженное (Present Continuous). Наконец, в таджикском языке насчитывается меньшее количество модальных глаголов, чем в английском.

А. Мамадназаров указывает на тот факт, что, несмотря на то, что модальные глаголы являются первыми компонентами составного глагольного сказуемого, они несут разные модальные функции. Их главная функция – это отражение того, какие отношения существуют между выполняющим действие и самим действием. Их второстепенная функция – это отражение того, как автор высказывания относится к своему высказыванию в том контексте, насколько оно соответствует реальности [Мамадназаров, 1984, 27].

Обратимся теперь к модальным глаголам в русском языке, поскольку здесь нет однозначного мнения среди лингвистов. С одной стороны, существует мнение, что в русском языке модальных глаголов нет вообще [Островская, 1975, 197]. С другой стороны, например, в исследованиях Б. Ханзена, отмечается, что в русском есть модальные вспомогательные глаголы, но их тоже не так много. В первую очередь, это «мочь» и образованная от него категория состояния «можно». А глагол «хотеть», с

точки зрения лингвиста, к модальным глаголам не относится [Ханзен, 2006, 69].

Вопрос модальности в языке рассматривается в множестве русских, таджикских и английских лингвистических исследований (В.В. Виноградов, П.А. Лекант, А.З. Розенфельд, В. Дайвер, Д. Лайонз, Дж. Лакофф, М.В. Ляпон, И.Р. Гальперин, С.С. Ваулина, Б. Ниёзмухамедов, Н. Маъсуми, Э.С. Исмоилзода, М.Т. Джаббори, А. Мамадназаров, М. Ибрагимова, Г. Л. Золотова, Ф.Ш.Солихов, А. Халилов, Д.С. Негматова, Э.Н. Алиева, Дж.Ш. Махмадов Ф.Х. Носирова, и другие).

Известно, что с помощью используемых с модальным смыслом различных языковых единиц говорящий может построить предложение, которое было бы логично, понятно для собеседника, а также отражало бы не только грамматическую структуру и было правильно с точки зрения грамматики, но и соответствовало семантике. Однако отметим, что при этом высказывание может обладать разными значениями, например, в зависимости от говорящего, или быть составлено разными способами.

Так, автор высказывания в своей речи может описать любое явление окружающей действительности:

Айёми баҳорон буд, зардолуҳо ба шукуфтан сар карда буданд. [Айнӣ, С, 1990, 53]; *Наступила весна. Цвели абрикосы.* [Айни, 1980, 37];

Spring came, the apricots were in full blooming. [Aini S,1998, 65].

Также высказывание может включать экспрессивные выражения:

- *Гурез, ки мезанам!* [Айнӣ, С, 1990, 60];

- *Беги! Лунить буду!* [Aini S,1998, 43];

“You’d better run fast, because I’m going to flog you within an inch of your life!” [Aini S,1998,73].

Таким образом, выбор категории модальности для любого предложения на языке, а также его смысл и цель полностью зависят от того, как говорящий относится к предмету или явлению окружающего мира, о котором говорит.

Поэтому семантическое содержание высказывания, в свою очередь, зависит от мышления конкретного человека, от того, как он воспринимает то, о чем говорит.

По мнению отдельных ученых, в таком случае различные явления в языке исследуют с учетом формы и семантики, причем вначале внимание обращается на эти категории, а потом выделяют функции формы и средства для выражения семантики [Бондарко, 1984, 4].

Кроме того, в лингвистике существует также и функциональный подход. Суть в том, что язык воспринимается либо как система, у которой есть цель, либо как некий инструмент, с помощью которого осуществляется коммуникация с другими людьми с целью донести свою мысль [Вахек, 1967, 100]. При таком подходе, кроме того, рассматривают так называемое семантическое тождество, с опорой на которое ученые выделяют языковые единицы в каждом языке. Эти единицы объединяются в группы по такому принципу, что они выполняют одну функцию, как правило, коммуникативную. Здесь также используется семантико-функциональный принцип, то есть модальные слова воспринимаются, в первую очередь, с учетом их функции и их значения, а не с учетом их формальных свойств.

Т.Б. Алисова говорит о специфической структуре модальных предложений, указывая на их многослойность и отмечая наличие связи модальности и интенции говорящего [Алисова, 1971, 56].

Учитывая мнение исследователя, что коммуникация двух участников формирует фразу с констатацией факта, вопроса или побуждения, мы приведем несколько примеров:

констатация факта: *Хайбар бемор шудааст, ду руз аст, ки хурук намехурад.* [Айнӣ, С, 1990, 55]; *Вот уже два дня ничего не ест.* [Айни, С, 1980, 38]; *“He hasn’t eaten anything for two days already.”* [Aini S, 1998, 66].

вопросительное высказывание: - *Ин бозичаро Шумо аз ақли худ баровардед?* [Айнӣ, С, 1990, 59]; - *Дядя! Вы сами это придумали?* [Айни, С, 1980, 41]; *“Did you think this up yourself, Uncle?* [Aini S,1998, 71];

побудительный стимул: - *Биё акнун намезанам, хашмам фуру нишаст.* [Айнӣ, С, 1990, 43];

- *Ладно! Не бойся! Больше бить не буду, остыл.* [Айни, 1980, 43];

“ It’s all right! Don’t be afraid! I’m not going to beat you. [Aini S,1998,74]

В течение долгого времени видные ученые в области лингвистики, такие как Л.В. Шерба, А.М. Пешковский и В.В. Виноградов, работали над тем, чтобы объединить между собой уровни языка. На современном этапе выделяют два подхода к изучению модальности: это формальный и семантический. Рассмотрим их несколько по подробнее. Формальный подход иногда также называют узким, и при таком подходе изучают сначала форму высказывания, а потом его содержание, связанное с формой. При семантическом же подходе, который также называют широким, все наоборот: сначала ученые изучают содержание фразы, а потом обращаются к форме. Мы будем использовать широкий подход, так как мы в настоящей работе опираемся на работы ученого В.В. Виноградова, конкретно – на его грамматическую концепцию. В своей концепции лингвист подчеркивает важность первичного изучения содержания высказывания, причем именно семантического, и только потом вторичного изучения средств и форм, которые использованы в предложении.

Существует множество подходов к определению модальности, способов ее понимания. Однако при этом подавляющее большинство лингвистов сходятся в том, что существует некое модальное противопоставление, то есть, с одной стороны, есть реальность, а с другой стороны – нереальность. Иными словами, здесь противопоставляется реальная действительность тому, чего на самом деле не происходит в объективном пространстве. Но именно благодаря этому делению

высказываниям можно придавать модальные смыслы. Например, Г.А. Золотова отмечает, что эти смыслы можно назвать видами модальных характеристик, причем эти виды вторичны [Золотова, 1973, 140].

Что же касается взглядов лингвистов, то их расхождения во мнениях начинаются на этапе однозначного утверждения типов частных модальных значений. Некоторые ученые при определении модальности учитывают понятия в области логики и утверждают, что речь в субъективной модальности идет о том, возможно или нет совершение описываемого действия [Островская, 1975, 39]. При этом современные лингвисты, которые подходят к этому пониманию с точки зрения коммуникации, утверждают, что, кроме возможности и невозможности, модальность выражает и другие эмоции, например, надежда или удовлетворение [Опарина, 82; Балли, 2001, 55].

Для того, чтобы выявить модальность как отдельную категорию, лингвисты сначала изучали, каким образом формируется смысл речи как на объективном, так и на субъективном уровне. При этом исследователи продолжают споры насчет субъективного содержания выражения, так как здесь наблюдается разное понимание, а насчет объективного ученые пришли к консенсусу, что оно просто отражает реальность. Сложность с субъективным содержанием связана, в первую очередь, с тем, что люди по-разному воспринимают и, соответственно, оценивают свои высказывания.

Если рассмотреть, как в языке можно отражать свое отношение к объективной реальности с помощью различных средств, проанализировать, как функционирует модальность как синтаксическая категория, можно остановиться на трех аспектах этой категории, которые выделяют некоторые исследователи [Лайонз Дж., Ломтев Т.П., Зверева Е.А., Филипповская И.А. Распопов И.П.]. Рассмотрим, более подробно эти аспекты. Первым аспектом можно назвать объективную модальность, посредством которой выражается связь высказывания к действительности в плане реальности».

Каждое значение чаще всего выражено с помощью различных форм предложения. Таким образом, второй аспект можно обозначить как некую «субъективную модальность», с помощью которой восприятие автором высказывания реальности находит свое выражение. Здесь необходимо обратить внимание на структуру высказывания, а также различные средства, в первую очередь, лексические и/или грамматические. Отметим, что чаще всего этот аспект выражается имплицитно, то есть не явно.

Третий аспект – это так называемая «вторичная модальность». Суть этого аспекта состоит в том, что с его помощью отражается взаимосвязь субъекта и утверждения, которое о нем высказывается говорящим, иными словами – предиката. Данные аспекты обычно выражены при помощи лексических значений, используемых в том или ином высказывании слов. При этом слова могут относиться к любой части речи и быть подлежащим или сказуемым, либо просто связанными с ними словами.

Обратимся к работам англоязычных ученых. Так, исследователи в области грамматики английского языка, например Р. Кверк и Д. Лайонз, в своих работах никак не описывают модальность, просто констатируют ее существование. Эти лингвисты изучают только формы, отражающие модальность, например, вспомогательные глаголы [Гальперин, 2007, 113].

Более того, многие англоязычные лингвисты вообще при изучении этой категории руководствуются только философскими подходами и пониманиями, то есть не относят модальность к грамматике и не считают её языковым явлением. «Modality: ... Logic. The classification of propositions according to whether they are contingently true or false, possible, impossible, or necessary» т.е. «Модальность... Логика. Классификация предложений в зависимости от того, являются ли они в действительности истинными или ложными, возможными, невозможными или необходимыми» [Хакутани, 1972, 59-69].

В лингвистике уже определены различные способы, с помощью которых в речи выражается модальность. При этом все эти способы будут встречаться и тех языках, которым посвящено настоящее исследование. Рассмотрим этот факт поподробнее. Во-первых, модальность может выражаться с помощью синтаксиса, то есть через структуру высказывания, выбираемый порядок слов. Во-вторых, не следует исключать обращение и к морфологии, так как модальность может выражаться с помощью наклонений глаголов. В-третьих, это применение семантики тех или иных модальных языковых единиц. В-четвертых, выделяют и возможность обращения к просодическим способам выражения модальности. Сюда относится интонация, например, куда говорящий ставит логическое ударение, какие слова выделяет, какие эмоции выражает.

Уместно отметить, что мы обратили свое внимание только на лексический и морфологический способы выражения субъективной модальности.

Большинство лингвистов отмечают, что с помощью разных способов выражения модальности можно выражать разную модальность. Так, наклонения глаголов и модальные слова выражают субъективную модальность по-разному. То есть с помощью наклонения можно лишь в целом отразить восприятие реальности говорящим, причем это будет отношение к действию, которое отражается глаголом. А с помощью модальных слов можно передать отношение более точно.

Таким образом, наклонение и модальное слово будут с разных сторон отражать модальное значение, но при этом у модальных слов есть больше возможностей передать оттенки восприятия действительности.

А.М. Бордович пишет о грамматических особенностях модальных слов и отмечает, что знаменательные части речи в отдельных случаях становятся модальными. Кроме того, он утверждает, что все модальные единицы появились относительно недавно, и был только один путь их образования: с

учетом морфологии и синтаксиса [Бордович, 1956, 331]. Однако необходимо отметить, что, согласно мнению этого исследователя, модальные слова формируются с помощью двух способов. Первый способ: модальные слова образуются из сказуемого главного предложения в составе сложноподчинённого, когда сказуемое утрачивает свою предикативную функцию. Второй способ: модальные слова формируются из наречий, когда они утрачивают свою обстоятельственную функцию.

При этом первый способ образования различных модальных слов является качественным преобразованием структуры отдельных сложноподчинённых предложений в простые предложения. Так, возьмем различные структурно конструкции **«Вероятно, что слоны такое помнят»** и **«Вероятно, слоны такое помнят»** - вторая конструкция также включает слово **«вероятно»**, однако в ней это слово теряет лексическое значение и синтаксическую роль, становясь выражением модального значения предположения.

Подобная схема появления модальных слов свойственна большинству лексем, и общей характеристикой для них является способность выступать в функции сказуемого в предложении.

Второй способ формирования модальных слов связан с тем, что наречия перестают быть обстоятельствами. Например: **«Здесь уже, наверное – болото»** и **«Здесь уже, наверное, болото»**. Первый пример включает **«наверное»** в функции наречия; второй пример показывает **наверное** в функции модального слова с выражением предположения.

Кроме того, необходимо устоновить возможность отношения модальных слов к отдельной категории частей речи, или на данный момент они являются лишь частью других категорий.

На данном этапе развития таджикского языка лингвистами принято называть модальные слова отдельной категорией слов, которая обладает своими грамматическими, лексическими, стилистическими и семанти-

ческими свойствами. Они также, отмечают, что модальные слова с развитием и совершенствованием языка меняют свое изначальное значение и таким образом приобретают модальное значение. В силу этого они рассматриваются отдельно и позволяют отражать модальность.

Однако при их определении встречаются и определенные трудности. Например, из-за того, что модальные слова относят к отдельной части речи, в таджикском языке становится сложным отделить синтаксическую функцию вводных слов и выражений от грамматического обособления таких лексических единиц, которые используются в этой функции.

В российской лингвистике уже выработана единая точка зрения на то, откуда появились модальные слова. Обратимся к работам академика В.В. Виноградова. Исследователь выделял несколько видов модальных слов, рассмотрим эти виды [Виноградов, 1972, 595].

Отглагольные: «кажется» – *аз афташ, барин* – **it feels, it seems**; «значит» – *яъне, нас* – **so, that means**; «видишь ли» – *оё медонӣ* - **you see, things is** и т.д.

Наречные: «решительно» – *қатъиян* - **decidedly**, «бесспорно» - *бебаҳс, бешак* - **indubitably**, «конечно» – *албатта* - **of course** и т.д.

Отыменные: «правда» - *ҳақиқатан, ростӣ* – **really**, «словом» – *алқисса, хулласи калом* – **in a word**, «в частности» – *чунончи, аз чумла* – **particularly** и т.д.

Рассмотрим более детально те разряды слов, которые заслуживают статуса модальных слов, и постараемся выяснить степень их лексико-грамматической обособленности.

Необходимо обратить внимание на то, что любые изменения в формировании модальных слов связаны с развитием языка, его эволюцией. В языке появляются новые слова, иногда уже существующие слова меняют свое значение или приобретают дополнительный смысл. Именно таким

образом слова из разных частей речи отделились в новую категорию модальных слов.

Ш. Рустамов занимался изучением того, откуда в таджикском появились модальные слова. Ученый в своей работе описал, откуда приходят модальные слова, а также определил, что эти слова можно поделить на несколько категорий в зависимости от происхождения. Рассмотрим эти группы. Например, некоторые слова образовались от существительного *илоҳӣ* – бог, божество – the God, deity, *эҳтимол* – возможно – perhaps, *ростӣ* – по правде – really, *афсӯс* – к сожалению – unfortunately, *аз афташ* – очевидно – obviously, *хулоса* – в итоге – eventually, *халос* – вот и всё – that’s all, *ҳайф* – жаль – pity, *дарез* – увы – alas, *хайрият* – наконец то – finally); от прилагательного (*хайр* – так – so, *хуб* – хорошо – okay, *хуш* – ну – well, *бешубҳа* – несомненно – certainly, *бегумон* – достоверно – credibly, *дуруст* – правильно – rightly, *рост* – верно – right); от глагола (*бошад* – а, но – and, *шояд* – возможно – may be, *бигузор* – путь – let, *биё* – давай – let’s, *мон* – оставь – drop, *рафту* – как бы – as if, *раваду* – вдруг – suddenly); от наречия (*воқеан* – действительно – actually, *зоҳиран* – повидимому – apparently, *тахминан* – приблизительно – roughly, *ҳақиқатан* – на самом деле – in actual fact, *одаман* – обычно – usually, *шахсан* – лично – personally, *хусусан* – особенно – specially, *махсусан* – исключительно – exceptionally, *аслан* – по существу – intrinsically, *зотан* – естественно – naturally, *тақрибан* – приблизительно – approximately, *табиатан* – по природе – by nature, *инсофан* – по совести – in all conscience, *ҳаётан* – жизненно – vitally, *расман* – официально - officially, *нисбатан* – относительно – relatively, *зимнан* – между прочим – by the way, *ҳатман* – обязательно – obligatorily и др.) [Рустамов, 1972, 73-86].

Рассмотрим подробнее все возможные пути образования модальных слов в таджикском языке:

1. Модальные слова могут образоваться из общеупотребительного лексического фонда таджикского языка, проходя при этом долгий и сложный путь. В реестр таких единиц включаются:

а) лексемы, ставшие модальными единицами не подвергаясь фонетическим изменениям:

афсӯс – к сожалению – *unfortunately*: - *Афсӯс, ки писарак ҳамроҳам нест.* [Хемингвей, Э, 2014, 59]; - *Жаль, что со мной нет мальчика.* [Хемингуэй, Э, 1989, 25]; “*I wish I had the boy*”. [Hemingway, E, 2014, 58]

бас – довольно – *enough*: *Акнун бас!* – *гуфт мактабдор* [Айнӣ С, 2010, 18]; *Теперь довольно!*- *сказал учитель.* [Айни С, 2010, 18]; *Enough for now! the teacher said* [Aini S, 1998, 230]

ҳаргиз – никогда – *never*: – *Ин ҳаргиз маънои онро надошт, ки моҳӣ болотар шино мекунад.* [Хемингвей, Э, 2014, 67]; *Это отнюдь не означало, что она непременно вынырнет на поверхность.* [Хемингуэй, Э, 1989, 28]; *That did not necessarily mean that he would jump.* [Hemingway, E, 2014, 66]; – *Кошки ин хоб мебуд ва ман ҳаргиз ин моҳиро нагирифтам.* [Хемингвей, Э, 2014, 145]; *Хотел бы я, чтобы все было сном и я не ловил этой рыбы.* [Хемингуэй, Э, 1989, 60]; “*I wish it were a dream and that I had never hooked him.* [Hemingway, E, 2014, 144].

б) лексемы с многозначной семантикой, которые могут быть как членами предложения, так и модальными словами. В данный тип входят, как правило, лексемы глагольного происхождения:

рост – правда – *true*: – *Не, Рост. Баъд шикаст хурдам.* [Хемингвей, Э, 2014, 63]; - *Нет. Что верно, то верно. Это уж потом случилось.* [Хемингуэй, Э, 1989, 68]; “*No, Truly. It was afterwards.*” [Hemingway, E, 2014, 62];

дуруст – правильно – *right*: – *Дуруст, боракалло!* – *гуфт мактабдор ва худаи дар вақте, ки ба хатнависӣ машғул буд* [Айнӣ С, 2010, 27]; *Правильно! Молодец!* – *похвалил он меня и продолжая писать сказал*

[Айни С, 2010, 27]; «*Correct, well done!*» *Domullo said he busied himself with writing something of his own.* [Aini S, 1998, 236].

набошад – а не то, иначе – otherwise: – Набошад, мо рафта аз хонаҳомон донак меорем. [Айнӣ С, 2010, 35]; *Если так, мы сбегает за косточками домой.* [Айни С, 2010, 35]; *They said they would have to go home and get some more fruit pits.* [Aini S, 1998, 240].

монед – ладно, не надо – leave it, please don't: Монетон, “ як гану кутаху олам гулистон”, - гуфт бобо, - ҳозир маълум мешавад : ки зан, ки мард, кӣ шер, кӣ рӯбоҳ? [Айнӣ С, 2017, 30]; - *Оставьте, - сказал старшина. – Помните, что краткий, деловой разговор украшает мир. Сейчас выяснится, кто женщина, а кто мужчина.* [Айни С, 1982, 339]; “*Cut it out, you two*”, *Bobo interposed. “ Least said, soonest mended. We’ll soon know the men from the women, and the lions from the foxes.”* [Aini S, 1981, 211] и др.

в) модальные единицы, образованные морфологическим путем, т.е. добавлением суффиксов, префиксов, а также с присоединением различных словообразовательных частиц, союзов и предлогов:

ростӣ – на самом деле – in fact: Ростии ин бозӣ ба ман хеле хуш омад.[Айнӣ С, 2010, 50]; *По правде говоря, эта игра мне очень нравилась.* [Айни С, 2010, 50]; *I must admit that I liked this game very much.* [Aini S, 1998, 248]; *Ҳа, ростӣ ёдат ҳаст Дик Сизлер чӣ зарбаҳо мезад, вақте, ки дар Парки Куҳан бозӣ мекард.* [Ҳемингвей, Э, 2014, 23]; *Впрочем, ты помнишь, как был Дик Сайзлер? Какие у него были удары, когда он играл там, в старом парке!* [Ҳемингуэй, Э, 1989, 11]; *But then I think of Dick Sisler and those great drivers in the old park.* [Hemingway, E, 2014, 22].

агар – возможно – perhaps: Магар ин ҷавон ба назари он муллобача зӯртар намуд, ки: - ман бо ин гӯшти намегирам, – гуфт. Аммо нагуфт, ки “ ӯ аз ман пурзӯр аст”. [Айнӣ С, 2010, 53]; *Может быть, он показался ученику более сильным, потому что он сказал: с этим не буду бороться. Однако он не сказал: “ Он сильнее меня”* [Айни С, 2010, 54]; *This boy must*

have appeared stronger to the mullah, because he said, “ I won’t wrestle with him”. His excuse, however, was not that his challenger was stronger. [Aini S, 1998, 251]; – А, магар ин бедонаҳам дорад? – гуфт мактабдор ва илова кард, - Бедонааширо ёфта ба ман диҳед! [Айнӣ С, 2010, 40]; У него перепел? Найдите перепела и дайте мне. [Айни С, 2010, 38]; Oh! So he has a quail, does he? Domullo exclaimed. “Find the bird and give it to me. [Aini S, 1998, 242].

наход – неужели – indeed: Наход ин аз газаб бошад? Ё шояд ба он сабаб, ки бо сурати баландтар аз маъмулӣ шино мекунад? [Хемингвей, Э, 2014, 93]; Неужели это от злости? А может быть, потому что она движется быстрее, чем обычно? [Хемингуэй, Э, 1989, 39]; Can it be anger, or the greater speed he makes that brings them out? [Hemingway, E, 2014, 92].

наход ки – неужели – indeed: Ана бачаю мана бача. Наход ки ман ҳамин хел ҳеч вақт баақлтар нашавам? [Твен М, 1951, 4]; Ну и мальчишка! Казалось бы, пора мне привыкнуть к его фокусам. [Твен М, 1988, 8]; Hang the boy, can’t I never learn anything? [Twain, M, 1948, 8]

зӯё, ки – будто бы – as though: Пирамард ранги сабзи соҳилро дигар намедид, ба чуз қуллаҳои теннаҳои кабуд, ки сафед менамуданд, зӯё ки барфпӯш бошанд ва абрҳоро медид, ки монанди кӯҳҳои баланди барфӣ дар болои он буданд. [Хемингвей, Э, 2014, 49]; Старик уже больше не видел зеленой береговой полосы; вдали вырисовывались лишь верхушки голубых холмов, которые отсюда казались белыми, словно были одеты снегом. [Хемингуэй, Э, 1989, 20]; He could not see the green of the shore now but only the tops of the blue hills that showed white as though they were snow-capped and the clouds that looked like high snow mountains above them. [Hemingway, E, 2014, 48].

г) модальные слова, образованные из фразеологических сочетаний:

аз афташ – по-видимому – obviously): Эҳе! Аз афташ ба ман мактуб омадааст. [Лондон Ч, 1981, 4]; Э, да мне письмо. [Лондон Дж, 1986,

17]; *Hello, there's a letter for me.* [London, J., 1954, 18]; *Ин Суинберн, аз афташ, мушоҳидаи гузарое доштааст ва ӯ шаклу рангҳоро дида метавонистааст.* [Лондон Ҷ, 1981 5]; *Свинберн! Надо запомнить. У этого малого глаза на месте, он все видел как надо и цвет, и сверкающий свет.* [Лондон Дж, 1986, 19]; *Swinburne! He would remember that name. That fellow had eyes, and he had certainly seen color and flashing light.* [London, J., 1954, 20].

на ин ки – не только – not only: - На ин ки ман ба ҳамин риши сафед ту барин яе кӯдакро фиреб диҳам! [Айнӣ, С,1990, 16]; - *Могу ли я, при своей седой бороде, обманывать ребёнка?* [Айни, С, 1980, 9]; *“With a white bland like this, would I pull a trick on a little boy like you?”* [Aini S,1998, 17].

2. модальные единицы, образованные из узбекских заимствований:

ана, мана узб. – вот, вон – this one, that one: Ана, ҳамин садоро аз ёдат набарор, ки дар вақти дидани зор ба ту кор меояд, - гуфт ва маро ҳамроҳ гирифта ба мазор ба пеши зор бурд. [Айнӣ, С,1990, 52]; *Вот, не забудь про этот кувшин, когда будем осматривать пещеру.* [Айни, С, 1980, 35]; *«Remember this jug when we go to have a look at the cave,» father said.* [Aini S,1998, 62]; *Ана рафти кор ҳамин тарз аст, гуфт падар дар охири сухани худ.* [Айнӣ, С,1990, 70]; *Вот как идет у них дело.* [Айни,1980, 50]; *«And that is how the work was proceeding».* [Aini S,1998, 79]

ана ҳамин тавр – вот так – то – this way: Вай ана ҳамин тавр дар зери осмони кушод ба кучо задани сари бепарастораширо надониста мехоҳад, ки бимирад. [Твен М, 1951, 30]; *Вот так он хотел бы умереть – брошенный в этом мир равнодушных сердец: под открытым небом, не зная, куда приклонить бесприютную голову.* [Твен М, 1988, 22]; *And thus he would die – out in the cold world with no shelter over his homeless head.* [Twain M, 1948, 25] и др.

3. модальные единицы, образованные из арабских заимствований. Классификацию таких единиц составил А.Х. Халилов [Халилов А., 1985, 40-46], выделяя при этом следующие типы:

а) лексемы, оставшиеся неизменными:

тавба – виноват – *my fault*: *Худоё, тавба, – чавоб дод модари Сафар гиребонаширо дошта, – ин хел худобехабарон аз кадом гӯристон пайдо шуданд.* [Айнӣ С. 2017, 209]; — *Я виноват, виноват, сознаюсь* [Айни С, 1982, 232]; *Yes, I think they will," she said; "and it will be my fault, partly, if they don't.* [Aini S, 1981, 203].

хайр – ладно – *good*: 1) — *Хайр! Омодаӣ? Хуб сер шудӣ-а?* [Хемингвей, Э, 2014, 55]; *Ну вот и ладно. Ты готова? Насытилась?* [Хемингуэй, Э, 1989, 23]; *All right. Are you ready? Have you been long enough at table?* [Hemingway, E, 2014, 54]; *Хайр, акнун ман медонам, фикр кард ӯ.* [Хемингвей, Э, 2014, 81]; *Ну что ж, теперь я знаю.* [Хемингуэй, Э, 1989, 34]; *I know now, anyway, he thought.* [Hemingway, E, 2014, 80] и др.

б) лексемы, включающие арабские суффиксы *-ан*:

зоҳиран – вероятно – *probably*: *Духтари хатиб аз ин кори ӯ зоҳиран дар хаши мешуд, пешонаи худро турш, абрӯвонаширо чин ва чашимонаширо хашигиннамо мекард.* [Айнӣ С, 1990, 81]; *Кутбия делала вид, что сердится на нее за это, хмурила брови, гневно поглядывала, скрыв улыбку, сурово говорила.* [Айни С, 1980, 60]; *Kutbiya pretended to be angry at her for it, knitting her brows, frowning, gazing sternly at the other girl with wrathful eyes, and announcing.* [Aini S, 1998, 97]; *ӯ ҳатто аз оддитарин чизҳое, ки зоҳиран, бояд ҳар китобхон медонист, беҳабар буд.* [Лондон Ч, 1981, 46]; *Ссылки на имена и события, которые, как он понимал, должны были быть ясны каждому, ставили его в тупик.* [Лондон Дж, 1986, 48]; *Also, he did not know where to begin, and continually suffered from lack of preparation.* [London, J, 1954, 64]

аслан – в действительности – in fact: *Аслан тӯре набуд ва писарак дар хотир дошт, ки онро фурӯхта буданд.* [Хемингвей, Э, 2014, 17]; *Никакой сети давно не было – мальчик помнил, когда они ее продали.* [Хемингуэй, Э, 1989, 9]; *There was no cast net and the boy remembered when they had sold it.* [Hemingway, E, 2014, 16]; *Аслан, ӯ вақтҳои пеш ҳам хаёлан зиндагии хосса ва пурасроре ба сар мебурд.* [Лондон Ч, 1981, 54]; *А ведь в мыслях он всегда жил иной, тайной жизнью.* [Лондон Дж, 52]; *He remembered that he had led always a secret life in his thoughts.* [London, J, 1954, 71] и др.

в) лексемы, включающие арабские суффиксы – **ат**, – **ят**, – **от**, – **ёт**:

ниҳоят – в конце концов – in the end: *Ниҳоят дасти чапаш ҳамба ресмон расид ва ӯ вазнашро ба ресмон партофт, акнун ки тамоми вазн ба дасти чапаш афтада буд, тахтапуш ва дасти чап дард мекарданд.* [Хемингвей, Э, 2014, 107]; *В конце концов и левая рука нащупала бечеву, он уперся в нее спиной, и теперь леска жгла его спину и левую руку, на которую перешла вся тяжесть работы.* [Хемингуэй, Э, 1989, 44]; *Finally his left hand found the line and he leaned back against the line and now it burned his back and his left hand, and his left hand was taking all the strain and cutting badly.* [Hemingway, E, 2014, 106].

хайрият – слава богу – thank God:

г) арабские лексемы, включающие таджикский словообразовательный суффикс – **и**:

илоҳи – дай бог – wish to God: *Илоҳи худо гуноҳамро бубахшад, ман бошам бо ангуштпона ба сари Том якта задам.* [Твен М, 1951, 139]; *И я, прости меня, господи, стукнула Тома по голове наперстком.* [Твен М, 1988, 86]; *And God forgive me, I cracked Tom's head with my thimble.* [Twain, M, 1948, 96].

д) арабские лексемы, включающие таджикский суффикс **-о**:

ачабо – странно – *strange*: – *Ачабо, чӣ чизҳоро вай дар умқи об медуа бошад - фикр кард пирамард.* [Хемингвей, Э, 2014, 87]; *Интересно, много ли она видит на такой глубине?- подумал старик.* [Хемингуэй, Э, 1989, 36]; *I wonder how much he sees at that depth, the old man thought.* [Hemingway, E, 2014, 86]; *Ачабо, имшаб чӣ неш хоҳад омад?* [Хемингвей, Э, 2014, 91]; *Хотел бы я знать, что мне сулит это ночь.* [Хемингуэй, Э, 1989, 38]; *I wonder what this night will bring.* [Hemingway, E, 2014, 90].

илоҳо – только бы – *if only*: – 27) *Илоҳо калон шавӣ, мулло шавӣ!- гӯён дуо ҳам кард.* [Айнӣ С, 2010, 26]; *Дай тебе бог вырасти большим и обучиться грамоте.* [Айни С, 2010, 25]; *Bravo, now you're being well-behaved!* [Aini S, 1998, 234] и др.

е) арабские лексеммы, включающие таджикский местоименный суффикс *-аш* (-ат, -атон, -ашон):

майлаш – хорошо – *Ok, well*): 1) *Майлаш, - гуфтам ман дар ҷавоби ин таклифи ӯ.* [Айнӣ С, 1990, 29]; *Давай! – обрадовался я.* [Айни С, 1980, 18]; *«That sounds like a good idea». I said gleefully.* [Aini S, 1998, 32] и др.

ё) арабские лексеммы, сочетающиеся с таджикским предлогом *дар*:

дар ҳақиқат – действительно – *really*: - *Дар ҳақиқат дар вақтҳои шамоли баланд аз он гору овози гурриш мебаромад.* [Айнӣ С, 1990, 50]; *Иногда ветер усиливался, я с той стороны отчетливо слышал какой – то рёв.* [Айни С, 1980, 33]; *Whenever the wind rose, I would listen attentively to everything that went on around the mausoleum.* [Aini S, 1998, 59]; *Аммо дар ҳақиқат Саъдӣ рост мегӯяд, ки одамӣ аз ҳар чиз зур аст.* [Айнӣ С, 2017, 41]; *Но Саади говорит верно: человек сильнее всякой нечисти.* [Айни С, 1982, 343]; *Sa'di is quite right, men are more powerful than anything.* [Aini S, 1981, 217]; *Дар ҳақиқат ачина аз онҳо беш нест.* [Айнӣ С, 2017, 42]; *Джинны не больше, чем эти искры.* [Айни С, 1982, 344]; *And that's all there is to the jinn.* [Aini S, 1981, 218]; *Ҳама ба ҷои нишондодаи ӯ рафта нигоҳ карданд, ки дар ҳақиқат ҳам оташпора намоён аст.* [Айнӣ С, 2017, 43];

Все посмотрели туда и увидели, что действительно там блестит маленький огонек, и перепугались. [Айни С, 1982, 344]; *They all looked where he was pointing, and indeed there was a flame flickering there.* [Aini S, 1981, 218]; *Лекин дар ҳақиқат ман ҳанӯз савдо надоштам...* [Айнӣ С, 2010, 55]; *Однако я все еще был неграмотен.* [Айни С, 2010, 53]; *Though in fact I still could not read properly...* [Aini S, 1998, 252] и др.

ж) арабские лексемы, сочетающиеся с таджикским префиксом **бе** – *бешубҳа* – несомненно – **undoubtedly, certainly:** – *Бешубҳа онҳо “ду тани як фикрнок” буданд.* [Твен, 1951, 117]; *Несомненно, они представляли собой « две души, окрыленные единой мечтой».* [Твен, 1988, 74]; *Plainly here were «two souls with but a single thought»* [Twain, 1948, 82].

з) арабские лексемы, сочетающиеся с таджикским подчинительным союзом **ки**:

хайрият ки – слава богу – **thank God:** *Хайрият, ки дар ҳамин вақт Қаландари зарангаригӣ бо ҳамроҳии Ҳамро-гавбоз, ки онҳо он вақтҳо гуреза шуда мегаштанд.* [Айнӣ С, 2017, 24]; *Хорошо еще, что в этот момент откуда ни возмись появились зарангарский Каландар и Хамра Гаубаз, скрывавшиеся от эмирских властей.* [Айни С, 1982, 337]; *Luckily, just then Qalandar Zarangarigi and Hamro Gavboz, who were at that time hiding in the hills.* [Aini S, 1981, 208] и др.

Отметим также, что приведенные выше примеры приобрели статус модальных слов, тогда когда форма слов уже стабилизировалась, т.е. они не подвергались трансформациям и сохранились в том виде, в котором уже существовали. Более того, в составе некоторых слов имеются суффиксы и приставки, и здесь весьма важно отметить, что заменять их больше нельзя, поскольку они органично срослись со словом. Поэтому можно считать, что в чем-то модальные слова похожи на наречия, так как они, также являясь неизменяемой частью речи, сохраняют при этом свои отличительные черты.

К подобным средствам выражения субъективной модальности в современном английском языкознании относятся следующие:

1) модальные слова

certainly – албатта – конечно: *"Certainly his back cannot feel as badly as mine does.* [Hemingway, E, 2014, 64]; *Албатта харпуштаи вай мисли тахтапушти ман дард намеёбад.* [Хемингвей, Э, 2014, 65]; *Конечно, ее спине не так больно, как моей.* [Хемингуэй, Э, 1989, 28];

probably – (эхтимол – вероятно): *"He had probably started to talk aloud, when alone, when the boy had left.* [Hemingway, E, 2014, 48]; *Шояд баланд гап заданро баъд аз рафтани писарак, баъд аз танҳо монданиш оғоз карда буд.* [Хемингвей, Э, 2014, 49]; *Наверно, он стал разговаривать вслух, когда от него ушел мальчик, и он остался совсем один.* [Хемингуэй, Э, 1989, 21]; *They will probably hit me again.* [Hemingway, E, 2014, 156]; *Онҳо, эхтимол, боз ба ман ҳучум кунанд.* [Хемингвей, Э, 2014, 157]; *Наверно, они нападут на меня снова.* [Хемингуэй, Э, 1989, 65] и др.

2) модальные частицы

hardly – (базӯр – едва): *Ҳозир ҳама, гӯё чизеро нигарон бошанд, лаҳзае шах шуда монданд, хидматгор базӯр аз захрханда худдорӣ кард, худи Мартин бошад, ба даҳшат афтода, ҳуш аз сараш парид.* [Лондон Ч, 1981, 19]; *За столом все тотчас выжидательно насторожились, чопорный лакей злорадствовал, а Мартин едва не сгорел от стыда.* [Лондон Дж, 1986, 28]; *On the instant those at the table were keyed up and expectant, the servant was smugly pleased, and was wallowing in mortification.* [London, J, 1954, 35] и др.

3) модальные словосочетания:

of course (албатта – конечно): *Of course. With coast guard and with planes.* [Hemingway, 2014, 164]; *Албатта. Ҳам муҳофизони соҳилий ва ҳам бо ҳавопаймо.* [Хемингвей, 2014, 165]; *Конечно. И береговая охрана, и самолеты* [Хемингуэй, 1989, 68]; *Of course, Khabiba.* [Aini S, 1998, 99];

Ҳаст, гуфтам дар ҷавоб. [Айнӣ, С, 1990, 82]; *Есть, конечно.* [Айни,С, 1980, 60]

4) модальные глаголы:

may: *“Well, well, who knows what may happen?”* [Bronte, Sh, 1954, 38];
Хайр, хай, ки медонад чи рӯй хоҳад дод? [Бронте Ш,1993, 23]; *«Ну, ну, кто знает, что может случиться?»* [Бронте Ш, 1993, 24];

must: *You must study a great deal and read even more.* [Aini S, 1998, 118];
Шоир шуданат мумкин аст, лекин барои ин шеърҳои шоирони калонро бисёртар хонданат, ёд карданат ва навишта гирифтаниат ва бо шоирҳои калон ҳамсуҳбат шуда, аз онҳо омӯхтаниат лозим аст. [Айнӣ, С, 1990, 97];
Надо много учиться, много читать. [Айни,С, 1980, 72]

should: *Perhaps I should eat some of it when I clean it.* [Hemingway, E, 2014, 96]; *Албатта вақте, ки тозааш мекунам, камтар мехурамаш.* [Хемингвей, Э, 2014, 97]; *Пожалуй, я съем кусочек, когда буду ее чистить.* [Хемингуэй, Э, 1989, 40] и др.

В английском языке также существуют модальные единицы в виде различных конструкций, например, с переходными глаголами или прилагательными, а также вводно-модальные предложения. Согласно толковым словарям английского языка, изданы иностранными издательствами, а также переводным словарям английского языка (англо-русским и англо-таджикским), которые изданы в России и Таджикистане, в английском языке, как правило, не выделяют отдельные виды модальных слов. Помимо этого, в словарях все модальные наречия и частицы трактуются как класс наречий. Различие между указанными видами языковых единиц проводят лишь отдельные англисты [Зверева, 1967, 118-125; Поляков, 1975, 102-103; Мамадназаров, 1984, 102] и др.

Поскольку в цель данного исследования не входит задача распределения слов в зависимости от частей речи, далее мы будем ссылаться на различные модальные слова как на «неименные модальные

модификаторы». Такое решение, было принято по той причине, что указанные слова и словосочетания, во-первых, оказывают влияние, на предложение, модифицируя его, во-вторых, они являются важным членом синтаксической структуры. В связи с этим, следует упомянуть, что А.И. Смирницкий выделяет важность «атрибутивной связи» у модальных слов и выражений, используя понятие «атрибут», в самом широком смысле, как и ученый У. Фрэнсис. [Смирницкий, 1956, 174].

Составные части всех модальных словосочетаний обычно являются разными частями речи, чтобы обеспечить их сочетаемость. При этом они уже утратили начальное лексическое значение, чаще всего приобрели новое, в силу чего воспринимаются именно в составе конкретной модальной языковой единицы и уже служат в новой функции для передачи смысловых оттенков.

По мнению Н.М. Шанского, в случае, если однозначные слова становятся модальными, то такие что такие слова становятся омонимами, так как уже меняют семантику и получают другое понимание, использование [Шанский, 1953, 6]. К категории таких лексем в таджикском языке относятся, например, слова различной частеречной принадлежности, в частности наречие, основа глагола настоящего времени типа *рост, дуруст, мон, рав, биё* и ряд других, которые имеют двоякое значение. Сравним два значения подобных слов:

1. *Ole missis she tole me I got to go an'git dis water an'not stop foolin' round wid anybody* [Twain, M, 1948, 15]; *Миссиси кӯҳансол фармуд ки ман рост ба об равам ва дар сари роҳ истода бо ҳеч кас шӯҳӣ накунам.* [Твен М, 1951, 15]; *Старая хозяйка велела, чтобы я шел прямо к насосу и ни с кем не останавливался по пути.* [Твен М, 1988, 14].

2. *She talks awful, but talk don't hurt – anyways, it don't if she don't cry.* [Twain, M, 1948, 15]; *Рост аст, ки вай ганҷои бисёр даҳшатнок мегӯяд, магар ба ган ягон ҷой одам дард мекунад, ба шарте ки дар ҳамин вақт*

худи вай гирия накунад. [Твен М, 1951, 16]; *Говорит она, правда, очень злые слова, ну да ведь от слов не больно, если только оно при этом не плачет*. [Твен М, 1988, 14]

Как видно из приведенных примеров, в первом предложении слово «рост» – это наречие, которое в качестве члена предложения выполняет роль обстоятельства. Во втором предложении это же слово уже становится модальным и его функция здесь другая, а именно, показать, что говорящий уверен в том, что говорит, то есть подтверждает свои слова.

В таджикском языке существует определенное количество модальных ЛЕ, которые будучи ранее глаголами, постепенно получили дополнительные функции, поскольку утратили некоторые грамматические значения и, как следствие, приобрели модальность, то есть теперь показывают отношение говорящего к тому, что он говорит. Здесь можно привести такие слова и выражения: *бас-хватить* – enough, *бигзор (бигузор)* – пусть – let, *биё* – давай – common, *бифармоед* – пожалуйста – please, *бояд (мебоист)* – должен – must, *бошад* – хотя – although, *гардам, гӯё* – будто – as if, *истой* – stop, *мабодо* – в случае, *агар* – if, *мон* – брось – drop it, *рафту* – вдруг – suddenly, *наход* – неужели – is it really, *хоҳишмандам* – прошу – pritheе, *шояд* – может быть – may be и другие. Здесь представлены, преимущественно препозитивные, побудительные модальные единицы, которые используются при формах повелительного наклонения и аориста, а также, в свою очередь, используются для того, чтобы выразить побуждение, дозволение, повеление или приглашение к тому, чтобы совершить то или иное действие.

З.А. Ализаде в своей диссертационной работе, отмечает, что те модальные ЛЕ, которые образовались морфологическим путем от глаголов, становятся отдельными словами со своими особенностями, то есть они перестают быть глаголами, кроме того, они выражают различное отношение

к сообщаемому, например, сомнение, возражение, согласие, противопоставление и так далее [Ализаде, 1963, 13].

На наш взгляд, глаголы, которые в результате морфологизации приобрели модальность, становятся схожими со служебными частями речи, поскольку они более не меняются, и помимо этого, говорящий самостоятельно принимает решение по их использованию.

В современном таджикском языке отсутствуют заимствованные из других языков модальные слова глагольного происхождения: все они исконно таджикского происхождения, а также обладают двузначным характером, так как используются как полнозначные глаголы в составе сказуемого, так как и как модальные слова.

Например: *Ман бошам бо ҳамин роҳ имконият дорем, ки рӯзҳои шанбе корро соати се ба охир расонам.* [Лондон Ч, 1981, 145]; *А без этого в субботу в три часа не кончишь.* [Лондон Дж, 1951, 120]; *An' I got to do it if I'm goin' to get done Saturday afternoon at three o'clock.* [London, J, 1954, 169]; *Ман бошам, ин чо то омадани шумо духтархонум Ҷенро камакак насиҳат мекунам.* [Бронте Ш, 2010, 21]; *А я тут сделаю мисс Джейн маленькое наставление, пока вы вернетесь.* [Бронте Ш, 1993, 21]; *I'll give Miss Jane a lecture till you come back.* [Bronte, Sh, 1954, 35].

Во втором предложении приведенный глагол *бошад* выступает в функции частицы (же), а в первом предложении этот же глагол используется как полнозначный.

В процессе исследования категории субъективной модальности в изучаемых языках, были выявлены некоторые расхождения во взглядах русских, таджикских и английских учёных-лингвистов с точки зрения семантического выражения модальных единиц.

В российской лингвистике на данный момент не существует единого конкретного мнения относительно того, как именно можно классифицировать модальные слова в соответствии с их значением.

Некоторые ученые считают, что существует четыре группы модальных слов в зависимости от их значения (В.В. Виноградов, А.Н. Гвоздев), другие (в учебнике «Грамматика русского языка» (для вузов)) – делят их на 2 группы (Е.М. Галкина-Федорук, Н.М. Шанский, К.В. Горшкова) (подробно см. 2 главу).

В.В. Виноградов, плодотворно занимавшийся изучением категории модальности, отмечал, что существует всего четыре грамматико-семантические категории слов. Он писал в своих работах, что модальные слова и выражения используются в предложениях как дополнительная их часть [Виноградов, 1975, 41-42]. То есть цель таких слов – отразить субъективную модальность, придать некое добавочное значение, поэтому они не показывают, как связаны друг с другом другие члены предложения (**верно** – *содиқона, ба ростӣ* – **right**, **действительно** – *ҳақиқатан* – **is it true**; **по преданию** – *аз рӯйи ривоят* – **according to legend**, **по слухам** – *аз рӯйи шунида*, – **hearing**; **к сожалению** – *афсӯс* – **unfortunately**; **к счастью** – *хушбахтона* – **to happiness** и т.д.)

Кроме того, В.В. Виноградов отмечал, что функции модальных слов и словосочетаний характеризуются обширностью, поэтому в теории любые лексические слова, которые передают чувства по поводу явления действительности или иным образом, отражают отношение говорящего, можно назвать модальными словами и выражениями. Таким образом, эта категория может быть весьма ёмкой и обширной.

Таким образом, можно утверждать, что в российской лингвистике до сих пор нет единого мнения о том, сколько в языке в принципе существует модальные слова, а также о том, как их можно классифицировать. При этом отмечаются две основные точки зрения. Сторонники первой считают, что к модальным относятся многие слова, а также вся экспрессивно-эмоциональная лексика (этой точки зрения придерживается академик В.В. Виноградов). Сторонники второго подхода утверждают, что есть только две группы модальных ЛЕ: слова, которые обозначают возможность совершения

действия и предположение; слова, которые обозначают уверенность в собственном высказывании [Грамматика современного русского языка, 1970, 57].

В таджикском языкознании ученые-лингвисты тоже пока что не пришли к консенсусу касательно этой проблемы. Так, одни ученые делят модальные слова по различным семантическим признакам на одиннадцать групп [Халилов, 1964, 68], а другие – всего на три группы [Ибрагимова, 1971, 49].

Следует отметить, что точка зрения, которой придерживается М. Ибрагимова относительно деления модальных слов по семантическим признакам, почти аналогична взглядам авторов, изложенным в учебниках по грамматике русского языка (для вузов).

На основании исследованного таджикского языкового материала М. Ибрагимова предлагает такое деление модальных слов по семантике:

1. Выражающие уверенность, утверждение действительности: *албатта, ростӣ, ба ростӣ, ҳақиқатан, дар воқеъ* и т.д.: *Мехоҳӣ, ки дар қаҳвахона бароят оби чав бигирам? Баъд чизҳоро ба хона мебарем.* [Хемингвей, Э, 2014, 9]; *Конечно. Хочешь, я угощу тебя пивом на террасе? А потом мы отнесем домой снасти.* [Хемингуэй, Э, 1989, 6]; *“Yes,” the boy said. “Can I offer you a beer on the Terrace and then we’ll take the stuff home.”* [Hemingway, E, 2014, 8]

2. Выражающие сомнение, неуверенность, возможность, предположение: *бояд, мебоист, шояд, зоҳиран, ҳамоно, мумкин, эҳтимол, аз афти кор* и т.д.

Например: *Эҳтимол андаке беҳтар, вале хуб не.* [Бронте Ш, 2010 122]; *Может быть, чуть-чуть лучше, но не хорошо.* [Бронте Ш, 1993, 124]; *“Perhaps rather better than some, but not well.”* [Bronte, Sh, 1954 163].

Ва шумо, духтаракон, шояд ўро эҳтиром мегузоштед, мисле ки хидматгордухтарони дайр иззати пири худро баҷо меоваранд? [Бронте Ш,

2010, 121]; *И вы, девочки, наверное, обожали его, как монашки в монастыре обождают своего настоятеля?* [Бронте Ш, 1993, 123]; “*And you girls probably worshipped him, as a convent full of religieuses would worship their director.*” [Bronte, Sh, 1954, 161].

3. Выражающие вежливое обращение, просьбу: *мархамат, мархамат карда, илтифоте кунед, лутфан, хоҳишмандам, бифармояд* и др. [Ибрагимова, 1971, 1-22]

Например:

- *Мархамат карда* *пиёлаи чойи чаноби рочестерро ба он кас дароз кунед.* [Бронте Ш, 2010, 117]; *Будьте добры, передайте мистеру Рочестеру его чашку.* [Бронте Ш, 1993, 120]; “*Will you hand Mr. Rochester’s cup?*” [Bronte, Sh, 1954, 158];

- *Лутфан, бигӯед, оё ба номи Ч.Э. номае ҳаст?* [Бронте Ш, 2010, 84]; *Скажите, пожалуйста, нет ли писем на имя Дж. Э?* [Бронте Ш, 86]; “*Are there any letters for J.E?*” [Bronte, Sh, 1954, 116].

Приводя характеристику модальности вообще, в своей работе М. Ибрагимова отмечает, что модальные слова – это все слова, которые каким-либо образом показывают, как автор высказывания воспринимает реальность вокруг себя. При этом важно, что эти слова уже потеряли свою причастность к тем частям речи, которыми являлись в прошлом.

Авторы коллективной «Грамматики современного таджикского языка» пишут, что модальные слова и выражения, в первую очередь, помогают выразить разные чувства и эмоции, например, неуверенность в своих словах, удивление происходящим, непонимание факта действительности, попытку дать совет собеседнику и так далее [Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик, 1985, 123].

Если говорить о модальных частицах, то необходимо указать, что, между учеными-лингвистами, в частности тех, кто занимается этой проблемой в трех рассматриваемых нами языках, на данный момент еще не сложилась и нет единого точки зрения касательно того, какие слова можно

отнести к модальным частицам. Если обратиться к исследованиям ученых А.М. Ломова и И.П. Распопова, в русском языке выделяются так называемые модальные частицы [Распопов, Ломов, 1984, 78]. Их можно разделить на две категории. Во-первых, это частицы, которые обладают субъективной модальностью и отражают чувства говорящего. Во-вторых, это частицы, которые связаны с интеллектуальным пониманием происходящего. В процессе проведенного сопоставления и анализа модальных частиц таджикского, русского и английского языков, мы выяснили, что они, как правило, эквивалентны.

Например: *Тақдири ҳикоятҳо низ айнан ҳамин зайл буд.* [Лондон Ч, 1981, 93]; *Так же вернулись и рассказы.* [Лондон Дж, 1951, 82]; *The short stories were returned in similar fashion.* [London, J, 1954, 20]; “*Ман ин тавр зистан наметавонам.*” [Бронте Ш, 2010, 34]; *Я не могу так жить.* [Бронте Ш, 1993, 35]; *But I cannot live so.* [Bronte, Sh, 1954, 53].

Как отмечалось выше, в таджикской лингвистике изучению модальных частиц посвящены работы М. Ибрагимовой. Она считает, что в таджикском языке модальных частиц становится больше потому, что слова, относящиеся к другим частям речи становятся такими частицами. Изучив состав модальных частиц по происхождению, она выделила следующие пять групп: а) соотносимые с наречиями (*кани, низ, боз, фақат, танҳо*); б) именного происхождения (*ҳамту, ҳамин тавр, хайр, майлаш, хуб, хӯш, дуруст, охир*); в) соотносительные с глагольными формами (*мон, монед, биё, биёед, бигзор, мабодо, навод, рафту, раваду, зӯё*); г) соотносимые с местоимениями (*чи, худ, як*); д) соотносимые с союзами (*ки, магар, ҳатто, балки, кошки*) [Ибрагимова, 1971, 35]. Это первая попытка классификации модальных частиц, которую можно рассматривать как довольно подробную.

Например: *Магар ман ба марг омадаам.* [Бронте Ш, 2010, 14]; *А разве я готов к смерти?* [Бронте Ш, 1993, 14]; *And was I fit to die?* [Bronte, Sh, 1954, 28]

Биззор, вай мутеу манфиатовар буданро биомӯзад. [Бронте Ш, 2010, 32]; *Пусть научится смиряться и быть полезной.* [Бронте Ш, 1993, 33]; *“To be made useful, to be kept humble.”* [Bronte, Sh, 1954, 50].

Таким образом, мы рассмотрели основные явления субъективной модальности в трех сопоставляемых языках.

1.2. Категория объективной и субъективной модальности в русском, таджикском и английском языках

Авторы «Граматики русского языка», приводя свое понимание категории субъективной модальности, отмечают, что с помощью модальности просто отражается отношение говорящего к предмету или явлению реальности. По их утверждению, все зависит от говорящего, который, в свою очередь, определяет, произошло ли конкретное действие, произойдет ли оно в будущем или нет, может быть, говорящий требует, чтобы это случилось, или, наоборот, характеризует это действие как нежелательное [Грамматика русского языка, 1961, 80]. Однако, в этом же труде авторы соглашаются с тем, что у модальности есть самые разные определения. Сюда относятся, например, такое понимание, что модальность выражает разноплановые явления с помощью разнообразных средств (грамматики, интонации), но при этом у всех этих явлений есть общая черта: автор высказывания либо показывает, как относится к своим словам, либо показывает, как воспринимает реальность [Русская грамматика, 1980, 214].

Исходя из этого суждения, можно выделить два разных вида данной категории. Это **объективная** и **субъективная** модальности, которые также называются, соответственно, внешней или внутренней. Все исследователи соглашаются с этими противоположными категориями, более того, почти во всех описаниях модальности обязательно присутствует ссылка на них.

Рассмотрим оба вида модальности в отдельности.

Объективная модальность – это то, как предложение, использованное говорящим, соотносится к реальности. При этом соотношении важно, что принимается во внимание не мнение говорящего. Таким образом, категории, которые показывают, как говорящий относится к реальному миру, воспринимает его, являются предикативными и могут относиться целиком к высказыванию, даже если в нем нет глагола [Мусаева, 2001, 78-79].

Субъективная модальность, согласно некоторым исследованиям, используется для того, чтобы автор высказывания мог показать, является ли его предложение достоверным. Поэтому можно сказать, что модальность не относится к содержанию предложения, а лишь к его форме, при этом неважно, какими частями речи она выражена [Панфилов, 1977, 42].

При этом эти выражения связаны между собой. На ваш взгляд, эту связь следует изучать именно в контексте одной грамматической категории.

То есть, во-первых, то, что в высказывании с помощью модальности отражено некое субъективное отношение к тому, что говорится, напрямую связано с тем, что высказывание отражает объективную реальность. Таким образом, если необходимо добавить такое отношение в высказывание, то автор высказывания использует модальные ЛЕ, так как благодаря именно им, возможно, показать свое отношение к тому, что говорится. Например: *Мисли ин ки ўро арра мекарда бошанд. Маълум, ки ў мехост моро фирефта инчо биёрад.* [Бронте Ш, 2010, 15]; *Как будто ее режут. Верно, она просто хотела заманить нас.* [Бронте Ш, 1993, 16]; *Would have excused it, but she only wanted to bring us all here.* [Bronte, Sh, 1954, 28].

Во-вторых, нельзя не согласиться с тем, что отношение автора высказывания к тому, что он говорит, возможно, выразить не только с помощью модальных ЛЕ. В таких случаях можно обратиться к наклонениям глагола. Более того, здесь необходимо отметить, что субъективная модальность напрямую зависит от объективной модальности, более того, они обе наличествуют в предложении. Например: *Чи фикр доред, оё ман зебоям?*

[Бронте Ш, 2010, 128]; *Как вы находите, я красив?* [Бронте Ш, 1993, 131]; “*Do you think me handsome?*” [Bronte, Sh, 1954, 171].

В-третьих, то, как модальность отражает реальность, можно назвать, таким образом, главным основанием модальности, а при этом ее субъективное выражение будет дополнительным основанием, так как придает дополнительные оттенки высказыванию. Так оформляется содержание и отношение между объективными и субъективными высказываниями. Например: *Дар ҳақиқат аз печҳои саллаи Қорӣ Ишқамба, чунон ки дар вай дастмолҳои дегшӯиро печонда бафта бошад, тасма-тасма чиркҳои равғанолуд намоён буд.* [Айнӣ С, 1948, 83]; *По правде сказать, она грязнее вот этого земляного пола.* [Айни С, 1987, 33]; *True, the turban looked very much like a rag which had been used to clean the cauldrons in the kitchen: there were streaks of grease in every fold and on all the tassels.* [Aini S, 1986, 190]; *Дар ҳақиқат ҳам нағзакак, хушгӯшт, хушравған карда буданд.* [Айнӣ С, 1948, 104]; *И вправду мяса не пожалели, плов был хороший, жирный.* [Айни С, 1987, 23]; *So they brought me a bowl of rice pilaff, greasy and heavy with chunks of meat.* [Aini S, 1986, 217].

Вообще, в современном таджикском языке объективная модальность отражается с помощью наклонений глаголов. Всего существует четыре наклонения, это изъявительное, повелительное, предположительное и условно-желательное [Грамматикаи забони тоҷики, 1956, 130]. По сравнению с русским языком, где насчитывается три, их больше и каждое наклонение выражает свою объективную модальность.

Тем не менее в отдельных работах, посвященных таджикскому языку и конкретно категории модальности в нем, авторы рассматривают уже пять наклонений: изъявительное – сифаи хабарӣ, повелительное – сифаи амрӣ, условное – сифаи шартӣ, желательное – сифаи хоҳишмандӣ, предположительное – сифаи эҳтимолиӣ [Ниёзмухамедов, 1960, 89].

Изъявительное наклонение используется, чтобы отразить реальное отношение действия к действительности, то есть оно обозначает то, что на самом деле происходит или не происходит. Это наклонение используется в прошедшем, настоящем и будущем временах.

Ученые-лингвисты также пишут, что иногда предложение с глаголом в изъявительном наклонении, при наличии каких-либо модальных ЛЕ, может нести другие оттенки субъективной модальности, которые показывают ирреальность действия, о котором идет речь. Однако тут речь идет не о семантике, значении наклонения глагола, так как именно с помощью модальных слов, например, частиц, предложение приобретает модальность. Также можно для этого использовать порядок слов или интонацию [Расторгуева, Керимова, 1964, 43].

Например: *Инак кампир хомӯш монданро беҳтар донист ва бо дили дарднок ба кори одатиаи машгул шуд.* [Твен М, 1951, 27]; *Так что она не сказала ни слова и с тяжелым сердцем занялась обычной работой.* [Твен М, 1988, 21]; *So she kept silence, and went about her affairs with a troubled heart.* [Twain, M, 1948, 23].

Модальные слова *албатта, инак, бале* и т.п. в данных примерах используются для того, чтобы отразить дополнительные оттенки речи. То есть можно сказать, что с их помощью раскрываются определенные субъективно-модальные значения высказывания.

Как известно, изъявительное наклонение используется для описания реального факта, то есть автор высказывания уверен, что действие произошло, происходит или произойдет [Расторгуева, Керимова, 1964, 34-40], поэтому это наклонение, в отличие от других наклонений, всегда присуще временной форме глагола.

Во всех рассматриваемых нами языках существуют повелительное и сослагательное наклонения. Повелительное наклонение используется для обозначения просьбы или приказа, причем важно, отметить, что в

объективной реальности это действие пока что не выполнено. Сослагательное наклонение всегда обладает одной особенностью: отражает то, чего нет на данный момент в реальности, то есть это какое-либо возможное развитие событий. Наблюдается также и очень частое использование сослагательного наклонения – для выражения просьбы, желательности действия. Кроме того, в таджикском языке, как мы отмечали ранее, функционирует еще и предположительное наклонение, чего нет в русском языке. И оно тоже необходимо для выражения действия, которое не произошло, но может произойти.

Например: *Бале, бале, ман духтархонум Ҷорҷианаро мепарастам?* [Бронте Ш, 2010, 24]; *Да, да, я обожаю мисс Джорджиану!* [Бронте Ш, 1993, 25]; *Yes? I doubt on Miss Georgiana!* [Bronte, Sh, 1954, 39]; *Бале ӯ бояд кӯдакони бечора, кӯдакони шармсорғаштаи худро, ки касе ба онҳо сарпаноҳ додан нахост, тарк кунад.* [Лондон Ч, 1981, 138]; *Вот оно. Он уходит от них, от своих злосчастных, опозоренных, всеми отвергнутых детей.* [Лондон Дж, 1951, 114]; *That was it. He was going away from them, his pitiful, dishonored children that were welcome nowhere.* [London, J, 1954, 160].

Отметим, что, в отличие от русского и английского, в таджикском языке не бывает так, чтобы повелительное наклонение выражалось начальной формой глагола.

Если определять, какое значение имеют лексические единицы при выражении модальности в формах изъявительного наклонения, то М. Ибрагимова пишет, что в таджикском языке субъективная модальность выражается не только изъявительным наклонением, но и с использованием различных ЛЕ, которые делают эту модальность более ярко выраженной и понятной [Ибрагимова, 1971, 78].

Прежде, чем определить, как выражается субъективная модальность, следует описать классификацию средств выражения субъективной модальности. Данная классификация была разработана Р.П. Мильрудом и

И.В. Антиповым, и она включает эпистемологическую, деонтологическую, гипотетическую, желательную, и декларативную модальность [Мильруд, Антипов 2009, 30]. Более подробно указанные о типы модальности со свойственной им семантикой будут рассмотрены в последующей главе.

Можно использовать разные средства, например, междометия, вводные слова, не исключается возможность использования интонации, порядка слов или их повторов. Конечно, несомненно, применяются и сами модальные слова и словосочетания. Более того, все эти перечисленные средства можно успешно сочетать друг с другом. Отметим, что субъективных значений насчитывается большое множество, поэтому этих средств может быть больше [Русская грамматика, 1980, 80].

М.А. Дмитриевская в работе «Логический анализ. Знание и мнение» отмечает, что на данном этапе развития лингвистики в контексте изучения модальности происходит изменение парадигмы, так как на первый план выходит субъект речи, то есть автор высказывания, который и определяет пропозицию. Ранее это определялось окружающей реальностью [Дмитриевская, 1988, 7].

Если рассматривать модальность именно в таком аспекте, то представление об этой категории значительно расширится, кроме того, появится понимание того, что субъективность зависит от индивида, который применяет модальность. То есть использование модальных слов зависит от индивидуальных особенностей, например, интеллекта субъекта речи.

Например: - *Rū ba rū va чаим ба чаим – онҳо ҳамин тавр хеле вақт истоданд.* [Твен М, 1951, 9]; *Лицо к лицу и глаза в глаза – так они передвигались очень долго.* [Твен М, 1988, 11]; *They kept face to face and eye to eye all the time.* [Twain, М, 1948, 11]; *Наход ҳамин тавр шавад.!* [Твен М, 1951, 97]; *Да не может быть!* [Твен М, 1988, 60]; *Do you thought!* [Twain, М, 1948, 67];

Хайр, эҳтиёт бошед! . – гуфт Бесси. [Бронте Ш, 2010, 10]; Ну, смотрите ! . – сказала Бесси. [Бронте Ш, 1993, 10]; If you don't sit still, you must be tied down, said Bessie. [Bronte, Sh, 1954, 22]; Хайр, ман кӣ ҳастам? – нурсид ӯ. [Бронте Ш, 2010, 17]; Ну – ка, кто я? – спросил он. [Бронте Ш, 1993, 17]; «Well, who am I? » he asked. [Bronte, Sh, 1954, 30].

Саранҷом мартин ба худ андешид, ки ба ҳарҳол аз ин зараре нест ва ба кӯча баромада, Руфьро пеш гузаронд худ бошад дар паҳлӯи вай аз тарафи кӯча ба роҳ даромад. [Лондон Ч, 1981, 101]; Почему бы не попробовать, решил он и, едва они ступили на тротуар, перешел за спиной Руфи к краю. [Лондон Дж, 1951, 88]; It wouldn't do any harm to try it, he decided, by the time they had reached the sidewalk: and he swung behind Ruth and took up his station on the outside. [London, J,1954, 122].

Здесь обсуждается то, что действие произошло в реальности. При этом высказывание субъективное, более того, субъекты речи говорят об одном и том же – о времени года, но при этом их отношение к предмету обсуждения противоположное. Поэтому и лексические единицы, и грамматическое оформление речи использованы по-разному.

Выражение объективно-модальных и субъективно-модальных значений в речи, как отмечает И.А. Филипповская, показывает, как говорящий, то есть субъект речи, воспринимает окружающую его реальность, при этом речь идет о том, возможно ли действие, о котором идет речь, или, может быть, оно необходимо, и так далее [Филипповская, 1978, 13]. Чаще всего эти оттенки смыслов принадлежат сказуемому, в случае же, если предложение односоставное, то это должен быть главный его член. Существуют также особые синтаксические структуры, которые будут рассмотрены ниже.

Подобную структуру в таджикском языке образуют преимущественно безличные предложения, сказуемые которых выражены модальными словами *мумкин, даркор, лозим, шарт*, употребляющиеся в сочетании с инфинитивом.

Например: *Агар хан нашинед, шуморо бастан лозим меояд, - гуфт Бесси.* [Бронте Ш, 2010, 10]; *Если вы не будете сидеть смирно, вас придётся привязать, - сказал Бесси.* [Бронте Ш, 1993, 10]; *«If you don't sit still, you must be tied down» - said Bessy.* [Bronte, Sh, 1954, 22]; *Хайр майлаш, марҳамат кун. Лекин, не, Бен, беҳтараиш ин аст, ки даркор нест: ман метарсам ...* [Твен М, 1951, 20]. *Ладно! Впрочем, нет, Бен, лучше не надо ... боюсь я ...* [Твен М, 1988, 17]. *«Well here, No Ben, now don't: I'm afraid» .* [Twain, M, 1948, 18]; *Чанг даркор нест, шартро қарор диҳетон, - гуфт Рузимурод.* [Айни С, 2017, 29]; *Не надо ссориться, назначайте условия, - вмешался Рузи Мурад.* [Айни С, 1982, 339]; *“No need to fight, just fix the bet”, said Ruzimurod.* [Aini S, 1998, 210].

Как отмечают Т.Б. Алисова, субъективную модальность можно выявить в том случае, если рассмотреть высказывание с точки зрения грамматики и логических связей между членами предложения [Алисова, 1971, 34].

Приведём примеры следующих разновидностей предложений:

- 1) **«Ветер затих»; Шамол ором шуд. The wind calmed down.**
- 2) **«Ветер, вероятно, затих»; Шамол, эҳтимол, ором шуд. The wind probably calmed down.**
- 3) **«Ветер, может быть, затих»; Шамол, шояд, ором шуд. The wind may be calmed down.**
- 4) **«Ветер, кажется, затих»; Шамол, аз афташ ором шуд. The wind, seems calmed down.**
- 5) **«Ветер, конечно, затих». Шамол, албатта, ором шуд. The wind, of course, calmed down.**

Приведенный иллюстративный материал доказывают, что с помощью модальных слов и словосочетаний можно отразить, степень достоверности соответствия высказывания действительности.

Если сравнить точки зрения различных исследователей в области лингвистики по поводу появления, образования и значения модальных слов в языках, которые мы исследуем в данной работе, то можно сделать вывод, что в этих языках функционируют одинаковые модальные единицы.

Например, в этих трех языках употребляются модальные единицы, которые выражают **уверенность** автора высказывания в том, что он говорит. Это: *албатта* (конечно – *of course*), *ҳатман* (обязательно – *necessarily*), *рост*, (правда – *true*), *зимнан*, *ҳақ*, *алҳақ*, *дуруст*, *ҳамин тавр* (правильно, верно – *rightly*), *хайр*, *майлаш*, *рози*, *маъкул*, *бигзор* (ладно, хорошо, согласен – *okay – ok, agree*), *ҳақиқатан*, *дар ҳақиқат* (действительно, на самом деле – *really, in fact*), *бешубҳа* (несомненно – *undoubtedly*), *хуб*, *хуш* (хорошо – *well*) и др.

Например: *Дар ҳақиқат аз печҳои саллаи Қорӣ Ишкамба, чунон ки дар вай дастмолҳои дегшӯиро печонда баста бошад, тасма-тасма чиркҳои равғанолуд намоён буд.* [Айнӣ С, 1948, 83]; *По правде сказать, она грязнее вот этого земляного пола.* [Айни С, 1987, 33]; *True, the turban looked very much like a rag which had been used to clean the cauldrons in the kitchen: there were streaks of grease in every fold and on all the tassels.* [Aini S, 1986, 190]; *Дар ҳақиқат ҳам нағзакак, хушгӯшт, хушравған карда буданд.* [Айнӣ С, 1948, 104]; *И вправду мяса не пожалели, плов был хороший, жирный.* [Айни С, 1987, 23]; *So they brought me a bowl of rice pilaff, greasy and heavy with chunks of meat.* [Aini S, 1986, 217].

К модальным словам с выражением сомнения, неуверенности, предположения относятся следующие лексемы: *гӯё* (как будто – *as*), *бояд*, *мебоист*, *боист* (должно быть – *must be*), *зоҳиран*, *тахминан* (предположительно – *presumably*), *мабодо*, *одатан*, *рафту*, *раваду*, *эҳтимол* (может быть – *may be*), *шояд*, *шояд, ки* (вероятно – *probably*), *аз афташ* (по-видимому – *apparently*), *мумкин, ки* (возможно – *perhaps*), *аз афти кор* (очевидно – *obviously*) и др. Например: *Шояд ҳоло шумо хоҳед*

хуфт, духтархонум? – нурсид Бесси бо нармии зайриодатӣ. [Aini S, 1986, 17]; *Может быть, вы теперь заснете, мисс? – спросила Бесси с необычной мягкостью* [Бронте Ш, 1993, 17]; «*Do you feel as if you should sleep, miss?*» *asked Bessie, rather softly.* [Bronte, Sh, 1954, 30]

При этом перечисленные лексемы имеют свои переводы и на русский язык, то есть тоже можно выявить соответствие.

Соответственно с целью, поставленной в настоящей диссертации, следует более подробно изучить субъективную модальность в трех выбранных нами для анализа языках т.е. рассмотреть примеры субъективной модальности. Так, С.И. Баевский довольно подробно исследовал модальные глаголы персидского языка *хостан, тавонистан, шоистан, боистан* [Баевский, 1953, 21]

Изучением выражения субъективной модальности в таджикском языке занимался А. Халилов. Отметим, что основным объектом его исследования является именно литературный язык. Проводя аналитический обзор научных работ, посвященных данному вопросу, он акцентировал свое внимание на степень изученности субъективной модальности. Кроме того, А. Халилов также работал над субъективно-модальными значениями различных модальных слов [Халилов, 1964, 1-106].

В своих многочисленных трудах по таджикскому глаголу В.С. Расторгуева отмечает, что субъективная модальность может выражаться с помощью склонения глагола. Более того, она не оставляет без внимания склонения, определяя при этом насколько склонение помогает выразить модальность [Расторгуева, 1953, 16].

Сопоставление модальных глаголов в рассматриваемых языках позволило прийти к выводу, что в русском, таджикском и английском языках имеется множество идентичных модальных глаголов: *хотеть – хостан – to want* (субъективно-модальное значение желаемости действия), *может быть – шояд – may be* (субъективно-модальное значение предположения) и др.,

Например: - *Шояд ҳоло шумо хоҳед ҳуфт, духтархонум? – пурсид Бесси бо нармии зайриодатӣ.* [Бронте Ш, 2010, 17]; *Может быть, вы теперь заснете, мисс? – спросила Бесси с необычной мягкостью* [Бронте Ш, 1993, 17] «*Do you feel as if you should sleep, miss?» asked Bessie, rather softly.* [Bronte, Sh, 1954, 30].

Базируясь на концепции В.В. Виноградова, Ф.Х. Носирова в своей диссертации рассуждает об объективной и субъективной модальности. По её мнению, с помощью объективной модальности выражается отношение содержания высказывания к реальности, а с помощью субъективной - отношение автора к содержанию высказывания. При этом Ф.Х. Носирова объективную модальность считает обязательной, а субъективную – факультативной, и отмечает более широкий объем субъективной модальности на семантическом уровне [Носирова, 2002, 118].

Рассматривая семантику субъективной модальности в художественном тексте, П. В. Каштанова и Г. П. Мосолова отмечают, что она может передаваться через речь автора и персонажей на базе языкового потенциала структуры предложения, лексико-грамматических компонентов и интонационных возможностей текста [Каштанова, Мосолова, 2013, 232].

И. Е. Герасименко, в свою очередь, считает, что субъективная модальность характеризуется широким спектром разнообразных способов языкового выражения. Содержательная база субъективной модальности образует понятие оценки, включенное как в рациональную, так и в эмоциональную квалификацию сообщения [Герасименко, 2016, 94].

Е. Г. Князева подчеркивает, что субъективная модальность в речевом акте выражает оценку коммуниканто разной степени информированности о возможных, необходимых и действительных связях. Таким образом, субъективная модальность функционирует как инструмент определения степени достоверности, точки зрения коммуниканта о той или иной ситуации [Князева, 2017, 189].

Теперь коснёмся вопроса о фразеологических единицах, которые в русском, таджикском и английском языках могут выражать как аналогичные субъективно-модальные значения (эквивалентные ФЕ), так и совершенно разные по значению выражения, которые присущи только данному народу (безэквивалентные ФЕ). Это связано с природой самих фразеологизмов, значение которых, как известно, не выводимо из семантики их состава. Они употребляются, как правило, в переносном значении и в определенных ситуациях.

Таким образом, модальные фразеологизмы, в отличие от других фразеологизмов, обладают дополнительными функциями.

Например: *Хушбахтона, ман ба ин зиёфати камбагалона як чиз – ним чиз афзудан метавонам.* [Бронте Ш, 2010, 69]; *К счастью, я могу добавить кое – что к этому скудному угощению.* [Бронте Ш, 1993, 71]; *“Fortunately, I have it in my power to supply deficiencies for this once”* [Bronte, Sh, 1954, 97]

Фразеологические единицы, выражающие разнообразные субъективно-модальные значения, очень широко используются и в современном таджикском литературном языке.

Например: *Бешубҳа, барои ту осон аст.* [Бронте Ш, 2010, 54]; *Тебе легко, без сомнения.* [Бронте Ш, 1993, 55]; *For you I have no doubt it is.* “ [Bronte, Sh, 1954, 78].

Все упомянутые работы нацелены на то, чтобы изучить модальность с точки зрения содержания, формы, а также функций, которыми она обладает.

Подводя итог анализа научных работ, было установлено, что на данный момент в лингвистике под субъективной модальностью подразумевают функционально-семантическую категорию, которая встречается во всех изучаемых в рамках данного исследования языках.

Выводы по первой главе

Таким образом, по итогам первой главы можно сделать вывод, что вопрос выражения модальности в языке в лингвистике еще остается одной из острых проблем. Исследование модальности осложняется тем, что не до конца изучены ее взаимодействие с другими языковыми категориями, её специфика и все тонкости ее выражения в письменной и устной речи.

В результате изучения современных лингвистических исследований уstonовлено следующее:

1) Модальность – это отдельная функционально-семантическая категория, отражающая разные виды связи высказывания с реальностью.

2) Главная функция модальности заключается в том, что она определяет высказывание с помощью лексико-грамматических средств.

3) Модальность выражается с использованием разных способов: лексических, морфологических, синтаксических, а также интонационных. При этом здесь же используются соответствующие средства. Таким образом, модальность – универсальная категория, характерная для разных языков.

4) Большинство российских, таджикских и зарубежных исследователей придерживаются мнения о том, что существует два типа модальности – объективная и субъективная.

5) Объективной модальностью считается модальность, которая выражает связь высказывания с действительностью. Субъективной модальностью считается модальность, которая выражает связь автора высказывания с высказыванием. При этом объективная модальность является обязательным и неотъемлемым признаком любого высказывания, в то время как субъективная модальность является факультативной.

6) Основным отличием субъективной модальности от объективной является диапазон спектра значений. Семантическое поле субъективной модальности намного шире и способы ее выражения так же гораздо более

разнообразны, включая в себя лексические, грамматические, синтаксические, фразеологически и просодические языковые средства.

7) Субъективная модальность может быть выражена категорией наклонения, модальными словами, модальными глаголами, фразеологизмами, частицами, союзами и междометиями. Данное утверждение подробно подтверждается исследованием указанного материала в следующей главе настоящего исследования.

Так, в настоящей работе было выявлено, что глаголы, которые стали модальными, получают функции служебных частей речи, так как, во-первых, используются в одной форме, во-вторых, автор высказывания подбирает их самостоятельно.

Также мы обнаружили, что в современном таджикском языке некоторые глаголы обладают двузначностью, то есть используются одновременно как модальные слова и члены предложения – сказуемые.

Сравнительный анализ модальных глаголов в сопоставляемых языках показал, что в русском, таджикском и английском языках выявлено множество идентичных модальных глаголов: *хотеть – хостан – to want* (субъективно-модальное значение желаемости действия), *может быть – шояд, бояд – may be* (субъективно-модальное значение предположения) и др.

Как в русском, английском, так и в таджикском языкознании единое мнение о количестве и категориях слов и сочетаний, относимых к модальным единицам, пока не сложилось.

ГЛАВА 2. СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В РУССКОМ, ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

2.1. Категория наклонения как средство выражения субъективной модальности

Если говорить о выражении модальности речи, то следует исходить из того, что важное значение имеет особая категория глагола – наклонение. Как уже установлено наклонение – это один из наиболее важных способов для выражения модальности.

Именно благодаря наклонению у говорящего появляется возможность показать, как действие соотносится с реальностью, то есть выполняется ли оно на самом деле или только предполагается.

Отметим также, что в языкознании пока еще не существует единого подхода, чтобы выявить, какая языковая категория отражает объективную модальность, а какая – субъективную. Несмотря на то, что наклонение обычно относится к объективной модальности, зачастую оно используется и для субъективной. Более того, в русском языке к тому же нет четкого разделения между видами модальности.

Даже в изъявительном наклонении может отражаться субъективная модальность, например, возможность действия или невозможность, а также различные эмоции, с помощью модальных слов, междометий, частиц. Поэтому в речи могут отражаться значения различных модальных отношений в языке.

Например:

умение: - *Ман метавонам бо шумо муошират намоям, ҳамчунон ки бо чаноб ва бо Софи.* [Бронте Ш, 2010, 98]; *Я могу разговаривать с вами, как с ним и с Софи.* [Бронте Ш, 1993, 100]; *I can talk to you as I can to him, and so can Sophie.* [Bronte, Sh, 1954, 134]; *Акнун ман рафта метавонам?* [Твен М,

1975, 28]. *Теперь я могу уйти?* [Твен М, 1986, 27]; «*I may go now?*» [Twain, M, 1882, 22].

В данных примерах субъективная модальность возможности/невозможности выражается с помощью глагола “*метавонам/могу/can*”, обозначая умение говорящего в совершении возможного действия.

желание: *Ман мехоҳам, ки вай муносиби мақому манзалати ояндаи худ тарбият ёбад. – валинеъматхонуи ман давом дод. – Бигзор, вай мутеу манфиатовар буданро биомӯзад.* [Бронте Ш, 2010, 32]; *Я хотела бы, чтобы она было воспитана в соответствии со своим будущим положением, - продолжала моя благодетельница. – Пусть научится смиряться и быть полезной.* [Бронте Ш, 1993, 31]; «*I should wish her to be brought up in a manner suiting her prospects, continued my benefactress; to be made useful, to be kept humble:*» [Bronte, Sh, 1954, 50].

В приведенных примерах субъективная модальность возможности/невозможности выражается с помощью глагола “*мехоҳам /хотела/ wish*”, обозначая желание говорящего в совершении возможного действия.

утверждение: *Ман бояд ўро пеш аз маргаи ба оғӯи кашам, охири бор бибӯсам, охири суханро раду бадал намоям.* [Бронте Ш, 2010, 76]; *Я должна была обнять ее перед смертью, поцеловать в последний раз, обменяться с ней последними словами!* [Бронте Ш, 1993, 79]; *I must embrace her before she died, – I must give her one last kiss, exchange with her one last word.* [Bronte, Sh, 1954, 107]; *Ман дар бораи ҳамаи ин фикр мекунам.* [Бронте Ш, 2010, 147]; *Я обо всем этом подумаю.* [Бронте Ш, 1993, 151]; *Well, I shall reflect on the subject.* [Bronte, Sh, 1954, 197].

Как видно из примеров, субъективная модальность возможности/невозможности использован глагол “*бояд /должна/ must*”, обозначая обязанность говорящего в совершении возможного действия.

предположение: *Ман чи навъ чазо додани ўро фикр мекунам* [Твен М, 1975, 14]; *Но я подумаю, как наказать ее.* [Твен М, 1986, 14]; *I had not thought of that. I will consider of her punishment* [Twain, M, 1882, 10].

В этом примере для выражения субъективной модальности возможности/ невозможности использован глагол **“фикр мекунам/подумаю/consider”**, обозначая мыслительное усилие говорящего в совершении возможного действия.

В.В. Виноградов указывает, что модальные ЛЕ, а также отдельно частицы, используются для выражения разнообразных эмоций по отношению к говоримому. Поэтому есть целые модальные конструкции именно аналитического плана, в которых изъявительное наклонение уже может быть очень похоже на другие наклонения, хотя по форме остается тем же. Оно просто приобретает другие оттенки смысла [Виноградов, 1972, 462].

Повелительное наклонение используется для того, чтобы показать, что субъект речи требует, желает, чтобы то или иное действие было совершено в какой-либо момент времени. При этом ученые отмечают, что эта общая семантика включает в себя и прочие значения, например, пожелание, кроме того, сюда же причисляются и переносные значения данного наклонения [Грамматика современного русского языка, 1970, 110].

Рассмотрим значения, которые выражает изъявительное наклонение:

1) **«значение собственно побуждения»**. Данное значение включает отрицание возможности выполнить. Высказывание обычно содержит эмоциональную экспрессию (*угроза, неодобрение, ирония*): *Ана, барои он ки ту ба модарам дагалӣ кардӣ.* [Бронте Ш, 2010, 8]; *Вот тебе за то, что ты надерзила маме.* [Бронте Ш, 1993, 8]; *«That is for your impudence in answering mama a while since»* [Bronte, Sh, 1954, 20].

В настоящем примере высказывается угроза, обозначая запрет на совершение конкретного действия, что в итоге делает его невозможным в будущем.

2) «значение побуждения в сочетании с пожеланием (хочу, чтобы...): *Пусть будет у меня лишь пол-лепешки, да зато я сам себе хозяин, — говорил он и продолжал работать у себя дома.* [Икрами Дж., 1965, 9]; – *Бигузор, то сихат шудани чароҳатам дар ҳамин чо бошам.* [Икрами Қ., 1984, 206]; *"Let's get off the track," he said.* [Twain M., 1882, 122].

Приведенный пример содержит пожелание, которое одновременно является мотивацией говорящего для совершения конкретного действия.

3) «побуждение в сочетании с долженствованием»: *Муйҳоро битарошед!* [Бронте Ш, 2010, 61]; *А космы следует остричь!* [Бронте Ш, 1993, 63]; *«All those top-knots must be cut off».* [Bronte, Sh, 1954, 88]; *Дарро кушо ва бигзор ӯ ба дарун дарояд.* [Твен М, 1975,12]; *Отвори ворота, и пусть он войдет.* [Твен М,1986, 13]; *«Open the gates, and let him in»!* [Twain, M, 1882, 9]; *Бигзор дарояд! Бигзор дарояд! Бетоқатона фарёд кард.* [Твен М, 1975, 45]; *Пусть войдет! Пусть войдет! – нетерпеливо крикнул король.* [Твен М, 1986, 27]; *«Admit him! admit him! Exclaimed the king eagerly»* [Twain, M, 1882, 42].

В настоящих примерах высказывается сильное побуждение к конкретному возможному действию. Интересно отметить, что почти во всех примерах наблюдается повелительное наклонение.

4) «значение побуждения в сочетании с допущением, принятием: *Биравем, Бесси, бигузор танҳо нишинад.* [Бронте Ш, 2010, 11]; *Пойдем, Бесси, пусть посидит одна.* [Бронте Ш, 1993, 11]; *Come, Bessie, we will leave her.* [Bronte, Sh, 1954, 23]; *Биёед, ақалан дастони якдигарро фишорем.* [Бронте Ш, 2010, 147]; *Давайте, хоть пожмем друг другу руки.* [Бронте Ш, 1993, 151]; *At least shake hands.* [Bronte, Sh, 1954, 197].

В настоящих примерах высказывается побуждение к совершению конкретного возможного действия с принятием результатов произведенного действия. Данное значение также выражено посредством глаголов повелительного наклонения.

5) «значение неограниченной возможности, легкости осуществления действия»: *Хуб, ман туро пеши бародарат бирав намегӯям, вале ту бояд ба ман қавл диҳӣ, ки вақти таҳтили тобистон хуб истироҳат мекуӣ.* [Войнич Э, 1982, 13]; *Хорошо, я не буду настаивать, чтобы ты вернулся туда, во всяком случае пока, - ласково поговарил он.* [Войнич Э, 1987, 8]; *«I won't press you to go back there; at all events, just now,» he said in his most caressing tone.* [Voynich E, 1953, 7]; *Марҳамат карда пиёлаи чойи чаноби Рочестерро ба он кас дароз кунед, - ба ман муроҷиат намуд хонум Фэйрфакс, - мабодо Адел онро резонад.* [Бронте Ш, 2010, 117]; *Будьте добры, передайте мистеру Рочестеру его чашку, - обратилась ко мне миссис Фэйрфакс, - как бы Адель не пролила.* [Бронте Ш, 1993, 120]; *«Will you hand Mr. Rochester's cup?» said Mrs. Fairfax to me; Adele might perhaps spill it:* [Bronte, Sh, 1954, 158]; *Бо ин суханонатон аллакай ба ман тӯҳфае бахшидед, чаноб; ва ман аз шумо хеле миннатдорам.* [Бронте Ш, 2010, 118]; *Вот вы мне и сделали подарок, сэ; и я вам чрезвычайно признательна.* [Бронте Ш, 1993, 121]; *«Sir, you have now given me my 'cadeau;' I am obliged to you»* [Bronte, Sh, 1954, 159]; *Ҳақиқатан ҳам ўро фавран ба мактаб фиристодан зарур аст, - гур – гур кард хонум Рид.* [Бронте Ш, 2010, 35]; *Действительно, надо поскорее отослать ее в школу, - пробормотала миссис Рид.* [Бронте Ш, 1993, 36]; *«I will indeed send her to school soon» murmured Mrs. Reed.* [Bronte, Sh, 1954, 54].

В данных примерах высказывается значение возможного действия, которое будет осуществлено в неизвестный период времени, однако говорящий не сомневается в осуществлении. Посредством данной модальности можно также выражать просьбу.

В русском языке повелительное наклонение сочетает в себе объективную модальность и функциональную. Функция при этом, конечно, коммуникативная, так как отражает волеизъявление, просьбу или приказ, а

также требование или пожелание [Грамматика современного русского языка, 1970, 608].

Следует сразу отметить, что различные способы выражения повелительного наклонения обладают модальными значениями. Например, существуют устоявшиеся побудительные формы, которые считаются разговорными и фамильярными, например:

Пас зуд бошед, як ниёла май диҳед!. [Твен М, 1975, 59]; *Так давайте чашу, да поскорей, поскорей!* [Твен М, 1986, 56]; «*Give me the cup, then, make speed, make speed!*» [Twain, M, 1882, 51].

Существует еще одна интересная функция повелительного наклонения глаголов, которая заключается в том, что некоторые глаголы в форме императива могут использоваться как модальные частицы для выражения значения удивления, недоверия, сомнения, угрозы. Например: *Канй, канй! Танхо сар карда бинед! Бо исрор талаб кунед ва бозй тамом хоҳад шуд.* [Бронте Ш, 2010, 257]; *Ну – ну ! Попробуйте только! Настаивайте, требуйте и конец игре.* [Бронте Ш, 1993, 263]; «*Is it, sir? You soon give in.*» [Bronte, Sh, 1954, 334]; *Ана шумо дар кучоед! Биёед инчо, нишинед.* [Бронте Ш, 2010, 127]; *Так вот вы где! Идите сюда, садитесь.* [Бронте Ш, 1993, 129]; «*Ah! Well; come forward: be seated here.*». [Bronte, Sh, 1954, 170].

В приведённых примерах можно наблюдать значение угрозы и приказа.

Отметим, что в этих примерах стирается значение повелительности, то есть они уже не воспринимаются как просьбы или приказы. Такое явление можно рассматривать как один из признаков модальных слов и выражений. Кроме того, в таких случаях важная роль принадлежит интонации.

Основная роль **сослагательного** наклонения — это выражение именно значения предположения, то есть гипотетичности действия, таким образом, факт того, произойдет ли действие. То есть глаголы в сослагательном наклонении используются для обозначения желательного или возможного

действия при определенных условиях или же, если автор высказывания сомневается в том, что действие произойдет, то он только его предполагает.

Свойственное сослагательному наклонению значение предположительности может выражаться следующим образом: *Ман мехостам, ки бо ту шинос шавам. Саргузашти худатро ба ман нақл кун!* [Твен М, 1975, 72]; *Я хотел бы узнать тебя ближе. Расскажи мне свою историю.* [Твен М, 1986, 63]; «*I would know thee – tell me thy story*». [Twain, M, 1882, 63].

В настоящем примере высказывается пожелание конкретного действия и побуждение к действию для осуществления пожелания.

– *На, пагоҳ ҳам омаданат мумкин; ман туро дидан мехостам, зеро ки сешанбе аз ин чо меравам – маро ба Рим даъват кардаанд.* [Войнич Э, 1982, 31]; *Нет, можно и завтра. Мне хотелось видеть тебя – я уезжаю во вторник. Меня вызывают в Рим.* [Войнич Э, 1987, 22]; «*No; tomorrow will do. I want to see you because I am going away on Tuesday. I have been sent for to Rome.*» [Voynich E, 1953, 26].

В настоящем примере высказывается пожелание совершения конкретного действия с объяснением причины пожелания.

Агар ин мардум ба ин чо омада ба ман туф мекарданд, дар ин сураш шумо чӣ кор мекардед, Чейн? [Бронте Ш, 2010,201]; *Если бы все эти люди пришли сюда и оплевали меня, что бы вы сделали, Джейн?* [Бронте Ш, 1993, 204]; «*If all these people came in a body and spat at me, what would you do, Jane*» [Bronte, Sh, 1954, 263].

В настоящем примере ставится вопрос о совершении конкретного действия в случае возможности совершения другого действия

Таким образом, предположение может приобретать разные значения, например, побуждение или желание выполнения какого-либо действия.

Сослагательное наклонение в русском языке активно используется, чтобы выразить семантику желания в широком семантическом спектре. Для

выражения семантики желания могут использоваться различные наречия с частицей бы и не.

При этом формы сослагательного наклонения часто объединяются с частицами и выступающими в роли частиц наречием: *лучше бы*:

Боз кам монда буд, ки Том даҳонаширо кушода бигӯяд, ки беҳтар аст аввал қарзҳои шоҳи марҳум дода, баъд якбора ин қадар пул сарф карда шавад. [Твен М, 1975, 88]; *Том чуть было не брякнул, что лучше бы сначала уплатить долги покойного короля, а потом уж расходовать такие огромные деньги.* [Твен М, 1986, 84]; *Tom was about to blurt out something about the propriety of paying the late king's debts first before squandering all his money.* [Twain, M, 1882, 79].

В таджикском языкознании В.С. Расторгуева представила подробную картину системы таджикского глагола, выделяя при этом широкий спектр основных модальных оттенков, передающихся посредством глагольных наклонений. При помощи форм наклонения глагола «всякое действие представляется либо как имеющее место в действительности (в настоящем, прошедшем и будущем), либо как возможное в силу определенных обстоятельств или желательное, либо же, как действие, к которому говорящий побуждает другое лицо. При этом в каждом наклонении действие может утверждаться или отрицаться. Значения наклонений, так сказать, накладываются на значения утверждения или отрицания, которые, собственно говоря, тоже выражают отношение к действительности, но самого общего характера» [Расторгуева, 1953, 11].

Выше уже было отмечено, что в грамматике таджикского языка выявлено четыре наклонения, в то время как в русском и английском их выделено три. Итак, в современном таджикском языке это – изъявительное (сиғаи хабарӣ), повелительное (сиғаи амрӣ), условно-желательное (сиғаи шартӣ-хоҳишмандӣ) и предположительное (сиғаи эҳтимолӣ) [Грамматикаи забони тоҷикӣ, 1956, 130].

Как известно, «**изъявительное** наклонение представляет собой систему видовременных форм, объединённых общим значением подлинной реальности, несомненности выраженного в них действия» [Расторгуева, Керимова, 1964, 34-40].

«Модальность глагола изъявительного наклонения обычно зависит от того, каков характер связи между действием и его субъектом. Эта связь может быть *реальной, возможной, желательной, необходимой* и т.д.» [Мошеев, 1977, 11].

Кроме того, отмечается еще одно существенное отличие таджикского языка от русского и английского: в нем имеется семь видовременных форм. Это конкретно: простое прошедшее время, длительное прошедшее время, преждепрошедшее время, определенное прошедшее время, определенное настоящее время, будущее категорическое время, или, как его еще называют, литературное будущее время.

Если в некоторых таджикских конструкциях или предложениях присутствуют конкретные модальные единицы, а в составе предложения имеется глагол, который стоит в изъявительном наклонении, тогда он может обладать и другими модальными оттенками.

Например, следующие модальные слова *бале, инак, албатта* в предложениях используются с целью выражения добавочных оттенков модальности: *Бале, шумо хукмфармои олицоҳи ман, шоҳи ман ҳастед, илоҳи умри шуморо худо зиёд кунад!* [Твен М, 1975, 27]; *Да. Ты мой грозный повелитель, король, да хранит тебе бог!* [Твен М, 1986, 26]; «*Yea; thou art my dread lord the king, whom God preserve!*» [Twain, M, 1882, 21].

В настоящем примере модальное слово «бале» употребляется для добавления значения подтверждения.

Ҳазрат, албатта, ман хушбахт мебудам, лекин ....фақат... [Твен М, 1975, 43]; *Ваше преподобие, конечно, я .... я буду очень рад, но только...*

[Твен М, 1986, 33]; «*Reverend Father of course I – should be glad; only* »
[Twain, M, 1882, 33].

Приведенное в настоящем примере модальное слово «албатта» используется для добавления значения уверения.

По мнению Ибрагимовой М., «Глаголы *фикр кардан, фарз кардан* (думать – **think**), *гап задан* (говорить – **speak**), *фаҳмидан* (понимать – **realize**) и др. могут уточнять, дополнять модальность последующего высказывания, по смыслу которых можно предположить, о чем будет идти речь.» [Ибрагимова, 1971, 18].

Например: – *Охир, ҳада ҳар хел мешавад, аз ин ваҷҳ, фикр кардан лозим, қабл аз он ки ҷавоб гардонам.* [Бронте Ш, 2010, 118]; *Ведь подарки бывают разные, и тут надо ещё поразмыслить, прежде чем ответить.* [Бронте Ш, 1993, 121];

A present has many faces to it, has it not? And he should consider all, before pronouncing in opinion as to it nature. [Bronte, Sh, 1954, 59]. *Гап занед, охир, - исрор кард ӯ.* [Бронте Ш, 2010, 130]; *Говорите же, - настаивал он.* [Бронте Ш, 1993, 133]; «*Speak,*» *he urged.* [Bronte, Sh, 1954, 174].

Цель использования **повелительного** наклонения – попросить или потребовать от коммуникативного партнера выполнить какое-либо действие. Отметим, что в таджикском языке у этого наклонения не выделяются разные времена и не используется инфинитив для побуждения. В русском языке начальная форма глагола обладает этим наклонением в зависимости от ситуации. В таджикском и русском языках побуждение выглядит как второе лицо и меняется по формам в зависимости от числа. Интересен тот факт, что хотя приказы и просьбы ориентированы на будущее, тем не менее, при этом само высказывание происходит, как правило, в настоящем моменте. Глаголы, которые находятся в побудительной форме, при этом не показывают, как автор высказывания соотносит действие с реальной ситуацией. Скорее всего, цель говорящего заключается во внесении какого-либо изменения в эту

ситуацию. Отметим также, что предложение, которое содержит повелительное наклонение, в устной речи обязательно обладает своей особой интонацией, а именно – побудительной. В письменной речи интонацию, как известно, выразить куда сложнее. Кроме интонации, важную роль играют и лексические ударения.

Формы повелительного наклонения выражают следующие оттенки волеизъявления:

Утешение - *Хотирчамъ бошед, ки Риварес дар бораи муносибати бад доштани Грассини нисбат ба худаи ҳеч чизе нашунидагист.* [Войнич Э, 1982, 99]; *Да будьте уверены, Риварес не подозревает как к нему относится Грассини.* [Войнич Э, 1987, 81]; *You may be sure Rivarez has heard nothing of Grassini's disapproval.* [Voynich E, 1953, 97]; *Хушбахтона, ҳарду пури об буданд.* [Бронте Ш, 2010, 145]; *К счастью, оба оказались полны воды.* [Бронте Ш, 1993, 149]; *Fortunately, one was wide and the other deep, and both were filled with water.* [Bronte, Sh, 1954, 194].

Предупреждение – *То баргаиштанам ин чо шинед; начунбида шинед, муш барин.* [Бронте Ш, 2010, 146]; *Сидите здесь до моего возвращения; ведите себя тихо, как мышь.* [Бронте Ш, 1993, 150]; *Remain where you are till I return, be as steel as a mouse.* [Bronte, Sh, 1954, 196].

Просьба, предложение - *Акнун пойҳоятонро дар поймонак гузоред, то ки тар нашаванд.* [Бронте Ш, 2010, 146]; *А теперь поставьте ноги на скамеечку, чтобы не замочить их.* [Бронте Ш, 1993, 150]; *Now place your feet on the stool, to keep them out of the wet.* [Bronte, Sh, 1954, 196].

Повеление - *Хезед! Бедор шавед! – чонҳавлона нидо кардам ман.* [Бронте Ш, 2010, 145]; - *Проснитесь! Проснитесь! – крикнула я.* [Бронте Ш, 1993, 149]; *«Wake! wake!» I cried.* [Bronte, Sh, 1954, 194] и др.

Оттенки модальности, которые выражаются в таджикском языке посредством повелительного наклонения, соотносятся также с семантикой глаголов. По этому поводу М. Ибрагимова отмечает

следующее: «Глаголы *хоҷиш кардан* (просить – *to request*), *талаб кардан* (требовать – *to claim, to demand*), *амр кардан ё фармон додан* (приказывать – *to order*), *ичозат додан* (разрешить – *to let*), *фармудан* (велеть), *таклиф кардан* (предлагать – *to suggest*), *даъват кардан* (призывать – *to invite*), *зорӣ кардан* (умолять – *to implore*) могут употребляться для уточнения модальности высказывания» [Ибрагимова, 1971, 20].

Например: *Бовар дорам, акнун ичозат медиҳед, биравам?* [Бронте Ш, 2010, 199]; *Надеюсь, вы разрешите мне теперь удалиться?* [Бронте Ш, 1993, 202]; *I have your permission to retire now, I suppose?* [Bronte, Sh, 1954, 223].

Условно-сослагательное наклонение (сифаи шартӣ-хоҷишмандӣ) можно характеризовать множеством модальных значений, которые оно выражает. Оно используется в тех случаях, когда необходимо выразить такие абстрактные понятия, как *желание, возможность, ожидание, условие*.

Что касается сослагательного наклонения, то Мамадназаров А. проведя сопоставительно-типологическое исследование форм конъюнктива таджикского и английского языков, одновременно выявил их модальное своеобразие, а также структурные и функциональные особенности. Мамадназаров А. в своей работе отметил, что формы сослагательного наклонения таджикского и английского языков имеют общее значение предположительности, гипотетичности действия [Мамадназаров А., 2015, 160].

Обращаясь к этой же проблеме, Э.С. Исмоилзода отмечает, что глаголы данного вида наклонения бывают в четырех временных формах. Это - конкретно настоящее-будущее время (аорист); прошедшее время; длительная или вневременная форма; настоящее определенное или продолжительное время. Важно здесь отметить, что эти времена в сослагательном наклонении

используются для того, чтобы выразить уступку, повеление или условность [Исмоилзода Э., 2011, 59].

Рассмотрим это положение более подробно:

а) настоящее-будущее время (аорист) формируется с помощью соединения основы настоящего времени и личных глагольных окончаний. Оно обозначает только допущение, то есть предположение о том, что может осуществиться, что-то скорее неожиданное (с аористом глагола *рафтан* (идти) в 3-ем лице ед. числа). Например: *Агар равад, меоварад* [разг. речь]. - *Если пойдёт, то принесёт!* - *If he goes, he'll bring!* [информант]. *Раваду, ин тӯҳфа ба вай маъкул нашавад!* [разг. речь]. – *Вдруг этот подарок ему не понравится.* - *Suddenly he wouldn't like this gift!* [информант].

Значение предположения выражается также в сочетании глагола с модальными словами *эхтимол* (вероятно) и *даркор* (должно быть): - *Эхтимол ки бод бошад.* [Твен М, 1975, 145]; - *Может, это ветер* [Твен М, 1986, 134]; *Mayhap it was.* [Twain, M, 1882, 134].

В настоящем примере высказывается предположение конкретного явления.

Значение желательности выражается в сочетании с модальным словом *кошки, кош* (о, если бы - *if*): *Ин фикр шоёни таъриф аст! Кошкӣ ин кор ба амал меомад.* [Войнич Э, 1982, 91]; *Великоленная идея, если только она осуществима.* [Войнич Э, 1987, 74]; *It's a capital idea, if only one could carry it out.* [Voynich E, 1953, 88].

В данном примере выражается желательность совершения конкретного действия при определенных условиях.

Модальное значение сомнения содержится в сочетаниях глагола со словами *наход, наход, ки* (неужели): *Наход чаноби Рочестер ҳеч касро бедор накард, наход касе нашунид?* [Бронте Ш, 2010, 150]; *И неужели мистер Рочестер никого не разбудил, неужели никто ничего не слышал?*

[Бронте Ш, 1993, 153]; *-Did Mr. Rochester wake nobody? Did no one hear him move?* [Bronte, Sh, 1954, 200].

В настоящем примере выражается значение сомнения в совершении перечисленных действий и условий их совершения.

б) прошедшее время условно-сослагательного наклонения формируется с помощью деепричастия прошедшего времени основного глагола и аориста вспомогательного *будан*: *рафта бошам, дода бошй, омада бошанд* и т.п. Например: *Вай рафта бошад, меоварад (разг. речь). – Если он поехал, то привезёт. - If he went, he will bring [информант].*

В сослагательном наклонении при использовании форм прошедшего времени имеется такое же модальное значение, как и в будущем или настоящем времени. «Сфера употребления их, однако, значительно уже» [Халилов, 1977, 40].

Например: а) при выражении предположения (о прошедшем действии) в сочетании с модальной единицей *мумкин* (возможно, вероятно): *Мумкин аст, ки Артур дар бораи модараш чизе шунида бошад.* [Войнич Э, 1982, 130]; *Возможно, он узнал что – нибудь, о матери, и это было причиной его самоубийства.* [Войнич Э, 1987, 107]; *Possibly he found out something about his mother – that may easily have been the cause of his death.* [Voynich E, 1953, 128].

Приведенный пример содержит предположения причин совершенного действия.

в) длительная, или вневременная форма формируется с помощью деепричастия прошедшего времени основного глагола с приставкой *ме-* и вспомогательного глагола *будан*, который находится в форме аориста: *мерафта бошам, медода бошй, мехонда бошанд* и т.д., Например *Агар шумо ҳамчун асп пой мемондед, дар ин сурат даҳшатовар мебуд.* [Бронте Ш, 2010, 210]; *Если бы вы топали, как лошадь, то было бы ужасно.*

[Бронте Ш, 1993, 213]; *A clodhopping messenger would never do at this juncture.* [Bronte, Sh, 1954, 274];

г) настоящее определенное время формируется с помощью деепричастия прошедшего времени основного глагола и сослагательного наклонения вспомогательного глагола *истодан*, который стоит в форме прошедшего времени: *навишта истода бошӣ, гузашта истода бошад* и т.д. и выражает выполнение действия при определённом условии.

Например: *Вай қадаҳчаро ба ман дароз намуд ва ман нисфи онро аз оби сурохию дар болои дастшӯй истода нур кардам.* [Бронте Ш, 2010, 210]; *Он протянул мне стаканчик, и я налила его до половины водой из графина, стоявшего на умывальнике.* [Бронте Ш, 1993, 213]; *He held out the tiny glass, and I half-filled it from the water-bottle on the washstand.* [Bronte, Sh, 1954, 274].

Точно такой же формой может быть выражена предположительная модальность, которая, как правило, обозначается такими словами: *монанди, ба мисли (как будто, как бы, словно бы - as if)*.

Например: *Мисли ин ки мезалтида бошад, яке калавид, лабонаш бесадо чунбиданд.* [Войнич Э, 1982, 216]; *Монтенели покачнулся, как бы падая, и губы его беззвучно дрогнули.* [Войнич Э, 1987, 178]; *Monteneli was beginning to sway as though he would fall, and his lips moved, at first silently.* [Voynich E, 1953, 214].

В настоящем примере приводится описание конкретного действия с образной возможностью его совершения.

М.Т. Джаббори указывает на частотную употребительность модальных единиц таджикского языка с глаголами сослагательного наклонения [Джаббори, 2020, 56], например: *эҳтимол: – Эҳтимол ӯ як ҳафта, балки зиёдтар он ҷо меҳмон шавад.* [Бронте Ш, 2010, 154]; *Возможно, он прогостит там неделю и больше.* [Бронте Ш, 1993, 154]; *-I should think he is very likely to stay a week or more* [Bronte, Sh, 1954, 205].

В данном примере выражается возможность длительности совершения конкретного действия.

Предположительное наклонение, согласно В.С. Расторгуевой и А.А. Керимовой, «принадлежит к числу наиболее поздних таджикских глагольных новообразований. Формы, входящие в его состав, были узаконены в литературном языке лишь после 30-х годов двадцатого столетия» [Расторгуева, Керимова, 1964, 132 с.]. Это наклонение не имеет соответствия в русском языке.

Предположительное наклонение в таджикском языке обладает субъективной модальностью, а именно: отражает неуверенность говорящего в своих словах, а также используется для того, чтобы предположить развитие событий. У этого наклонения также выделяются три разные формы: настоящее определенное, настоящее-будущее и прошедшее, при этом два последних обозначаются как предположительное прошедшее.

Прошедшее время предположительного наклонения образуется из сочетания причастия прошедшего времени с суффиксом **-гӣ** и глагольной связкой (*ист, истед*) с последующим присоединением личных суффиксов (**-ам, -ӣ, -стӣ -ем, -ед, -анд**).

Эта форма выражает субъективно-модальное значение предположения по отношению к действию прошедшего времени.

Например: *Агар даҳонаш бастагӣ намебуд, албатта “ба худо шукр” гуфта фаръод мекашид* [Твен М, 1975, 146]; *Если бы у него рот не был завязан, он бы сказал «Слава богу»!* [Твен М, 1986, 156]; *He would have said “Thank God ” if his jaws had been free.* [Twain M, 1882, 136].

Настоящее-будущее время предположительного наклонения формируется также, но к нему при этом добавляется глагольная приставка **-ме**, которая выражает смысл предположения. Например: *Шумо ба маҷлис меомадагистед?* [Улугзода С., 1976, 191]. - *Вы, вероятно, придете на собрание? - Do you probably come to the meeting?* [информант]

Настоящее определенное время образуется с использованием вспомогательного глагола *истодан* (стоять), а основной глагол при этом стоит в причастно-деепричастной форме (дид + а).

Например:

- *Магзи гапро гуфтед, ман дида истодаам.* [Бронте Ш., 2010, 213]
- *Вот именно, я вижу это.* [Бронте Ш, 1993, 217]
- *«Precisely I see you do»* [Bronte Sh, 1954, 278]

Таким образом, как в русском, английском, так и в таджикском языке субъективно-модальные значения наряду с использованием модальных единиц получают выражение посредством различных форм наклонений глагола.

2.2. Модальные слова как средство выражения субъективной модальности

Субъективная модальность показывает, как автор высказывания относится к предикату своего высказывания. В речи эта модальность может быть выражена с помощью разных средств, например, вводных слов, изменения порядка слов, различных повторов, а также интонации.

В языках, которые мы рассматриваем в формате данного исследования, существуют модальные слова в том или ином виде. С их помощью выражается модальность, что отражено и в названии. Эти слова показывают, как говорящий относится к упоминаемому действию. Таким образом, здесь тоже наблюдается связь объективной и субъективной модальности. В.В. Виноградов отмечает: «Категория наклонения — это грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, т.е. обозначающая отношения действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом» [Виноградов, 1972, 581].

М.Н. Касимова пишет о том, как наклонение и модальность находятся в определенной связи между собой: «Модальные отношения тесно связаны с наклонениями глагола. Разные оттенки значения модальности реализуются именно с помощью наклонений глагола» [Касимова, 2003, 137].

Э.С. Исмоилзода утверждает, что, в случае, когда различные модальные глаголы находятся в разных наклонениях, то модальность тогда выражается с помощью наклонения и времени [Исмоилзода, 2011, 35]. По этому поводу ценно замечание В.В. Виноградова, который писал: «отношения всякого высказывания или предположения к реальности называется объективно-субъективной модальностью» [Виноградов, 1972, 725].

Т.А. Комова, к работам которой мы тоже уже неоднократно обращались, отмечает важность сочетания объективности и субъективности в модальности. Кроме того, по её мнению, происходит, обязательна оценка действия [Комова, 1990, 59].

Как видно из приведенных цитат, в языкознании, не существует единого взгляда на понимание модальности. Приведем мнения некоторых ученых Л.С. Ермолаева говорит, что эта категория скорее синтаксическая [Ермолаева, 1964, 9], Р.А. Будагов считает ее грамматической [Будагов, 1983, 204], академик В.В. Виноградов говорит о ней, выделяет семантическую принадлежность [Виноградов, 1972, 725].

Таким образом, данная проблема пока еще не получила своего решения, до сих пор продолжают научные споры о сущности модальности. Е. А. Загородская высказывает свою точку зрения, говоря следующее: «Модальность представляет собой один из феноменов, которые наряду с бесспорностью своего существования в языке постоянно ускользают от более или менее четкого определения» [Загородская, 2003, 12]. Подобный разнобой во мнениях можно объяснить тем, что у каждого исследователя имеется собственное видение на средства выражения модальности.

Здесь возможно появление определенной трудности в выявлении, какие именно глаголы вообще можно назвать модальными и как охарактеризовать эту группу.

В таджикском языке традиционно выделяются следующие модальные глаголы: *хостан*, *тавонистан*, *боистан*, *шоистан*. Многие ученые исследовали эти глаголы и их использование, например, А.А. Керимова, Д.Т. Таджиев, С.Д. Арзуманов.

Б.С. Сиёев тоже занимался изучением этой категории глаголов. Он дал им свое определение и отметил, что главное качество модальных глаголов заключается в том, что они не отражают действие или состояние, а просто показывают, как воспринимает автор высказывания другое действие [Сиёев, 1968, 88]. Кроме того, исследователь считает, что модальные глаголы показывают, возможно ли вообще совершения этого действия.

В таджикском языке выделяются две группы модальных глаголов. В первую группу входят спрягаемые глаголы, то есть *тавонистан* и *хостан*, а во-вторую неспрягаемые глаголы, то есть *шоистан* и *боистан*. Изучая, какими функциями обладают эти глаголы, лингвисты еще не приняли единого решения по поводу глагола *хостан*.

Не обходят своим вниманием исследователи и вопроса перевода модальных глаголов с таджикского языка на английский язык. В связи с этим обратимся к модальным глаголам в английском языке. Перечислим их: *to be able (can)*, *may*, *should*, *ought to*, *have to*, *must*. Кроме того, сюда можно отнести *will* и *to be*. Эти глаголы достаточно хорошо исследованы, им посвящено множество работ, например, труды Й. Хакутани, З. К. Долгополова, Е. А. Зверева, Е. И. Беляева.

Однако в англоязычной лингвистике определение модальных глаголов также вызывает некоторые трудности. Так, некоторые ученые относят формы *will* и *shall* к модальным глаголам, другие определяют их только как средство выражения будущего времени, как, например, исследовательница И. Б.

Хлебникова [Хлебников, 1971, 55-56]. Ученый Б. Странг считает, что *need* и *dare* не являются модальными [Странг, 1963, 144], но с ним согласны не все лингвисты.

Более того, уже имеется множество исследований, авторы которых расширяют количество модальных глаголов в английском языке, по крайней мере, с их точки зрения. Так, Г.А. Вейхман добавляет глагол *to want* в список модальных, но только в тех случаях, когда он используется в схожем смысле с *must* [Вейхман, 2001, 36]. В. Дайвер относит к модальным глаголам *to do* [Дайвер, 1964, 330-331], З. К. Долгополова – глаголы *to have* и *to be* [Долгополова, 1961, 76]. Й. Хакутани выделяет ровно 19 модальных глаголов, добавляя к уже указанным выше *used to, had better, to be going to* [Хакутани, 1972, 13]. Т. А. Барабаш считает, что в английском языке модальных глаголов всего десять [Барабаш, 1983, 96].

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что в таджикском языке гораздо меньше модальных глаголов, чем в английском. При этом эта категория глаголов обладает общими признаками, например, что они требуют дополнительного, смысловой глагол и, по сути, без него они не самостоятельны. Кроме того, они выполняют именно служебную функцию, но при этом не являются ни служебными глаголами, ни полнозначными.

Обратимся к модальным словам в целом. В современном языкознании модальные слова обычно воспринимают как отдельную группу, категорию, у которой есть свои особенности, такие как лексические и грамматические, так и морфологические, стилистические, семантические.

В.В. Виноградов писал: «возникновение, и развитие модальных слов связано с утратой основного первоначального конкретного лексического значения, приобретением ими с течением времени разнообразных смысловых модальных оттенков: возможности, невозможности, сомнения, достоверности и др. Модальные единицы в речи занимают одно из

специфических мест для выражения категории модальности» [Виноградов, 1975, 87].

В своем труде «О категории модальности и модальных словах», содержащим подробный анализ модальных слов, академик отметил, что в русском языке стоит выделять только четыре группы таких слов.

Первую группу модальных слов составляют такие слова, которые отражают источник информации, например, *по его мнению, по словам*. Вторая группа модальных слов содержит такие слова, которые используются для того, чтобы показать, как мысль соотносится с действительностью, например, *точно, однозначно, безусловно*. Третья группа – это слова, которые выражают чувства, например, *к сожалению*. Четвертая группа – это вводные слова, которые оценивают ситуацию, например, *к счастью, к несчастью* [Виноградов, 1975, 41-42].

В учебниках, по грамматике русского языка для высших учебных заведений можно выявить, что у разных ученых и авторов пособий разные взгляды по поводу того, какие значения несут модальные слова. Например, Е.М. Галкина-Федорук, К.В. Горшкова и Н.М. Шанский выделяют эти лексические единицы в две группы в соответствии с их семантикой:

а) слова, обозначающие значение уверенности, несомненности («конечно – *Of course* – *албатта*, верно – *right* – *дуруст*, несомненно – *бешак, бешубха undoubtedly*, действительно – *indeed* – *хақиқатан*, безусловно – *мутлақо, безуфтугў* – *surely*, разумеется – *хатман* – *certainly*, правда *true*, факт *fact*»): – *Аз афташ, ҳама мафтунӣ ӯ гайта буд?* - *Бале, албатта!* [Бронте Ш, 2010, 155]; - *И, наверно, все восхищались мисс Ингрэм?*- *Да, конечно* [Бронте Ш, 1993, 159]; - *“She was greatly admired of course?; Yes, indeed* [Bronte, Sh, 1954, 206].

В настоящем примере выражается уверенное подтверждение совершения конкретного действия.

б) слова, обозначающие значение возможности и предположения (по-видимому, вероятно, наверное, кажется, видимо). В эту же группу включены фразеологические единицы типа: **по всей вероятности – эхтимоли қавї меравад, ки – in all probability, должно быть – бояд – probably, может быть – шояд – may be** и т.п. [Галкина-Федорук и др., 1958, 381-382]: *Надо постараться эту тяжбу кончить мирно, по-хорошему, и бай, наверное, отступится от своих требований.* [Икрами, 1965, 69]; *Кажется, никто, кроме Абдуллы, не мог знать, что случилось, однако новость моментально распространилась по дому.* [Икрами, 1965, 74]; *Должно быть, допрашивать станут, устроят очную ставку!* [Икрами Дж., 1965, 228]; *Может быть, дастарханчи тут же пожалела о своей затее, но теперь отступить было нельзя.* [Икрами Дж., 1965, 381].

По мнению А.Н. Гвоздева, модальные слова можно распределить в четыре разные группы:

а) модальные слова конкретно логического характера, которые отражают порядок и взаимоотношение мыслей, их логическую связь (**во-первых – аввалан – firstly, во – вторых – дуюм – secondly, наконец – ниҳоят, дар охир – at last, итак – нас, инак – well, следовательно – бинобар ин – so, вообще – умуман – overall, главное – муҳим – main thing, наоборот – баръакс – conversely, кстати – зимнан – incidentally, впрочем – бо вучуди он – though**):

Ниҳоят зинапояҳо зери пойи касе ғичиррос заданд. [Бронте Ш, 2010, 153]; *Наконец ступеньки скрипнули под чьими-то шагами.* [Бронте Ш, 1993, 157]; *A tread creaked on the stairs at last.* [Bronte, Sh, 1954, 204].

В настоящем примере модальное слово подчеркивает совершение действия после периода ожидания его совершения.

- Баракс, дарро аз дарун маҳкам кардам, - посух додам ман; [Бронте Ш, 2010, 153] *Наоборот, я заперла дверь на задвижку, - ответила я.*

[Бронте Ш, 1993, 154]; - *“On the contrary,” – said I, ‘I bolted my door’*[Bronte, Sh, 1954, 201].

В приведённом примере модальное слово подчеркивает, что совершенное действие противоречит ожиданиям слушающего.

Инак худашон ҳам омаданд. [Войнич Э, 1982, 150]; *Да вот и она сама.* [Войнич Э, 1987, 123]; *Yes, there she comes.* [Voynich E, 1953, 148].

Настоящий пример включает модальное слово, которое обозначает подтверждение совершения действия.

б) модальные слова, выражающие степень уверенности говорящего в достоверности сообщения (*очевидно – аз афти кор – obviously, верно – дуруст – right, по – видимо – зоҳиран – presumably, безусловно – беғуфтуғӯ – certainly, конечно – албатта – of course*):

Беғуфтуғӯ, қони ширин, ва ман ҳақ будам. [Бронте Ш, 2010, 174]; *Разумеется, душа моя, и я была права.* [Бронте Ш, 1993, 177]; *Certainly, my best. And I was quite right.* [Bronte, Sh, 1954, 230].

В настоящем примере модальное слово подчеркивает уверенность говорящего в сказанном.

- *Шумо, албатта, хеле майли чой нушидан доред.* [Бронте Ш, 2010, 153]; - *Вы, наверное, очень хотите чаю* [Бронте Ш, 1993, 157]; *You must want your tea* [Bronte, Sh, 1954, 205].

Здесь модальное слово подчеркивает уверенность говорящего в высказанном им предположении.

в) модальные слова, которые выражают оценку, связанную с волевым и эмоциональным отношением — колебание, удовлетворенность, надежда, опасение (*авось – эҳтимол – perhaps, что ли – чизе – that, право – ҳақ – right, так сказать – инхел гӯем – so to speak, видать – фаҳмидан – see, признаться – эътироф – recognize, буквально – айнан – literally, разумеется – ҳатман – naturally*);

г) модальные слова, которые выражают побуждение собеседника к тому, чтобы вызвать у него какое-либо отношение к сообщению (**извините – мебахшед – excuse me, знаете ли – оё медонед – do you know, понимаете – мефаҳмед – do you see, видите ли – оё медонед – if you please и др.**) [Гвоздев, 2015, 409-412]:

- *Маро бубахшед, духтархонум, ин чо ҳоҷате ба шарху баён нест.* [Бронте Ш, 2010, 176]; - *Извините меня, сударыня, никаких объяснений здесь не нужно.* [Бронте Ш, 1993, 180]; - *“Pardon me, madam: no need of explanation”* [Bronte, Sh, 1954, 233].

В настоящем примере модальное слово подчеркивает пиетет говорящего к слушающему и является также частью этикетной формулы.

Основываясь на положения о модальных словах, изложенных в «Русской грамматике» и исследовании Ф.Ш. Солихова, можно выделить две крупные семантические группы, включающие классы модальных значений:

- значение уверенности, достоверности (**действительно – воқеан – really, правда – ба ростӣ – true, конечно – бешубҳа – of course, верно – дуруст – right, безусловно – мутлақо – certainly, несомненно – бешак – undoubtedly.**

Ба ростӣ, намедонам, ки шумо чиро бесабрӣ ва мизочи гарм мешуморед. [Войнич, 1982, 87]; *Не знаю, где вы обнаружили нетерпеливость и горячность.* [Войнич Э, 1987, 70]; *I don't know where vehemence and impatience lay, unless you found them in the strings of meek petitions we sent in.* [Voynich E, 1953, 83].

В этом примере модальное слово используется для подчеркивания значения недоумения говорящего:

- значение неуверенности, предположения (**возможно - ба қадри имкон – perhaps, вероятно – эҳтимол – probably, наверное – шояд – may be, яқин, видно – аз афташ – it is seen, видимо – зоҳиран, apparently, кажется**

– *зӯё, мисле* – *it seems*, *по* – *видимому* – *аз афти кор* – *evidently*, может быть – *мумкин аст* – *may be*, предположим – *фарз кардан* – *suppose*).

Например:

- *Аз афти кор дар соҳил бисёр сайр кардӣ, а?* [Войнич Э, 1982., 83];
С кутежа, на pewno? [Войнич, 1987, 67]; *Been out on the spree, I suppose.*
[Voynich E, 1953, 77].

В настоящем примере модальное слово используется для подчеркивания значения предположения в совершении конкретных действий.

- *Аз афташ, чаноби Рочестер ба қарибӣ барнамегардад?* [Бронте Ш, 2010, 158]; - *Вероятно, мистер Рочестер не скоро вернется?* [Бронте Ш, 1993, 162]; *“Mr. Rochester is not likely to return soon, I suppose?”* [Bronte, Sh, 1954, 211].

Модальное слово в настоящем примере употреблено для выражения неуверенности говорящего в совершении действия и времени его совершения.

Отметим, что модальные слова часто отражают эмоции и чувства автора высказывания. Такие модальные слова называются словами логического характера. Рассмотрим их подробнее.

Например: - *К сожалению, Фрау Леноре не совсем здоровилось: она страдала мигренью* [Тургенев, 1852, 485]. - *Мутаассифона, Фрау Леноре на он қадар хубанд: вай аз дарди нимсара азоб мекашид. Unfortunately, Frau Lenore wasn't quite well: she suffered from migraine* [информант].

В данном примере модальное слово выражает эмоцию сожаления, обозначая чувства говорящего/автора.

- *К огорчению, я должен немедленно уехать* [разг. речь]. - *Аламовараш, ман бояд дарҳол биравам. - Unfortunately, I have to leave immediately* [информант].

В данном примере модальное слово выражает эмоцию огорчения, обозначая чувства говорящего автора.

В указанных примерах модальные слова, *к сожалению, к огорчению* выражают чувства автора высказывания, обозначая субъективную модальность.

Если же высказывание ведется от третьего лица либо включает непроверенную информацию, то употребляются модальные слова *по слухам, по преданию* и т.п.

Например: *По преданию, это озеро имело таинственную историю. - По слухам, здесь обитали русалки, которые только ночью выходили из воды и исполняли свои песни и танцы. [разг. речь]. - Мувофиқи ривоятҳо, ин кӯл сирри таърихӣ дошт. Аз рӯйи шунида, дар ин ҷо парихоӣ обӣ зиндагӣ мекардаанд, ки танҳо шабона аз об мебаромадаанд ва суруду мусиқии худашонро иҷро мекардаанд. - Due to the story this lake had mysterious history. - From hearsay here lived mermaids who came out the water only at night and sang and danced [информант].*

В приведенных выше примерах содержатся модальные слова, которые отражают источник информации, например, *по мнению, по слухам*. Здесь, таким образом, подразумеваются и автор высказывания, и некое третье лицо. Из содержания предложения видно, что автор не совсем уверен в правдивости слов.

Кроме того, можно выделить и модальные слова, которые показывают, как автор высказывания воспринимает информацию, воспринимает события на чувственном уровне. Это могут быть выражения *к счастью, к удивлению*.

Например: *Хушбахтона, он либос он қадар чиркин набудааст. [Войнич Э, 1982, 82]; По счастью оно, хоть и грубое, оказалось более или менее чистым. [Войнич Э, 1987, 66]; Fortunately these, though rough and coarse were fairly clean. [Voynich E, 1953, 78].*

В настоящем примере модальное слово подчеркивает удачность сложившихся обстоятельств, описываемых в предложении.

К счастью, он почти ничего не может сделать, - ответил полковник и улыбнулся, вспомнив про ремни. [Войнич Э, 1987, 232]; Хушбахтона, ӯ ҳозир ҳеч қор қарда наметавонад, - ҷавоб дод полковник ва тасмаҳоро ба ёд оварда табассум қард, аммо феълу атвори ӯ ҳатто ба тасавур намеояд. [Войнич Э, 1982, 277]; “There’s not much he can do, fortunately,” the Governor answered, smiling as he remembered the straps. [Voynich E, 1953, 276].

В настоящем примере модальное слово использовано для подчеркивания радости говорящего от того, что определенное действие не свершится.

Модальные слова *впрочем, кстати, в частности* и т.п. выражают значение пояснение ограничения. Также они могут выражать дополнительное значение, добавочный смысл предложения.

Например: *Да, кстати, - спросил он, - где вы получили эти раны? На войне, вероятно? [Войнич Э, 1987, 134]; Чаноби Риверс, ба шумо ин захмҳо дар қучо расидаанд? Эҳтимол дар қанг бошад? [Войнич Э, 1982, 163]; “By the way,” he asked, “how did you get so much knocked about? In the war, was it?” [Voynich E, 1953, 161].*

Модальное значение убежденности может проявляться в предложениях благодаря употреблению таких фразеологических оборотов как **по всей вероятности, по всей видимости**.

Например: - По всей вероятности, он был удивлён таким поступком своего друга [разг. речь]. *Эҳтимоли қуллӣ дорад, ки ӯ аз ин рафтори душташ дар ҳаяҷон буд. - Most likely, he was surprised by such behavior of his friend [информант].*

- По всей видимости, ожидается долгая и холодная зима, и не мешало бы заранее запастись дровами [разг. речь]. - *Аз афташ, зимистони дароз ва хунук интизор аст, ва захираи пешакии ҳезум зарар*

намерасонд. By all appearances a long and cold winter is expected and it should better to reserve firewood in advance [информант].

В вышеприведенных примерах говорящий уверен в том, что он говорит, почти наверняка знает, что информация правдива, потому что он базируется на очевидных фактах. Тем не менее, он высказывает это в качестве предположения.

Модальные слова вроде таких, как *пожалуй, наверное*, отражают, что говорящий не очень уверен в том, что говорит, то есть меньше, чем в предыдущих случаях. Например:

Аз афташ, бори аввал гирифтори чунин бадбахтӣ шудӣ? [Войнич Э, 1982, 181]; *Но, наверно, первый раз попал в беду?* [Войнич Э, 1987, 66]; *I'll bet it's your first scrape, though, eh?* [Voynich E, 1953, 77].

В настоящем примере модальное слово выражает неуверенность говорящего в информации, которую он уточняет.

Как стало очевидным, вводные слова и выражения обладают модальностью, как правило, субъективной, и отражают разные оттенки смыслов, например, сомнение, неуверенность, возможность, причем эти смыслы исходят от говорящего. Получается, что говорящий наблюдает за происходящим и дает свою оценку, свое мнение по поводу реальности.

Теперь проанализируем, какие специальные модальные слова используются в таджикском языке. Для нас здесь, в первую очередь, больше интересует субъективная модальность.

По сравнению с прежним состоянием таджикского языка, модальные слова в современном литературном языке подверглись модификации, появились новые слова, а какие-то вышли из употребления. Однако отметим, что слов, выражающих модальность, все равно достаточно много, и они обладают разными особенностями. Это объясняется тем, что «к числу модальных единиц относятся не только слова и частицы, но и некоторые

словосочетания, функционально сближающиеся с вводными элементами» [Халилов, 1964, 25-55].

При этом модальные слова являются лишь одним из способов выразить модальность в речи. Они выступают, как правило, в сочетании с другими средствами. Но, к сожалению, эта проблема в таджикском языкознании в целом остается еще мало изученной.

Уместно еще раз отметить, что А.Х. Халилов подробно исследовал средства выражения субъективно-модальных значений в таджикском языкознании [Халилов, 1985, 47]. Он разделил модальные слова в соответствии с семантикой и их функциями на следующие группы:

1. Модальные слова, которые показывают **уверенность** автора высказывания по отношению к тому, что он говорит: *албатта (конечно – of course), ҳатман (обязательно – necessarily), рост, (правда – true), зимнан, ҳақ, алҳақ, дуруст, ҳамин тавр (правильно, верно – right, rightly), хайр, майлаш, розӣ, маъкул, бигзор (ладно, хорошо, согласен – well, ok), ҳақиқатан, дар ҳақиқат (действительно, на самом деле – really, in reality, actually), бешубҳа (несомненно – undoubtedly, certainly), хуб, хуш (хорошо – fine, good), аз афти кор (очевидно – obviously, clearly) и др.*

Например: *Бешакку шубҳа мо бояд ҳар тавре, ки мумкин аст, аз фурсат истифода барем.* [Войнич Э, 1982, 86]; *Само собой разумеется, что мы обязаны использовать момент.* [Войнич Э, 1987, 70]; *There is no doubt, interposed one of the company, a gray-haired barrister with a rather drawling manner of speech.* [Voynich E, 1953, 82].

В настоящем примере модальные слова подчеркивают уверенность говорящего в целесообразности совершения конкретных действий.

Ў ҳам, зоҳиран, монанди чаноби Грассини чунин фикр дорад, ки Тоскан барои ханда кардан ҷойи шоистае нест. [Войнич Э, 1982, 93]; *Он, очевидно, согласен с синьором Грассини, что Тоскана неподходящее*

место для смеха. [Войнич Э, 1987, 75]; *No doubt he agreed with signor Grassini that Tuscany is the wrong place to lough in.* [Voynich E, 1953, 90].

Здесь модальное слово подчеркивает уверенность говорящего в информации, которая содержится в предложении о конкретном человеке.

2. Модальные единицы (слова и словосочетания), выражающие предположение, сомнение, неуверенность в высказывании – *зӯё* (как будто – as if), *бояд, мебоист, боист* (должно быть – should be), *зоҳиран, тахминан* (предположительно – supposedly), *мабодо, одатан, рафту, раваду, эҳтимол* (может быть, возможно – maybe, probably), *шояд, шояд ки* (вероятно – likely), *аз афташ* (по-видимому – apparently), *мумкин аст* (пожалуй – perhaps) и др.

Например: *Эҳтимол дар дарунаш қайчи бошад.* [Войнич Э, 1982, 72]; *Там должны быть ножницы.* [Войнич Э, 1987, 58]; *Surely there would be scissors.* [Voynich E, 1953, 68].

В настоящем примере модальное слово подчеркивает значение предположение: говорящий высказывает информацию, которую он считает правильной, однако подчеркивает, что не уверен в ней полностью.

Эҳтимол ӯ вақти ҷангҳо дар Америкаи Ҷанубӣ ба ин беморӣ гирифтोर шуда ва он вақт бемориаш ба қадри лозим мулоиҷа карда нашуда бошад. [Войнич Э, 1982, 154]; *Рана, вероятно, получена во время войны в Южной америке.* [Войнич Э, 1987, 127]; *I suppose it was that war in South America – and he certainly didn't get proper care when the mischief was done.* [Voynich E, 1953, 153].

В настоящем примере модальное слово подчеркивает значение предположения, а именно, говорящий знает факт, но не уверен в обстоятельствах его происхождения.

3. Модальные слова со значением одобрения, поддержки, согласия, удовлетворения адресанта по отношению к высказыванию: *хайр, майлаш,*

хуб (хорошо - fine), *хӯш*, *дуруст*, *рост*, *ҳақ*, (правда – true, right), *маълум аст* (ясно – clear).

Например: *Хайр хеле хуб; агар хоҳед, ман ба пеши ӯ меравам, вале ман чандон ҳам умедвори муваффақият нестам.* [Войнич Э, 1982, 116]; *Ну хорошо, если хотите, я схожу к нему, но предупреждаю, надежды на успех мало.* [Войнич Э, 1987, 95]; *Well, I will go if you like, though I have not much hope of success.* [Voynich E, 1953, 114].

В приведенной иллюстрации с помощью модального слова подчеркивается добрая воля говорящего, готового взять на себя выполнение конкретных действий.

4. Модальные слова, выражающие удивление, изумление или недоумение говорящего по отношению к высказыванию: *ачаб*, *ачабо*, *во ачабо*, *алҳазар*, *тавба*, *ё тавба* (удивительно, странно).

Например: - *Ачабо, ин чӣ кори кардаат* [Толис, Ҳикояҳо, 1976, с. 18]. - *Удивительно, что это за дела?* - *Strangely, what kind of matter is this?* - *Во ачабо, боз ҳамин коратро такрор карди.* [Айнӣ, с. 132]. - *Странно, ты опять повторил свой поступок.* - *Curiously, you repented you action again.*

5. Модальные слова, выражающие сожаление говорящего: *афсус*, *ҳайф*, *дарего* (к сожалению).

Например: - *Ҳайф, ки ман дирӯз дар маҷлиси комитет иштирок карда натавонистам.* [Войнич Э, 1982, 116]; *Жаль, что я не попала на вчерашнее заседание комитета.* [Войнич Э, 1987, 95]; *I wish I could have been at the committee yesterday.* [Voynich E, 1953, 113].

В данном примере модальное слово подчеркивает эмоцию, выраженную говорящим.

6. Модальные единицы, служащие для связки высказываний в цельном контексте и выстраивания их последовательности: *инак*, *ҳамин хел* (итак), *нас* (наконец), *оқибат* (в итоге), *охир*, *ниҳоят*, *алалхусус* (особенно) и

словосочетания *ҳамин тавр* (таким образом), *ба ҳамин тариқ* (таким способом) и т.д., которые носят обобщающий характер.

Например: *Пас, инак, э, дафъ шав, ниқоб* [Бронте Ш, 2010, 198]; *Ну вот. Итак, прочь личину* [Бронте Ш, 1993, 202]; *There, then – off, ye lendings!* [Бронте Ш, 1993, 260]; *Як рӯз, саҳар, ниҳоят ӯ ба ман гуфт, ки озод ҳастам.* [Бронте Ш, 2010, 237]; *Наконец, однажды утром, она сказала мне, что я свободна.* [Бронте Ш, 1993, 242]; *One morning, she told me I was at liberty.* [Bronte, Sh, 1954, 309]; *Наход инак, ҳаёт ба вай баргаштааст?* [Бронте Ш, 2010, 233]; *Неужели жизнь возвратится к ней?* [Бронте Ш, 1993, 238]; *Was she reviving?* [Bronte, Sh, 1954,304].

В данных примерах модальные слова служат для связности повествования и указывают на обозначение ее структуры. Также модальные слова этого типа могут подчеркивать результативность высказывания и др.

7. Модальные слова, которые выражают значение **завершенности** или **исходности** действия, или события: *вассалом, тамом, бас* (вот и всё – *that's all*), *халос* (только и всего – *that's all*), *кифоя* (достаточно – *enough*) и др.

Например: *Бас, кори ман тамом шудааст!* [Бронте Ш, 2010,26]; *Ну, тогда мне и вправду конец*[Бронте Ш, 1993,26]; *Then am I undone indeed* [Bronte, Sh, 1954, 21]; - *Ва тамом? Он қадар гапе набудаст-ку!* [Бронте Ш, 2010, 258]; - *И все? Ну, это еще куда не шло* [Бронте Ш, 1993, 263]; *“Is that all? Thank God, it is no worse* [Bronte, Sh, 1954, 335].

В настоящих примерах модальные слова обозначают конкретный этап повествования и выражают значение завершенности и ограниченности.

8. Модальные слова, описывающие **эмоции** адресанта к его высказыванию: *хайрият, хушбахтона, некбахтона, шукр (шукрона), шодиёна* (к счастью), *ҳарчи* (как хорошо), *мутаассифона* (к сожалению).

Например: - *Хушбахтона, имрӯз ҳама чамъ омаданд* [Муҳаммадиев, 1962, 56]. - *К счастью, сегодня все в сборе.* - *Fortunately all are assemble today* [перевод информантов].

В настоящем примере модальное слово служит для подчеркивания эмоции говорящего от конкретного события.

- *Мутаассифона, кори ба нақша гирифтаамон ичро нагардид* [Айнӣ С, 1949, 123]. - *К сожалению, запланированная нами работа не выполнялась.* - *Unfortunately our planned work didn't carry out* [информант].

Данный пример подтверждает, что модальным словом можно выразить эмоцию говорящего из-за невозможности получения нужного результата.

9. Модальные единицы, выражающие заключительную мысль высказывания: *хулоса (короче), хуллас, хулласи калом (двумя словами – in two words), дар натиҷа (итак so), рости гап (если честно – to tell the truth, to be honest), қисса кӯтоҳ (короче говоря - in short)* и др.

Например: - *Рости гап, фурсат наёфтам, ки ин корро ба анҷом расонам* [Муҳаммадиев, 1962, 47]. - *Если честно, у меня не было времени для завершения этой работы.* - *To tell the truth, I hadn't time to complete this work* [информант].

В этом примере модальное слово обозначает структуру повествования и маркирует его конкретный этап и одновременно выражает эмоцию говорящего от конкретного события, а также подчеркивает его желание быть честным в этом высказывании.

- *Хулласи калом, бо азобу уқубат ба манзил расидем* [Айни, 1961, 124]. - *Одним словом, с трудом добрались до дома.* - *In one word, we hardly got home* [информант].

Здесь модальным словом подчеркивается значение результативности в высказывании, а также маркируется завершающий этап повествования.

- *Қисса кӯтоҳ, раис маро ноумед гардонид.* [Толис II, 1976, 34]. - *Короче говоря, председатель меня не поддержал.* - *In short, the chairmen didn't support me* [информант].

В настоящем примере модальное слово помогает говорящему подытожить свой рассказ, суммируя его в одно высказывание.

10. Модальные слова и словосочетания, выражающие **субъективную внезапность воспоминания** говорящего о ком или о чём-либо: *воқеан* (в действительности, на самом деле – *in fact*), *дар воқеъ* (кстати – *by the way*), *масодуфан* (случайно – *by chance*), *иттифоқан* (внезапно, случайно, вопреки ожиданиям - *suddenly, by accident, contrary to expectations*) и др.

Например: - *Дар воқеъ ҳам вай оқил ва донишманд буд.* [Твен М, 1975, 8]; *И сам он был такой умный, ученый!* [Твен М, 1986, 9]; *And withal, he was so deep and wise!* [Twain, M, 1882, 5].

В данном примере модальное слово подчеркивает неожиданность факта для говорящего.

11. К уточняющему значению повелительного наклонения относятся следующие модальные слова и словосочетания *бифармоед*, *марҳамат*, *марҳамат карда* (пожалуйста, добро пожаловать – *please, welcome*), *хоҳишмандам* (Прошу вас! - *Pray!*), *ба чаши* (с удовольствием – *with pleasure*).

Например: *Марҳамат карда ба дасти ман об бирез ва бисёр гап назан!* [Твен М, 1975, 71]; *Пожалуйста, налей мне воды и не говори столько лишних слов.* [Твен М, 1986, 68]; *«Prithee, pour the water, and make not so many word!»* [Twain, M, 1882, 62]; *Илтимос, чаноб, ба ман як ё ду ҳафта ичозати рафтан диҳед.* [Бронте Ш, 2010, 219]; *Пожалуйста, сэр, позвольте мне уехать на неделю или две* [Бронте Ш, 1993, 223].

В настоящем примере модальное слово подчеркивает просьбу говорящего, являясь также этикетной формулой.

Таким образом, модальные слова в качестве способа выражения субъективной модальности можно считать наиболее обширной группой в таджикском и русском языках. Модальные слова, придавая предложениям субъективно-модальные значения, делают речь более богатой,

выразительной, кроме того, они придают ей различные оттенки и дополнительные смысловые нюансы. Большинство модальных слов таджикского языка имеют значения, аналогичные модальным словам русского литературного языка.

«Модальные слова в живом процессе речи не примыкают к одним и тем же членам предложения и не служат определением или распространением слов какого-либо одного или нескольких грамматических классов. Они стоят вне связи с какими-нибудь определенными частями речи. Они выражают модальность высказывания в целом или отдельных его компонентов» [Виноградов, 1986, 568].

Разумеется, приведенные нами примеры, не могут отразить всю богатую палитру и разнообразие значений и эмоциональных оттенков, выражаемых модальными словами совместно с интонацией и другими языковыми средствами. Они имеют весьма широкий диапазон значений и активно используются как в художественной литературе, так и в повседневной устной речи русского и таджикского языков.

2.3. Модальные глаголы как средство выражения субъективной модальности

Выше уже отмечалось, что категория модальности выражается также модальными глаголами, отражающими отношение говорящего к различным предметам, действиям или явлениям окружающего объективного мира, тем самым придавая предложениям субъективно-модальные значения.

В своих исследованиях по глаголу русского языка академик В.В. Виноградов утверждает: «Глагольное слово с богатством и разнообразием значений сочетает богатство и разнообразие форм» [Виноградов, 1975, 428].

Так, модальные глаголы в современном русском языке обладают различными функциями, в первую очередь, в синтаксическом аспекте. Эти

глаголы передают различные смыслы, разные оттенки и являются близкими по значению словам для разных морфологических средств языка.

К модальным глаголам русского языка относятся следующие глаголы: *хотеть, мочь, желать, полагать, намереваться, считать, думать, верить, долженствовать* и т.п.

В русском языке на уровне коммуникации и в литературном языке часто можно наблюдать, что модальный глагол объединяется с начальной формой смыслового глагола и таким образом обозначает, что говорящий предполагает совершение действия, желает что-либо сделать или считает какую-либо ситуацию возможной, вероятной.

Например: - Лев Казимирыч может жить в имении профессора [разг. речь]. *Лев Казимирич метавонад дар мулки профессор зиндагӣ кунад* - Lev Kazimirch may live in professor's house [информант]. - Верочка могла уже побывать в усадьбе [разг. речь]. - *Вера аллакай тавонист аз амвол(қурғон)дидан кард.* - Verochka could has been already in the manor house [информант].

В первом предложении модальное слово обозначает утверждение. Во втором предложении это уже высказывается о том, что действие произойдет.

Модальный глагол *хотеть*, в свою очередь, отражает субъективно-модальное значение того, что действие желательно было бы совершить в будущем.

- *Но ведь я хотел только узнать его мнение, он вправе его высказать, как и любой из нас* [разг. речь]. *Вале, ман танҳо хостам ақидаи ӯро фаҳмам, вай ҳуқуқи онҳоро мисли ҳар яки мо гуфтанро дорад.* - *But then I wanted to know only his opinion, he may say it, as any of us as well* [информант].

Глагол *предполагать* в определенном контексте способен выражать субъективно-модальное значение предположения.

Например: Исследователи *предполагают*, что витамин С может помочь в борьбе со старением организма [разг. речь]. Мухаққикон *фарз мекунад*, ки витамини С метавонад ба мубориза бо пиршавӣ кӯмак кунад. Researchers suggest vitamin C may help fight aging [информант].

Модальные глаголы **считать, думать, верить** выражают уверенность в достоверности высказывания:

Раньше я считал, что такое слишком трудно [разг. речь]. - Ман пештар *фикр мекардам*, ки ин хеле душвор аст. - I used to *think it was too hard*[информант].

В представленных выше примерах глаголы превращаются в модальные, поскольку в этом контексте они обретают новый смысл, новое значение. В результате этого, их первоначальное значение утрачивается, и оно полностью заменяется новым. В некоторых случаях модальный глагол, который означает, что человек должен что-либо сделать, соединяется с начальной формой другого глагола, который относится к этому действию, и в результате у события повышается степень вероятности его появления. Одновременно с этим, говорящий уверен, что что-то произойдет, но при этом не полностью, а частично. Здесь также не имеет значения, в какое время происходит события.

Например: - *Если мы решили вместе готовиться к экзамену, то должны заготовить необходимыми учебниками* [разг. речь]. - Агар мо қарор додем якҷоя барои имтиҳон омода шавем, онгоҳ бояд бо китобҳои зарурӣ таъмин бошем. - If we decided to get ready for exams together, then we have to provide ourselves with necessary textbooks [информант].

- *Студенты должны были прийти на встречу в девять часов* [разг. речь]. – Донишҷӯён бояд соати нӯҳ ба вохӯрӣ меомаданд. - The students had to come to the meeting at nine o'clock [информант].

В данных примерах говорящие посредством модальных единицы указывают на необходимость совершения конкретного действия.

В этом контексте актуально обратиться к глаголам, которые отражают предположение. К ним относятся, в частности, глаголы *намереваться, пытаться и т.п.*

Например: - *Солдат пытался что-то объяснить командиру, но шум проходящей колонны машин заглушал все звуки [разг. речь]. - Сарбоз кӯшиш кард, ки чизе ба командир фаҳмонад, вале садои гурӯҳӣ нақлиёти гузаштаистода ҳамаи садоро мебурид. - A soldier tried to explain something his commander, but the noise of passing car column silenced all sounds [информант].*

- *Из толпы было выступил местный крестьянин, он намеревался восстановить правду-истину [разг. речь]. – Аз байни мардум деҳқони маҳаллӣ баромад мекард, ӯ мехост ҳақиқатро барқарор кунад. A local peasant spoke out from the crowd, he intended to restore the truth [информант].*

Таким образом, существующие в русском языке модальные глаголы требуют после себя начальную форму другого глагола.

Выше уже указывалось, что в русском языке модальные глаголы выделены в четыре группы. В них входят глаголы, отражающие намерение, глаголы отражающие долженствование, глаголы отражающие возможность или невозможность действия, и глаголы выражающие способность или неспособность совершить какое-либо действие.

Тем не менее, существует не так много лингвистических трудов, в которые в полном объеме исследовались бы модальные глаголы. Чаще всего эта категория глаголов упоминается преимущественно в контексте субъективной модальности, а не отдельно.

В таджикском языке также имеются модальные глаголы, которые существуют продолжительное время и активно используются в настоящее время. Эти глаголы приобрели свои характерные черты, и имеют морфологические формы. Как в русском и английском языках, в таджикском языке модальные глаголы не показывают активное действие, а просто отражают

восприятие действия говорящим, требуя при себе наличия какого-либо смыслового глагола. Кроме того, они тоже отражают такие понятия, как возможность или невозможность, желание, вероятность или долженствование.

В таджикском языкознании изучением модальных глаголов занимались многие известные учёные, такие как А.З. Розенфельд, С.Д. Арзуманов, М.Т. Джабборова, П.Д. Джамshedов, Б.С. Сиёев, Халилов А. и др.

В частности, Б. Сиёев относит к модальным глаголам «группу глаголов, которые своим лексическим значением не обозначают ни действие, ни состояние, а лишь выражают модальные отношения говорящего к совершению действия основного глагола» [Сиёев, 1968, 88].

В коллективной «Грамматике современного таджикского языка» отмечены четыре базовых модальных глагола: *тавонистан, хостан, боистан, шоистан*. [Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик, 1985, 74]

Семантика модальных глаголов таджикского языка представляет широкий спектр значений, включая как временные оттенки, так и модальные.

Так, глагол *тавонистан (мочь)* выражает следующие значения:

а) уверенность в завершении действия:

Акнун, ман боварӣ дорам, ки ту ба по хеста метавонӣ. [Бронте Ш, 2010, 210]; *Теперь я уверен, что ты можешь подняться на ноги.* [Бронте Ш, 1993, 214]; «*Now I am sure you can get on your feet.*» [Bronte, Sh, 1954, 275].

В приведенном примере модальный глагол подчеркивает уверенность говорящего в способности собеседника выполнить конкретное действие.

б) сомнение, то есть неуверенность автора высказывания в том, что он утверждает: “*Аз ӯҳдааш баромада метавониста бошам-мӣ, рафиқ*

полковник?" [Ниёзӣ Ф, 1966, 76]. – “Смогу ли я справиться с этим, товарищ полковник?” "*Will I be able to manage this, Comrade Colonel?* [информант]".

В настоящем примере форма модального глагола указывает на сомнение говорящего в своей способности выполнить конкретное действие. Отметим, что в обоих приведенных примерах чувствуется это сомнение.

Некоторые модальные глаголы в таджикском и английском формируют сложное модальное сказуемое, в результате совместного употребления с основными глаголами. При этом эти модальные глаголы, согласно мнению многих исследователей, будут выступать в роли служебного слова.

Например, глагол *шояд* (шоистан), когда используется с основным глаголом, может показывать, что говорящий предполагает, что свершится то или иное действие.

Глагол *шояд*, находясь в препозиции к основному глаголу, способен включать в высказывание разнообразные семантические оттенки указанного глагола.

Например: - *Шояд ман ўро дафъаи охири́н дида истода бошам.* [Войнич Э, 1982, 215]; *Быть может, мне больше не удастся увидеть padre ... a padre ничего не заметит...* [Войнич Э, 1987, 177];

Perhaps it would be his last chance – and the Padre need not see him; he would steal up softly and look – just this once. [Voynich E, 1953, 213];

Шояд аз он чо маро мушоҳида мекарданд? [Бронте Ш, 2010, 244]; *Может быть, оттуда за мной наблюдали?* [Бронте Ш, 1993, 249]; *I might be watched thence.* [Bronte, Sh, 1954, 317].

Здесь можно наблюдать, что все действия, о которых идет речь в предложениях, обладают той или иной степенью **возможности/вероятности**, таким образом, говорящий подчеркивают свою неуверенность в соответствии этих действий реальности.

В высказывании с глаголом *шояд* также возможно выражение значения упрека или замечания.

Например: *Яъне барои видоъ омадӣ, шояд дар вақташ омадӣ* [Бронте Ш, 2010, 77]; *Значит, ты пришла проститься, и, вероятно, как раз вовремя* [Бронте Ш, 1993, 79]; *“You came to bid me good-bye, then: you are just in time probably* [Bronte, Sh, 1954, 108].

Здесь отражается такое субъективно-модальное значение: говорящий недоволен тем, как произведено действие.

Глагол *шояд* в препозиции к основному глаголу выражает также семантику предположения совершения какого-то факта:

Например: *Шояд мақсадашон ранчонидани ӯ набошад*. [Твен М, 1975, 81]; *Может быть, мальчишку не хотели обидеть*. [Твен М, 1986,76]; *Possibly no harm is meant the boy*. [Twain, M, 1882, 72].

Высказывание может включать значение совета, например: - *Фикр мекунам, ки ин ҳамон одамест, ки шояд ба мо ёрӣ расонад* [разг. речь]. - *Думаю, что это именно тот человек, который, возможно, нам поможет*. - *I think this is the very same man who probably helps us* [информант].

Таким образом, модальный глагол *шояд* в разнообразных сочетаниях с основным глаголом способен включать в высказывание различные уровни семантики предположения и сомнения.

Предложения с модальным глаголом *боистан* (*бояд, мебоист*) могут использоваться для того, чтобы отражать в высказывании значение того, что то или иное действие необходимо совершить, кроме того, автор уверен, в том, что оно будет совершено.

Например: *Мо акнун бояд ба мавзӯи аввала баргардем*. [Войнич Э, 1982, 186]; *Мы возвращаемся к прежней теме а ведь у нас должен быть деловой разговор*. [Войнич Э, 1987, 154]; *We are returning to the old subject and this was to be a business talk*. [Voynich E, 1953, 184].

В данном примере модальный глагол выражает значение долженствования: говорящий считает, что конкретное событие должно непременно случиться.

Бале, Роберт, ман тайёр мешавам: ба назарам, бояд биравам. [Бронте Ш, 2010, 218]; *Да, Роберт, я соберусь: мне кажется, следует поехать.* [Бронте Ш, 1993, 222]; «*Yes, Robert, I shall be ready; it seems to me that I ought to go.*» [Bronte, Sh, 1954, 285].

В данном примере модальный глагол выражает необходимость совершения конкретного действия. Однако отметим, что значение модального глагола смягчается модальным оборотом перед ним, обозначающим предположение. Тем не менее, в обоих примерах глагол **бояд** выражает высокую степень уверенности автора в совершении действия.

Помимо этого глагол **бояд** часто включает в высказывание семантику необходимости, долженствования:

Ман бояд ба сафар тайёр шавам. [Бронте Ш, 2010, 221]; *Мне нужно собираться в дорогу.* [Бронте Ш, 1993, 226]; «*I must prepare for the journey.*» [Bronte, Sh, 1954, 289].

Модальный глагол **боистан** в силу своей специфичности не изменяется по лицам и числам. Этот глагол не модификатор, кроме того, лицо и число глагола **боистан** в сочетании с основным глаголом выделяются окончаниями **-ам, -ӣ, -ад, -ем, -ед, -анд** в основном глаголе.

Глагол **тавонистан** отражает такое субъективно-модальное значение: это возможность или же невозможность совершения какого-либо действия. При этом важно отметить, что, в зависимости от контекста, этот глагол может показывать разрешение, сомнение, невероятность, запрет, умение и другое.

Парадигма модального глагола **тавонистан** охватывает неспрягаемые и спрягаемые формы в системе таджикского глагола. Неспрягаемые формы

— это конкретно непредикативная форма подсистемы глагола, то есть причастие и начальная форма глагола.

Модальный глагол *тавонистан* в форме причастия в приведенном далее высказывании отражает умение и возможность выполнять то или иное действие.

Например: *Ту метавонистї ин нутқи бемањиро ба забон найїрї.* [Бронте Ш, 2010, 232]; *Ты могла бы обойтись без этой бесполезной тирады.* [Бронте Ш, 1993, 237]; «*You might have spared yourself the trouble of delivering that tirade.*» [Bronte, Sh, 1954, 303].

В данном предложении, глагол *тавонистан* употребляется в отрицательной форме и выражает значение запрещения действия:

Албатта ман ба ин корҳо ҳамроҳ шуда наметавонам, вале ман фаҳмида наметавонам, ки ... [Войнич Э, 1982, 176]; *Правда, это не мое дело, но я не понимаю ...* [Войнич Э, 1987, 145]; *It is not my affair, of course, but I cannot understand.* [Voynich E, 1953, 174].

В следующем предложении глагол *тавонистан* включает в высказывание значение сомнения говорящего по поводу того, произойдет или нет конкретное действие. При этом такие конструкции, как правило, используются в вопросах: *Ої шумо ба ман қавл дода метавонед, ки ин кор бе куштор ва умуман бе ҷабру таадї мешавад?* [Войнич Э, 1982, 192]; *Вы можете дать мне слова, что это дело не будет связано с убийствами и вообще с насилием? ...* [Войнич Э, 1987, 159]; *Can you give me your word that this business is not connected with any stabbing or secret violence of any kind?* [Voynich E, 1953, 190].

Такая форма может также выражать модальное значение предложения: *Давом кун ва саргузашти худро ба ман бигї.* [Твен М, 1975, 172]; *Но продолжай, расскажи мне свою историю.* [Твен М, 1986, 69]; «*Go on tell me thy story*» [Twain, M, 1882, 64].

Подобная форма также может выражать невозможность: *Оҳ кошкӣ, ӯ Гурмагас, онҳоро авф карда метавонист!* [Войнич Э, 1982, 216]; *О, если бы он мог простить!* [Войнич Э, 1987, 177]; *Oh, if he could but forgive!* [Voynich E, 1953, 213].

Таким образом, рассмотренный модальный глагол *тавонистан* можно отнести к служебным словам, в том плане, что касается его функции, исходя из его функциональной направленности поскольку он не показывает не совершение действия, а только то, как говорящий к этому действию относится. Кроме того, он становится одним из компонентов составного сказуемого.

Глагол *хостан* (*хотеть*) используется для того, чтобы показать, возможно ли то, что действие, которое выражается основным глаголом, непременно произойдет. При этом автор высказывания изъявляет свою волю по отношению к этому действию. Помимо того, этот глагол может приобретать и другие оттенки смысла, например, решимость совершить действие, намерение, упорство, готовность, согласие и другие. При этом необходимо отметить, что модальный глагол *хостан* в семантическом плане более полнозначен, что позволяет ему выражать такое обилие нюансов.

Например: *Бале, ман ин корро худи ҳозир хоҳам кард.* [Бронте Ш, 2010, 218]; *Да, я сделаю это сейчас же.* [Бронте Ш, 1993, 222]; *Yes; and I will do it now.* [Bronte, Sh, 1954, 285].

В настоящем примере модальный глагол выражает решимость совершить конкретное действие.

Ман мехоҳам гӯям, ки талаботи одобу ахлоқи расмишударо рад мекунам. [Войнич Э, 1982, 201]; *Вот что я хочу сказать: условности общепринятой морали для меня не существует.* [Войнич Э, 1987, 166]; *This is what I want to say: I have no belief whatever in conventional moral codes, and no respect for them.* [Voynich E, 1953, 200]; *Чӣ қадар мехоҳам фаромӯш кунам* [Бронте Ш, 2010, 203]; *Хотел бы я забыть...* [Бронте Ш,

1993, 212]; «*I wish I could forget it.*» [Bronte, Sh, 1954, 273]; *Мехостам бидонам, ки инҳо барои чи мераванд!* [Твен М, 1975, 96]; *Хотел бы я знать, что там происходит!* [Твен М, 1986, 92]; *I would I knew what is about!* [Twain, M, 1882, 87].

В данных примерах модальный глагол выражает значение желания совершения конкретного действия, при этом в первом примере это контрастирует с невозможностью совершения действия.

В приведенных предложениях авторы высказывания утверждают, что они очень хотят, чтобы действие, выраженное основным глаголом, совершилось.

Теперь рассмотрим случаи проявления твердой решимости, когда автор высказывания навязывает свою волю для того, чтобы действие произошло.

Например: *Ман мехостам, ки ӯ бимирад.* [Бронте Ш, 2010, 227]; *Я хотела, чтобы она умерла.* [Бронте Ш, 1993, 232]; *I wish she had died!* [Bronte, Sh, 1954, 297];

Таким образом, во всех языках, которые мы рассматриваем в этой работе, модальные глаголы похожи по функциям и смыслу, так как обладают одинаковыми характеристиками и выражают субъективную модальность. Они не указывают на действие или состояние, а только показывают отношение к действию или состоянию в контексте возможности / невозможности, долженствования, уверенности, желания и так далее. Эти глаголы, кроме того, задают интонацию высказывания, так как в той или иной степени обязательно показывают эмоции говорящего.

2.4. Фразеологизмы как средство выражения субъективной модальности

В ходе наблюдения над способами выражения в рассматриваемых языках модального значения, то особое внимание привлекают

фразеологизмы, так как с помощью идиоматических единиц можно быстрее и более эффективно выразить модальность в этих языках.

Это частично можно объяснить тем, что модальные ФЕ в плане структуры похожи на вводные слова, а также междометия. То есть они могут отражать различное субъективное отношение, эмоциональное восприятие автора высказывания к тому, что он говорит, например, радость или огорчение, удивление, восхищение, негодование. Допустим, фразеологическая единица *к счастью* показывает облегчение или радость от произошедшего события, то есть выражает модальность. Это ФЕ содержит положительное отношение автора высказывания:

- *Хушбахтона, ман ба ин зиёфати камбагалона як чиз-ним чиз афзудан метавонам.* [Бронте Ш, 2010, 69]; - *К счастью, я могу добавить кое-что к этому скудному угощению.* [Бронте Ш, 1993, 71]; *“Fortunately, I have it in my power to supply deficiencies for this once”* [Bronte, Sh, 1954, 97].

ФЕ *чёрт возьми* в приводимом ниже примерах показывает, что автор высказывания чем-то недоволен, демонстрируя свое, отрицательное отношение к совершаемому действию.

- *Так зачем же ты, черт возьми, с советом лезешь, ежели забыл?* [Чехов А, 1985, 185]. - *Пас, чаро ту, сабил монад бо маслиҳатҳои худ мудохила мекуни, гарчанде фаромӯш кардам? - So why the hell do you climb with advice, when've forgot?* [информант].

- *Кому мы, чёрт их возьми, помогли выиграть войну своими боками!* [Толстой, 1984, 388]. – *Ба кифо, бало занад, золиби чанг омаданро, кумак кардем! - Whom we, damn them have helped to win the war with our sides!* [информант].

Согласно положениям, изложенным в отдельных исследованиях в области модальности, ФЕ, которые выражают модальность и показывают эмоции, чувства говорящего, в основном, составляют две большие группы:

Первая группа включает модальные фразеологизмы, которые выражают автор положительную оценку произошедшего действие высказанную автором, например, *восторг, радость, облегчение, гордость, восхищение* и т.д.

Вторая группа содержит модальные фразеологизмы, которые отражают то, что автор высказывания уже отрицательно оценивает произошедшее действие, высказывая такие эмоции, например, как, *гнев, сожаление, злоба, огорчение, раздражение* и т. д.

К первой группе относятся следующие фразеологизмы: *к радости; Боже мой – Худои ман* (с учетом многозначности); *слава Богу – шукри Аллоҳ – thanks Allah; к счастью – хушбахтона – fortunately; на счастье – ба омади кор – for luck; к (моему, нашему) удовольствию; вот это да! – ана ин гапи дигар – blimey; вот то-то же! – худи худаиш – that's the same; знай наших! – худихоро шинос! – know ours; ишь ведь! – эҳа! – after all, наход!; ну и ну!-ачиб – well well; подумать только! – инро бинанд! just think about it! (с учетом контекста); Бог в помощь! – Аллоҳ мададгор – Allah help you!; Бог милостив – Аллоҳ меҳрубонаст – Allah is merciful; жить можно – зистан мумкин – you can live; лиха беда начало; слава тебе, Господи – шукри худат, Аллоҳи меҳрубон – glory to you Alloh; милое дело – кори хуб – nice thing* и др.

Ко второй группе относятся следующие фразеологизмы: *к (великой, моей) досаде – бо таассуф – to (great, my) chagrin; к несчастью – бадбахтона – unfortunately; к сожалению – афсӯс – unfortunately; вот ведь досада – ин озурдагист – that is annoyance; к (великому, моему) ужасу – ба (бузургии) даҳшат – to (my great) horror; как на беду – чӣ гуна душворӣ – how to trouble; ко всеобщему неодобрению – ба эътирофи умум – to general disapproval; не твоего ума дело – кори ту набошад – not your mind business; только этого не хватало – танҳо ин кофӣ набуд, ҳамин намерасид – only it was not enough; вот еще – ана боз – tut-tut!; еще чего! – fuff! – боз чӣ!; к*

черту! черт бы (его, её, их) побрал – бало (вая, ўро, онҳоро) занад; – to hell! the devil (him, her, them) took; черт возьми, черт с (ним, ней, вами) – бало ба пасаш – hell with (he, her, you); так тебе (им, ему) и надо – ана ҳаминт тавр, сазовори ин хасту – so you (him, him) need; ну его к черту – хуб ба чаҳаннам – well to hell; как на грех – гуноҳкор шуда – how to sin и др.

ФЕ с упоминанием *Бога* может выражать как положительную, так и отрицательную модальность.

Например: *Худоё, ин чӣ оху афгон аст!* [Бронте Ш, 2010, 202]; *Боже, какой вопль!* [Бронте Ш, 1993, 205]; *Good God! What a cry!* [Bronte, Sh, 1954, 264] – выражение боли и отчаяния.

Фразеологические единицы, которые отражают субъективную модальность, могут принимать значения предположения, уверенности, сомнения и т. д.

К ним относятся следующие фразеологизмы: *без (вне) (всякого) сомнения – бе ягон шубҳа – without (outside) (any) doubt; Бог даст – Худо медиҳад – Allah will give; Бог есть – Худо ҳаст – Allah exists; Бог (его, ее, их) знает – Аллоҳ (ўро, вайро, онҳоро) медонад – Allah (him, her, them) knows; вряд ли – гумон аст – hardly; в (на) самом деле – дар асл – in (actually); должно быть – бояд – should be; ей Богу – Худо якто – by God; ещё бы! – албатта; ещё как! – чунон, ки – and how!; как видно – аз афташ – as seen; казалось бы – барин – it would seem that; кто знает – ки медонад – who knows; клянусь честью – қасам ба чонам – by my faith!; (а) как же (иначе) – чихел (дар акси ҳол) – how else); конечное дело – кори охирон; может быть – мумкин – may be; накажи меня Бог – Худои ман ҷазоям деҳ – punish me God; надо (так) думать – бояд фикраишо кард – need to (so) think; не правда ли – ҳаминтавр не; по существу – дар ҳақиқат – essentially; (судя) по всему – аз афти кор – all appearances; честное слово – бовар кунед – honestly; ясное дело – фаҳмо, возеҳ – of course.*

Рассмотрим примеры.

- значение надежды: *Худо кунад, ки чунин шавад.* [Бронте Ш, 2010, 214]; *Дай Бог, чтоб это было так.* [Бронте Ш, 1993, 217]; «*God grant it may be so!*» [Bronte, Sh, 1954, 279].

В настоящем примере модальный фразеологизм выражает надежду говорящего на определенное развитие событий.

- значение неуверенности, сомнения: *Худо медонад, марги ū чи тавр буд.* [Бронте Ш, 2010, 218]; *Какая была у него смерть, Бог его знает.* [Бронте Ш, 1993, 222]; *How he died, God knows!* [Bronte, Sh, 1954, 284].

В приведенном примере модальным фразеологизмом выражено сомнение говорящего в обстоятельствах конкретного события.

С помощью модальных фразеологизмов можно оценивать действие, при этом для их использования очень важна сама ситуация, то есть контекст применения того или иного фразеологизма, его адекватность, а также интонация. ФЕ со значением модальности – это наибольшая группа лексических единиц, которые выражают субъективную модальность в современном русском литературном языке. Существует множество примеров использования фразеологизмов как модальных слов, и хотя в данной работе мы не ставили цель охватить их все, однако в необходимых случаях некоторые из них были включены.

В современном таджикском языке ФЕ тоже могут использоваться для отражения модальности. Фразеологизмы, используемые в речи как аналоги конкретным словам, типичны для таджикского языка в историческом плане. Эти фразеологические единицы довольно активны в употреблении и в настоящее время.

Например: идиоматическое выражение *аз ду сар*, соединившись в одно слово, стало фразеологизмом с большим количеством значений, которые в чем-то семантически схожи. Это, *безусловно, конечно, обязательно, разумеется, непременно, неизбежно* и т.д.

К модальным ФЕ современного литературного таджикского можно отнести: *ба таври ин* (наверняка, определенно), *аз афти кор* (по-видимому, вероятно), *дар омади гап* (кстати), *бе чуну чаро* (несомненно), *ин тавр бошад* (раз так), *рости гап* (по правде говоря), *бо вучуди ин (он)* (несмотря на это), *хуш, ки бошад* (таким образом), *эхтимол дорад* (возможно; вряд, ли; навряд, ли; может быть), *хулласи калом* (следовательно), *қисса кутоҳ* (короче говоря) и т.д.

Перечисленные ФЕ со значением модальности можно выделить в две группы. Первая – это «фразеологические единицы изафетной конструкции», а вторая – это «фразеологические единицы конструкции примыкания, глагольные и предложные сочетания» [Фарҳанги забони тоҷикӣ, 1969, 8-17].

Изафетные словосочетания, превратившись в неделимую фразеологическую единицу, обретают модальную функцию: *аз афти кор* (по-видимому, вероятно), *ба назари ман* (на мой взгляд), *рости гап* (правда, на самом деле) и др.

Например: *Афти кор, модаркалонат бо ту чандон меҳрубон нест.* [Твен М, 1975, 13]; *Должно быть, твоя бабушка не очень добра к тебе?* [Твен М, 1986, 13]; *«Then is thy granddam not over kind to thee, I take it.»* [Twain, M, 1882, 10].

В приведенном примере модальный оборот выражает значение предположения.

Фразеологические единицы со значением модальности в определенной ситуации образуют примыкание, то есть несколько знаменательных слов вместе со служебными объединяются в одно. При этом они образуют одно целое понятие.

Необходимо учесть, что составные части подобных конструкций необходимы для образования идиом. К ним можно отнести такие фразеологические единицы, как *қисса кутоҳ* (короче говоря), *хуш ки бошад* (таким образом), *эхтимол дорад* (возможно, вряд ли, навряд ли, может

быть), *аз ду сар, бе шубҳа, бе гумон, бе шак, бе шакку шубҳа* (обязательно, несомненно, бесспорно), *ба ҳамин тариқ* (таким образом), *бе чуну чаро* (безоговорочно, без разговоров, без возражений), *ин хел (тавр) бошад* (если так) и т.д., которые выражают в предложении различные субъективно-модальные значения.

Например: - *Бешубҳа, писарак аз хонандагони пешқадами мактаб хисоб меёбад* [Толис П, 1976, 11]. - *Безусловно, мальчик является преуспевающим учеником.* - *By all means, the boy is a successful pupil* [информант].

- *Бе чуну чаро мо ба ин масъала равшани меандозем* [П.Толис. Хикояхо, с. 44]. - *Без всяких сомнений мы внесём ясность в данный вопрос.* *Without a doubt, we will clarify this issue* [информант].

В этих предложениях тоже отражается субъективная модальность со значением утверждения того или иного действия, то есть здесь явно видна уверенность говорящего в свершении действия.

Модальные слова *хӯш, хӯш ки бошад (так, итак, если так), ана, ана халос* (ну и ну, вот тебе на), *ана чи тавр* (вот как), *ана аз ҳамин сабаб* (вот по этой причине), *ана гапу мана гап* (вот тебе и раз) и т.д. достаточно часто обнаруживаются в ФЕ, так как они являются их обязательной составляющей, и способствуют выражению негодования, удивления, а также согласия.

Например: - *Хӯш ки бошад, шумо мазмуни китоби хондаатонро нақл кунед* [Мухаммадиев Ф, 1974, 65]. - *Итак, расскажите нам содержание прочитанной вами книги.* - *So, tell us the content of the book you've read* [информант].

В настоящем примере модальный фразеологизм не играет особой роли в значении высказывания, поскольку он прежде всего обозначает этап повествования.

- *Ана халос, ман гуфтам-ку аз ин одам кори хуб намебарояд* [разг. речь]. - *Вот тебе на, я же говорил, что от этого человека нечего*

хорошего ждать. - Here you are on, I told you that there is nothing good to expect from this person [информант].

В приведенном примере модальный фразеологизм подчеркивает результативность конкретных ожиданий говорящего, и одновременно выражает его эмоции.

ФЕ как эквивалентные единицы довольно часто являются синонимами ЛЕ, которые выражают модальность. С их помощью можно выразить национальные особенности языка, так как они своим содержанием раскрывают опыт страны, культуру народа, его историю. Как правило, ФЕ используются в повествовании, они способствуют более отчетливому главному смыслу предложения, а также отражают отношение автора высказывания к различным реалиям действительности, и, наконец, насыщают речь эмоциональностью.

2.5. Частицы как средство выражения субъективной модальности

Модальные частицы – это служебная часть речи, которая необходима для выражения отношения субъекта к различным проявлениям действительности, а также они помогают более наглядно показать его отношение к происходящему: предположение или уверенность, вероятность.

Обратившись к исследованиям работам в плане изучения модальности, было выявлено, что у их авторов во всех трех рассматриваемых языках нет еще единого понимания сущности модальных частиц, что можно объяснить их большим количеством.

В монографической работе «Основы русской грамматики» И.П. Распопов и А.М. Ломов выявляют два разряда частиц. Это «частицы с рациональной семантикой (т.е. выражающие разного рода смысловые оттенки) и частицы с модальной и эмоционально-экспрессивной семантикой (т.е. выражающие оценку говорящего своему высказыванию, чувства и

настроения говорящего)» [Распопов, Ломов, 1984, 243]. Исследователи выявили такие группы частиц, которые имеют свои аналоги в таджикском языке:

- указательные частицы: вон, это, вот – (ин, он, ҳамин, ҳамон - there, this, here): *Ин барои ман хеле душвор аст.* [Твен М, 1975, 79]; *Вот только нитку продеть в нее будет, черт возьми, нелегко* [Твен М, 1986, 75]; *Now shall I have the demon's own time to thread it!* [Twain, М, 1882, 70].

В данном примере модальная частица обозначает структуру повествования и указывает на проблему совершения действия.

- определяющие частицы: именно, точно, просто, как раз, почти, ровно, чуть не - (айнан, аниқ, ҳамтур, қариб, маҳз, қариб ки - exactly, just, almost): - *Что же именно вы желаете сказать по этому делу? ...* [Ошанин Л, 1985, 175]; *"Exactly," said Beal; "you could not have put it better."* [Deering Warwick, 92]; *Тасмачарх қариб ними чуқуриро ба замин ҳамвор карда, бо зурриши зӯр ба тена баромада рафт.* [Ниёзӣ Ф, 1966, 161].

- выделительно-ограничительные: только, лишь, хоть, все; (ҳамагӣ, ақаллан, фақат, ҳама - only, though, all): *Фақат ба риққат наё, мард бош!* [Бронте Ш, 2010, 206]; *Только не раскисай, будь мужчиной!* [Бронте Ш, 1993, 209]; *Don't be so overcome, man; bear up!* [Bronte, Sh, 1954, 269].

В настоящем примере модальная частица подчеркивает значение побуждения к конкретному действию.

- усилительные: ведь, даже, же – (охир, ҳам, ку - after all, even, the same): *Охир муҳр – ку дар дасти туст.* [Твен М, 1975, 45]; *Но ведь печать хранится у тебя!* [Твен М, 1986, 43]; *Who keepeth the Seal but thou?* [Twain, М, 1882, 38].

В приведенном примере модальная частица подчеркивает значение противоречия, где говорящий указывает на конкретный факт.

Среди частиц с модальной и эмоционально-экспрессивной семантикой можно выделить:

- утвердительные: - да, так, ага – (*ха, бале, оре – yes, so, aye*): *Бале, чаноб.* [Бронте Ш, 2010, 204]; *Да, сэр.* [Бронте Ш, 1993, 207]; «*Yes, sir.*» [Bronte, Sh, 1954, 267];

- отрицательные: - не, ни, нет – (*не, на, ҳаргиз на – no, nor, neither*): *Ни одной минуты радости за всю жизнь.* [Ошанин Л, 1985, 37]; *Nor was Mr. Stretton deaf to the persuasiveness of so obvious an excuse.* [Deeping Warwick, 159]; *Не, таваккалӣ ба роҳ даромада, хушбахтона дигар безарар рост аз пеши ротаи ҳамсоя баромадем ва аз он ҷо взводи сержанги калон наздик будааст, ба вай хабар доданд ва захми Одинаевро дарҳол худи аскарҳо бастанд...* [Ниёзӣ Ф, 1966, 312].

- вопросительные: - ли, неужели, разве – (*наход, оё, магар – really*): - *Писарам, наход ки ту падари худатро намешиносӣ?* [Твен М, 1975, 27]; *Неужели ты не узнаешь своего отца, дитя мое?* [Твен М, 1986, 26]; «*Dost thou know thy father, child?*» [Twain, M, 1882, 21]; *Магар ба касе, ки шумо куштедаш ёдаш гарон набуд?* [Войнич Э, 1982, 179]; *А разве тому, кого вы убили, не было тяжело?* [Войнич Э, 1987, 148]; *Do you think you didn't hurt the man you killed?* [Voynich E, 1953, 176];

- побудительные: - ну, давай, пусть – (*хӯш, бигзор – well, come on*): *Пусть лучше другие ... Пусть лучше я погибну!?* [Ошанин Л, 1985, 40]; *Well, we must all work together.* [Deeping Warwick, 94]; – *Хӯш, аҳволу зиндагии Бобои мо чӣ тавр? – генерал ба корди дудамаи болои миз хобидаи дастааш садафин ишора карда пурсид.* [Ниёзӣ Ф, 1966, 337].

- модально-оценочные – авось, вряд ли, едва ли, будто, словно – (*зӯё; зӯё, ки; гумон аст, ки; ҳеч не, ки - maybe, hardly, as if*):

Оҳ, зӯё ки ба хотираи ҳаст ... [Твен М, 1975, 90]; *Д-д-да, кажется, помню...* [Твен М, 1986, 86]; «*Ye-e-s- methinks I do*» [Twain, M, 1882, 81].

- восклицательные: - ведь, ну и, страсть, как, что за – (*охир, монед, ин чи, ки - after all, well, how, what*): *Охир, ту кучо меравї, Элен?* [Бронте Ш, 2010, 78]; - *Но куда же ты уходишь, Элен?* [Бронте Ш, 1993, 80]; “*But where are you going to, Helen?*” [Bronte, Sh, 1954, 109].

Использование модальных частиц с эмоционально-экспрессивной окраской меняет тональность всего предложения.

В языке применяются частицы с субъективной модальностью, а также такие частицы, которые помогают проявить эмоции, то есть тоже показать отношение субъекта к тому или иному факту.

Таким образом, модальные частицы способны принимать разные значения в разных контекстах. Более того, модальные частицы даже обладают возможностью полностью изменить суть высказывания, его цель. Так, если предложение утвердительное, к нему можно добавить частицу, в результате чего появляется оттенок сомнения. Сравним: - *Я завтра предоставляю доклад на конференцию* [разг. речь]. - *Пагоҳ ман маърузаамро ба конференсия пешниҳод мекунам.* - *Tomorrow I'll present a report for a conference* [информант].

- *Едва ли я успею завтра предоставить доклад на конференцию.* [разг. речь]. - *Эҳтимол аст, ки пагоҳ ман маърузаамро ба конференсия пешниҳод карда метавонам.* - *I have hardly time tomorrow to present a report for a conference* [информант].

В языкознании на протяжении длительного времени существовала концепция, что у частиц не может быть лексического значения по причине того, что они не самостоятельны. Но на данный момент лингвисты пришли к консенсусу, что это значение у частиц есть, в силу того, что всего лишь одна частица может дополнить высказывание новым смыслом, которого без нее не было. А.И. Смирницкий пишет, что частицы обладают не только лексическим, но и вдобавок грамматическим значением. Тем не менее, они не относятся к самостоятельным частям речи, так как у них нет связи с

предикатами, то есть с предметами, явлениями реального мира, а также понятиями [Смирницкий, 1955, 52]. Добавим, что семантика в понимании лингвистов состоит из двух компонентов, то есть это общее и частное. Общее – это то, что есть у всех слов, которые относятся к той или категории, а частное – это характеристика конкретного слова.

Модальные частицы в таджикском, русском и английском могут также показывать, что предложение обладает или не обладает важностью. Модальными частицами в таджикском языке также выступают *оё, магар, танҳо, ҳатто, айнан*.

Например: - *Оё мумкин аст илтимос кунам, ки дӯстони шумо каме оҳистатар гап зананд?* [Войнич Э, 1982, 178]; *Попросите, пожалуйста, ваших друзей говорить немножко потише.* [Войнич Э, 1987, 144]; *Would your friends mind speaking a little more softly.* [Voynich E, 1953, 173].

В приведенном примере модальная частица подчеркивает обращение к собеседнику и выделяет начало высказывания.

Магар бароятон вақти Галли ёмкаси дигарро хуш кардан аз гуфтани ҳақиқат беҳтар аст? [Войнич Э, 1982, 166]; *Неужели вам важнее позабавить Галли, чем сказать правду?* [Войнич Э, 1987, 137]; *«Do you prefer pleasing Galli to speaking the truth?»* [Voynich E, 1953, 165].

В приведенном примере модальная частица выражает удивление говорящего от поведения собеседника.

Использованные в данных предложениях модальные частицы придают предложениям различные субъективно-модальные значения: удивления, утверждения, предположения и т.п.

В языках, которые мы сравниваем в данной работе, модальные частицы обладают и синтаксической ролью, то есть влияют на структуру высказывания, не теряя при этом своей функции выражать чувства говорящего. Например, частотная для обыденной речи частица *авось (шояд, таваккалан - таубе)* включает значение предположения результата.

Модальные частицы не обладают словообразовательными возможностями, т.к. не образуют новые слова и не являются членами предложения, так как не имеют внеконтекстных значений. Кроме того, частицы существуют как бы сами по себе по той причине, что они не показывают, как соотносятся между собой члены предложения. То есть, они просто добавляются к высказыванию.

Таким образом, было рассмотрено, как субъективная модальность находит свое выражение в таджикском, английском и русском языках с помощью частиц, мы сравнили, как отличаются функции модальных частиц в этих трех языках. Можно сделать вывод, что модальные частицы необходимы в некоторых высказываниях, если нужно добавить новые оттенки мысли. Говорящий использует модальные частицы, чтобы оценить то, о чем он говорит, а также выразить свои другие эмоции.

2.6. Союзы как средство выражения субъективной модальности

Теперь рассмотрим, как можно выражать модальность, прежде всего **субъективную модальность**, в русском, таджикском и английском языках при помощи союзов. Многие языковеды единодушно считают, что союзы в этом контексте играют важную роль. В цитируемой выше «Русской грамматике» было четко определено, как именно отражается субъективная модальность с помощью этих служебных слов.

Например, если взять одно слово, повторить его дважды и соединить полученный повтор союзом «и», то у предложения сразу появляется новое значение в контексте субъективной модальности.

Рассмотрим примеры:

а) значение обыкновенности, обычности: *Том встал голодный и голодный пошел из дому, но все его мысли были поглощены призрачным великолепием его ночных сновидений [Твен М,1986, 11]; Том бо шиками гурусна аз хоб бедор шуд ва бо ин аҳвол аз хона баромад, лекин тамоми*

фикру хаёлаш бо азамат ва дабдабаи хобҳои дишабааш машгул буданд. [Твен М, 1975, 9]; *Tom got up hungry, and sauntered hungry away, but with his thoughts busy with the shadowy splendors of his nights dreams.* [Twain, M, 1882, 7].

В данном примере модальный союз является сложноподчиненным и подчеркивает как последовательность действий, так и противопоставление двух событий.

б) выражается значение согласия, принятия, допущения:

“Да, мы поедem туда – и возможно скорее.” [Твен М, 1986, 67]; *“Бале! Ман инро гурифта ба он чо меравем.”* [Твен М, 1975, 70]; *“Yes, thither will we fare – and straightway too.”* [Twain, M, 1882, 161].

В данном примере модальный союз подчеркивает информацию, содержащуюся во второй части предложения, которая уточняет первую часть.

в) при вопросительно-относительных предложениях выражают значение множественности при мыслимом перечислении:

И ты опять узнаешь самого себя – узнаешь? [Твен М, 1986, 26]; *Ту боз худатро мешиносӣ?* [Твен М, 1975, 27]; *And thou knowest thyself now also – is't not so?* [Twain, M, 1882, 21].

В приведенном примере модальный союз также подчеркивает значение глагола и вопросительную интонацию высказывания.

г) значение, которое выражает сразу реализующее и нереализующее состояние, то есть описывает действие в соединениях сказуемых: *Любил и не любил. Все осталось в прошлом. Надеялся и не надеялся. Что теперь об этом говорить* [разг. речь]. – *Дӯст доштану, надоштан. Ҳама дар гузашта монд. Умед доштану надоштан. Акнун, дар ин бора чӣ гуем. - Loved and disliked. Everything is in the past. Hoped and not hoped. What now to talk about it* [информант].

В данном примере модальный союз противопоставляет два глагола, выражая значение совершенного и отмененного действия.

В упомянутой выше «Русской грамматике» рассматриваются также следующие конструкции выражения субъективной модальности:

Субъективно-модальное значение безразличия, противопоставления выражают сочетание двух форм одного и того же слова с отрицанием при второй форме посредством союза *или (иль)*. Например: *Принц ты или не принц – все равно*. [Твен М, 1986, 59]; *Хоҳ шоҳзода бошӣ, хоҳ не, барои ман фарқ надорад*. [Твен М, 1975, 62]; *Though thou be prince or no prince, tis all one, thou best a gallant lad and not friendless neither!* [Twain, M, 1882, 54].

В приведенном примере модальный союз выражает равенство двух явлений для собеседника.

В приведенном предложении с подчинительным союзом *чтобы* используются именные соединения с фразеологическим единством *на то и*, которые обозначают, что действие предназначено и при этом соответствует назначению: *Друг на то и друг, чтобы помочь в трудную минуту* [разг. речь]. – *Дӯст барои он дӯст аст, ки дар парешонҳоли ғирад дастӣ дӯст*. - *A friend is that friend who help in hard time* [информант].

В настоящем примере модальный союз выражает значение результативности.

Сочетание союзов *и, да, да и* с лексическим незаменяемым первым компонентом *взять*, которые вместе отражают то, что действие было совершено неожиданно: *Возьму, да и женюсь на ней* [разг. речь]. *Мегираму, ба вай оиладор мешавам*. - *Go and marry her. Пусть все только завидуют*. – *Бигзор ҳама ҳасад кунанд*. – *Let everybody only envy. Возьми да признайся ей в этом, легче будет*. – *Гиру, ба вай дар ин бора иқроӣ шав, осон мешавад*. - *Go and confess her in this, it will be easier* [информант].

В настоящем примере модальный союз выражает значение внезапности действия.

В предложениях, где имеются союзы **и, да, да и**, повторы обладают разными субъективно-модальными значениями.

Если глаголы и глагольные имена повторяются с использованием соединительных союзов **и, да**, то в этом случае выражается непрерывность действия, его длительность.

Например: *Подводные рифы и мели встречались реже и реже.* [Твен М, 1986, 33]; *Дар аснои суҳбат масъалаҳои берабт ва саргум кам во мехӯранд.* [Твен М, 1975, 35]; *Snags and sand – bars grew less and less frequent.* [Twain, M, 1882, 29].

В данном примере модальный союз выражает значение протяженности, постоянности действия.

В случае, если повторяются слова, которые объединены соединительными союзами **и, да, да и**, наблюдается значение полноты действия или его неполноты, а также, например, интенсивности, силы, а также исключительности.

Например: *Главной чертой его характера была пунктуальность, пунктуальность и пунктуальность.* [разг. речь]. - *Хусусияти асосии хислати ӯ сари вақт, дақиқ ва дақиқ будан буд.* *The main feature of his character was punctuality, punctuality and punctuality.* [информант]. В данном примере модальный союз выражает значение интенсивности.

Субъективно-модальное значение категорического утверждения. Например: *Постоянно твердит одно и то же: не поеду и не поеду!* [разг. речь]. - *Ҳамеша ҳамон як чизро такрор мекунад: Ман намеравам ва намеравам!* *Constantly repeats the same thing: I will not go and will not go!* [информант]. В данном примере модальный союз выражает значение отрицания, а также подчеркивает постоянность действия.

В случае, слова с союзом *да* повторяются в речи, то это можно воспринимать как иронию, сарказм, неодобрение какого-либо действия или же высказывания.

Например: *Бесконечно повторял: возьми да возьми, этот амулет сбережёт тебя от беды* [разг. речь]. - *Беист такпор мекард: Гирү гир ин тумор туро аз бало начод медухад. He repeated endlessly: take it, this amulet will save you from trouble* [информант].

В настоящем примере модальный союз придает повторяющемуся слову значение некой назойливости.

Кроме того, **субъективная модальность** выражается с использованием не только сочинительных, но и подчинительных союзов, которые находятся вместе с обособленными, отдельными членами предложения. Например, союзы *хотя, хоть, хотя и, хотя бы, пусть, пусть и, пусть бы* придают оттенок значения уступительного допущения или ирреальной модальности:

Я ведь вам обещала, хотя в такой теплый вечер в нем, пожалуй, будет жарко. [Войнич Э, 1987, 80]; *Охир, ман ба шумо ваъда дода будам, ки ин пероҳанамро бадал намекунам ҳарчанд ки дар ин шаб ҳангом, ки ҳаво як қадар дам аст, ин пероҳан ба тан гармӣ мекунад.* [Войнич Э, 1982, 98]; «*I promised you I would wear it, though it is rather warm for a hot evening like this.*» [Voynich E, 1953, 96].

В настоящем примере модальный союз выражает противоречие.

Надеюсь видеться с тобой, хоть и не так часто, как мне бы хотелось. [Войнич Э, 1987, 34]; *Бо ин тариқ, агарчи тез-тез набошад ҳам чунон ки ман мехостам, гоҳ-гоҳ ҳамдигарро мебинем.* [Войнич Э, 1982, 45]; *I hope to see a good deal of you, if not so much as I should wish.* [Voynich E, 1953, 38].

В данном примере модальный союз выражает надежду на определенный результат.

Модальные союзы *будто бы, как будто бы, как если бы*, а также *якобы* отражают субъективную модальность так, что мы понимаем, что говорящий сомневается в описываемых действиях:

Дақиқае ӯ зайр аз фишори хун, ки гӯё мехост синаи ӯро кафонда берун резад, чизи дигаре ҳис намекард. [Войнич Э, 1982, 209]; *С минуту он ничего не чувствовал, кроме тяжелого гула крови, которая будто разорвет ему сейчас грудь.* [Войнич Э, 1987, 172]; *For a moment he was conscious of nothing but the sickening pressure of the blood that seemed as if it would tear his breast asunder.* [Voynich E, 1953, 207].

В приведенном примере модальный союз создает образное сравнение для описания состояния.

Союзы *но, однако, но всё же, тем не менее*, в свою очередь, показывают, что действие либо ограничено, либо противопоставлено другому: *Однако нам пора идти, Чезере.* [Войнич Э, 1987, 83]; *Вақти рафтани мо шуд, Чезере.* [Войнич Э, 1982, 102]; *It's time to start, Cesare.* [Voynich E, 1953, 99].

В данном примере модальный союз указывает на необходимость совершения действия вопреки сложившимся обстоятельствам.

Но я не могу отречься от него! [Твен М, 1986, 53]; *Не, ман аз вай даст кашида наметавонам!* [Твен М, 1975, 56]; *But I cannot give him up – oh no!* [Twain, M, 1882, 48].

В данном примере модальный союз подчеркивает невозможность выполнения конкретных действий.

Сравнительные союзы *будто, точно, словно, как бы* используются для того, чтобы сравнить действия или высказывания между собой:

Ӯ дар хаёли он ки гӯё мардум аз вачҳе ба вай механдида бошанд, бисёр гусса мехӯрд. [Войнич Э, 1982, 156]; *Это у него навязчивая идея: ему кажется, будто люди над чем-то смеются.* [Войнич Э, 1987, 128]; *He*

seemed quite possessed with some fancy about people laughing at something.
[Voynich E, 1953, 154].

В приведенном примере модальный союз создает значение нереальности ситуации:

Ū ба атрофи худ назаре андохт ва бисёр саросема шуда бо даст пешониашро молид, гӯё ба ҳақиқӣ будани он чи дар атрофаиш буд, шубҳа дошт. [Войнич Э, 1982, 158]; *Он оглядел комнату и провел рукой по лбу, как будто не понимая, что с ним происходит.* [Войнич Э, 1987, 130]; *He looked round the room and drew one hand across his forehead as if bewildered.* [Voynich E, 1953, 157].

В приведенном примере модальный союз выражает ощущение нереальности происходящего.

Гурмагас, мисли ин ки зарбае зада бошандаш, якбора калавида, қариб буд, ки аз пой афтад. [Войнич Э, 1982, 203]; *Овод пошатнулся, будто его ударили.* [Войнич Э, 1987, 168]; *The Gadfly started as if he had been shot.* [Voynich E, 1953, 201].

Присоединительный союз, *a* показывает, что здесь имеется дополнение, то есть он нужен здесь для того, чтобы показать, что говорящий поясняет свою мысль либо тоже ее оценивает. Кроме того, с этим союзом зачастую применяется ЛЕ «скорее» для некоего усиления, конкретизации: *Часы проходили, а он все спал как убитый.* [Твен М, 1986, 53]; *Соатҳо гузаштанд, аммо шохзода ҳанӯз ҳам мисли мурда хобида буд.* [Твен М, 1975, 56]; *Hour after hour slipped away, and still he slept like the dead.* [Twain, M, 1882, 48].

В приведенном примере модальный союз выражает длительность происходящего действия.

Таким образом, мы проанализировали состав союзов современного русского языка и выявили, что союзы отражают разные варианты субъективной модальности.

В английском языке союз (conjunction) – это служебная часть речи, которая связывает между собой два слова, отдельные, независимые предложения или части сложного предложения. Союзы не изменяют свои формы, в предложении не выступают каким-либо членом предложения и не используются сами по себе.

В зависимости от способа образования и структуры, английские союзы традиционно разделяются на *простые, производные сложные и составные*.

– простые союзы состоят из одного корня без суффиксов или префиксов: *and – и – ва, as – так как – чунки, or – или – оё, then – потом – нас, but – но – вале, if – если – агар, till – пока – то, how – как – чӣ хел, so – так что – ҳамин тавр*;

– производные союзы происходят из других частей речи и имеют в своем составе суффикс или приставку: *because – потому что – чунки, unless – если не – агар на, until – пока не – то на*;

– сложные союзы образованы от других союзов, с помощью суффиксов, префиксов или части «-ever» (когда-либо, всегда): *although – хотя – агарчи, however – тем не менее – лекин, whenever – всякий раз – ҳар вақте, ки*.

– составные союзы состоят из двух и более слов служебных и самостоятельных частей речи. К ним также относятся парные союзы: *as if – как будто – гуё, in case – в случае – дар ҳоле, as well as – так же как – монанди ин, neither... nor – ни ... ни – на... на* и т.д.

Обратимся к союзам таджикского языка, которые, в свою очередь, тоже используются для выражения субъективной модальности. Например, это такие слова, которые употреблены как модальные слова: *кошки, мабодо, рафту, раваду, гуё, гуё ки, кани, биё, биёед, мон, монед, бигзор, бигузор, бигзоред* и пр.

Кошки (если бы; о, если бы; добро; хоть бы) в функции союзного слова употребляется в таджикском языке, как правило, для выражения желания говорящего.

Например: - *Кошки ба ягон гӯша пинҳон шуда гӯшҳои худро маҳкам кардан мумкин мебуд, то ки ин овозҳоро нашунавад!* [Войнич Э, 1982, 209]; *Если бы можно было забиться куда – nibудь в угол, заткнуть уши и ничего не слышать!* [Войнич Э, 1987, 172]; *If only he could shrink into some corner and stop his ears to shut out the sound!* [Voynich E, 1953, 206].

В данном примере модальный союз используется для выражения горячего желания говорящего, которое невозможно осуществить в момент высказывания.

Слово *мабодо* используется как союз со значением **в случае, если**. Это слово используется в том случае, если говорящий хочет выразить опасение, что то или иное действие произойдет.

Например: *Мабодо афъюнро бисёр дода бошад!* [Войнич Э, 1982, 157]; *Что, если он дал ему слишком большую дозу опиума?* [Войнич Э, 1987, 130]; *What if he had given too much opium?* [Voynich E, 1953, 156].

В данном случае модальный союз выражает глубокую степень сомнения говорящего.

Слово *бошад*, как правило, используется как противительный союз: **а, же, что же касается**. В сочетании с частицей *ҳам* это слово употребляется в роли усилительного союза **хотя, хотя и, хоть**. *Набошад* (отрицательная форма) используется в функции разных союзов и, как правило, объединяет придаточные, условные и усилительные предложения. Слово *бошад (набошад)* может быть применен как модальный союз для того, чтобы показать, что автор высказывания уверен в своих словах.

Например: *Хӯш, набошад ба муҳокимаи плани ман бармегардем.* [Войнич Э, 1982, 190]; *Тогда вернемся к моему плану.* [Войнич Э, 1987, 157]; *Then let us come back to the question of my plan.* [Voynich E, 1953, 188].

В данном примере союз как бы раскрывает структуру повествования, при этом косвенно выражая время действия.

Как видно, *бошад* подчеркивает реальность объекта, места и времени происходящего события: *Бигзор, доимо офтоб бошад* [разг. речь]. - *Пусть всегда будет солнце.* - *Let always be sunny* [информант]. В данном примере модальный союз выражает значение уступительного допущения.

Итак, в данном разделе было выявлено, что в русском и английском языках количество оттенков модальных значений больше, чем в таджикском, однако есть в этих языках и идентичные союзы, одинаково выражающие модальность.

При этом в рассматриваемых языках такие союзы имеют весьма важное значение для выражения субъективной модальности. Они могут быть применены для показа возможности, реальности, допустимости совершения действия. Наконец, союзы необходимы для непосредственного структурирования предложения.

2.7. Междометия как средство выражения субъективной модальности

Субъективная модальность может выражаться эмоционально-экспрессивным отношением автора высказывания к тому, что он говорит. В аспекте сказанного в рассматриваемых языках междометиям отводится особая роль, и к тому же, их довольно много. Следует отметить, что их насчитывается довольно большое число, а сами они активно способствуют выражению таких чувства, как эмоции, ощущения, переживания, волеизъявления, настроения человека. Междометия вообще несет основную функциональную нагрузку для того, чтобы отразить модальность, поскольку у каждого из них есть множество значений, как, положительных, так и отрицательных. С помощью междометий можно выразить целый комплекс эмоций, таких радость, счастье, удивление, испуг, восхищение, досаду и т.д.

И это не удивительно, т.к. только в русском языке, по утверждению Т.Ф. Ефремовой, насчитывается 570 междометий, [Ефремовой, 2004, 143].

Также согласно некоторым исследованиям, можно выделить первообразные (непроизводные) и непервообразные (производные) междометия. Их обилие и разнообразие объясняется тем, что они формируются из различных частей речи.

Согласно точке зрения некоторых лингвистов, в числе которых такие как Ермолаева Л.С., Ибрагимова М., изучающих междометия, всего выделено пять видов этой служебной части речи. Это междометия, которые показывают оценку происходящего; междометия, которые отражают эмоции; междометия, связанные с побуждением, требованием; междометия, которые используются, чтобы позвать другого человека, а также междометия, используемые для ругани.

Вполне очевидно, что больше всего насчитывается междометий, которые выражают чувства, потому что в них возникает потребность, которую могут удовлетворить некоторые языковые лексемы. Это, например, различные слова, выражающие вздохи (**ах, ох, ух**) и другие эмоции (**ой, уввы, фу** и т.д.). С помощью этих и многих других междометий можно выразить радость, удивление, стыд, страх, возмущение и др.

Например:

Удивление: *Ах, ваша милость, да на что же им больше?* [Войнич Э, 1987, 16]; *Шоҳзодаи азиз, аз ин зиёдтараи ба онҳо чӣ даркор аст?* [Войнич Э, 1982, 14]; *Ah, good your worship, what would they do with more?* [213, 19].

Страх: *Ах, сжался надо мною!* [Войнич Э, 1987, 23]; *Ба ҳоли ман раҳм кун!* [Войнич Э, 1982, 24]; *“Ah, be merciful, thou!* [Voynich E, 1953, 19]”.

Производные междометия – это, например, **боже мой** или **что ж такое**. С их помощью говорящий проявляет комплексные чувства.

Например, недовольство: - *Как это некрасиво, боже мой!* [разг. речь]. - *Худои ман, чиқад ин бад аст!* - *How ugly, my goodness!* [информант]. - *Ну да! Захотела и сразу пошла. А спросить нельзя?* [разг. речь]. - *Хуб, ҳа! Хости дарҳол рафтӣ. Пурсидан лозим набуд?* - *Well, yes! Wanted and immediately went. And you can not ask?* [информант].

Междометия, которые мы рассмотрим ниже, используются для того, чтобы показать свою волю, требования, то есть тут есть побудительный смысл. Например, это **тшш**, **тсс**.

Тсс мы говорим, когда хотим, чтобы кто-то перестал говорить: — *Тсс! Больная только что уснула. Желательно не беспокоить её* [разг. речь]. – *Шшиш! Бемор ҳозир хобид. Хуб мешуд, ки ба вай халал намерасондед.* - *Shh! The patient had just fallen asleep. It is advisable not to disturb her* [информант].

Междометия вроде **вот те на** показывают, как автор высказывания воспринимет слова партнера по коммуникации.

Например, мы их используем, когда не хотим что-то делать или поражаемся словам собеседника. *Вот ещё один ряженный принц!* [Войнич Э, 1987, 60]; *Ана, ана, боз як шоҳзодаи хушлибос!* [Войнич Э, 1982, 63]; *Tis another prince in disguise!* [Voynich E, 1953, 55].

Среди междометий встречаются и бранные или ругательные единицы, например, **ё-моё** или **черт возьми**, и они чаще всего применяются, когда автор высказывания испытывает негативные эмоции: **злость**, **гнев**, **обида** и т.п.

Например: *Он опять завладел моей кроватью, черт возьми!* [Войнич Э, 1987, 73]; *Ў боз кати маро соҳиби кард, акнун ман чӣ кор мекунам?* [Войнич Э, 1982, 78]; *He hath taken my bed again, as before – marry, what shall do?* [Voynich E, 1953, 68].

Есть и так называемые звательные междометия, например, **боже** или **батюшки**. Они используются, в тех случаях, когда говорящий, например,

пугается чего-то или чему-то удивляется. При этом он как будто обращается к богу или еще кому-то. Например: - *Господи! Когда же, наконец, я вернусь к родным* [разг. речь]. – *Худои ман! Кай ман ба наздиконам бармегардам. – Oh My God! When, finally, I will return to my relatives.* [информант].

- *Батюшки! Эту картину вы написали? Какая красота!* [разг. речь].
- *Худоё! Ин манзараро шумо кашидед? Чиқад зебо! - Lord! Did you write this picture? What a beauty!* [информант].

- *Бог мой! Дай мне терпения все забыть, как страшный сон.* [разг. речь]. - *Ё Аллоҳ! Сабрам дех, то, ки ҳамаро, мисли хоби даҳшатнок фаромӯш созам. – Oh my God! Give me patience to forget everything, like a bad dream* [информант].

Субъективная модальность в рассматриваемых языках выражается с помощью большого количества различных междометий, которые позволяют автору высказывания показать свое отношение к предмету разговора.

Более того, в отдельных случаях одно междометие может, в зависимости от контекста, выражать разные смыслы, при этом, конечно, для выражения одного значения, например, удивления, можно применить разнообразные междометия.

В таджикском языке междометия тоже используются в контексте субъективной модальности. С их помощью можно точно так же проявлять различные эмоции, например, *страх, радость, восторг, удивление*, или изъяслять свою волю.

В зависимости от способа образования выделяются производные и непроизводные междометия.

Непроизводные междометия – это такая группа междометий, которые, во-первых, имеют в составе только одно или два слова, не больше, а, во-вторых, не относятся больше ни к какой части речи. Например, это междометия: *э, о, эх, ух, эй, оббо, уббо, вах, вох, вай-вай, бах, вой, эхе, эха* и др.

Например: - **Вой Том! Бечора** [Твен М, 1975, 52]; **О бедный Том, бедный мальчик!** [Твен М, 1986, 49]; **О poor Tom, poor lad!** [Twain, М, 1882, 44]; **Эй Нэн ва Бэт!** [Твен М, 1975, 52]; **Эй вы, Нэн и Бэт!** [Твен М, 1986, 49]; **«What Nan! What Bet!»** [Twain, М, 1882, 44].

Здесь в примере видно, что автор высказывания рад, не скрывает своей радости, удовлетворения тем, о чем он говорит. Тем не менее, важно обратить внимание на то, что практически все междометия в таджикском языке довольно сильно зависят от контекста и поэтому, в зависимости от ситуации использования, могут менять свое значение.

При этом далеко не все междометия обладают возможностью выполнять несколько различных функций. Некоторые из них, например, отражают только конкретные эмоции и чувства.

Например, междометия **хай-хай** (ой-ой), **уф** (эх), **э-э** (эх), **оббо** (ну-и, ну) и другие выражают недовольство, неудовлетворённость говорящего: - **Хай-хай, духтарам, ин хел ганҳои дагал нагӯй ба вай.** (разг. речь). - **Ой-ой, дочка, не говори такие грубые слова ему.** - **Oops, my daughter, don't tell him such rude words** [информант].

В настоящем примере модальное междометие выражает порицание говорящим собеседника.

Междометия могут выражать субъективно-модальное значение радости и удовлетворения.

Например: - **«Эх-ха, ту кахромон-ку!»** – **хурсанд шуд падар, нигарон ба писараш.** [информант]. - **«Эх, да ты же герой!»** – **Обрадовался отец, взглянув на сына.** [разг. речь]. - **“Heh, you are a hero!”- rejoiced a father, looking at his son** [информант].

В данном примере модальное междометие выражает восхищение.

Производные междометия – это такие междометия, которые связаны с самостоятельной частью речи и чаще всего образованы от нее. Этот тип междометий всегда вызывал полемику между учеными, так как не все из них

согласны с тем, что обращение к богу во время процесса молитвы или, например, различные этикетные слова можно адекватно относить к междометиям вообще. К таким словам относятся: *хуш!*, *офарин!*, *хай хай!*, *вой доде!*, *эй, тавба!*, *э Худо!*, *Худоё!*, *во ачабо!*.

Например: - *Худоё, ин зан ўро ҳақиқатан нағз медидааст-ку. Ачаб!* [Войнич Э, 1982, 161]; *«Бог ты мой! – мысленно проговорил он, идя темным переулком. – Это женщина не на шутку любит его! Вот чудеса!»* [Войнич Э, 1987, 133]; *«That girl is actually in love with him! Of all the extraordinary things...»* [Voynich E, 1953, 160].

В данном примере модальное междометие использовано для выражения сильного изумления.

Подытаживая сказанное, можно сделать вывод, что междометия – это такая особая служебная часть речи, которая в большей степени, чем другие модальные слова, связана именно с психикой говорящего, так как междометия возникают часто спонтанно и именно в процессе формирования и выражения чувств. Следовательно, эмоции находят свое отражение, то есть у междометий явно можно выделить субъектную модальность. Чаще всего модальные междометия выражают в высказываниях чувства, эмоции и психологическое состояние говорящего.

Выводы по второй главе

В настоящей главе были раскрыты следующие вопросы по субъективной модальности:

С использованием наклонения глагола можно отражать, как действие соотносится с реальностью. Так, было обнаружено, что **изъявительное наклонение** глагола может образовывать новые смыслы, если к ней добавлять различные модальные слова, например, частицы или междометия, и таким образом выразить субъективную модальность.

Повелительное наклонение выражает, что говорящий просит или требует выполнения того или иного действия либо побуждает к выполнению.

Общее значение **сослагательного** наклонения — это выражение гипотетичности действия, то есть действие только предполагается. Семантика форм глагола в сослагательном наклонении включает значение желательного либо возможного действия на определенных условиях или же действие, которое сомнительно для говорящего. Также сослагательное выражение используется в выражении значения нереальности.

Все эти значения и их оттенки устанавливаются и разграничиваются, и в первую очередь в связи с тем, что предложение, в котором можно выявить наклонение, соотносится с другими предложениями, в которых какой-либо субъективный смысл выражается с помощью различных языковых средств.

Нами было выявлено, что таджикской грамматикой выделены четыре наклонения: а) изъявительное (сиғаи хабари); б) повелительное (сиғаи амри); в) условно-желательное (сиғаи шарти-хохишманди); г) предположительное (сиғаи эҳтимоли). Отметим, что в таджикском языке глагол обладает семью видовременными формами

Отметим, что субъективная модальность в изъявительном наклонения в таджикском напрямую связана с тем, как говорящий относится к действию, то есть считает ли его возможным, важным, желательным или еще каким-либо.

Наш личный вклад в изучение субъективной модальности состоит в том, что нами выявлено, что и в русском, и в таджикском языках глагол может находиться в изъявительном наклонении и при этом иметь субъективную модальность в случае, если при этом задействованы какие-либо модальные слова или способы вербализации модальности.

Также было выявлено, что таджикский язык включает возможность для глаголов в повелительно наклонении выражения разнообразных оттенков волеизъявления, таких, как предупреждение, просьба, приказ, предложение, утешение, повеление.

Предположительное же наклонение по своему модальному значению выражает предположение, сомнение, неуверенность.

Модальные слова в русском языке по-разному выражают субъективную модальность. Они показывают, как говорящий воспринимает подающуюся им информацию, как относится к факту, отражают, как сказанное связано с реальностью, то есть имеет место и отражение реальности или истинности высказывания.

Модальные слова, которые выделяются как отдельная группа функционально-семантических лексем таджикского языка, также отличаются разнообразием. Кроме непосредственно модальных значений, они выражают различные коннотации, как-то: эмоциональное, оценочное отношение говорящего. Также было обнаружено, что многие модальные слова русского языка имеют таджикские эквиваленты.

Отметим, что модальные слова в высказывании могут находиться практически в любом месте, так как они не привязываются ни к каким словам. Дело в том, что они влияют на предложение целиком или целые его части, а не на отдельные слова.

Модальные слова, выражающие субъективную модальность, весьма частотны по употреблению, а также являются самой крупной группой слов в таджикском и русском языках.

Еще одним вкладом настоящей работы в изучение субъективной модальности стало выявление эквивалентности характерных черт модальных глаголов таджикского, русского и английского языков в аспекте выражения субъективно-модальной семантики. Модальные глаголы соотносятся с глаголами, которые отображают активное действие или же состояние предмета или явления, но при этом сами этими качествами не обладают. Они показывают вероятность или ее отсутствие, сомнение, необходимость и так далее.

Как и модальные слова, ФЕ тоже используются для отражения модальности, то есть показывают, как автор высказывания относится к тому, что говорит, о чем говорит. По своему значению модальные ФЕ русского языка можно разделить на две большие группы: выражение положительного отношения и отрицательного.

Анализ модальных частиц в таджикском, русском и английском языках было выявлено, что большинство единиц случаев эквивалентны по семантике. Модальные частицы очень нужны для того, чтобы высказывания обретали эмоциональность, разные смыслы (уверенность, предположение, сомнение), они вносят эмоциональную окраску речи, способствуют лексическому усилению сообщения

В сравниваемых языках союзы играют важную роль в плане выражения субъективной модальности. Сравнивая русские, таджикские и англоязычные связи, можно заметить, что оттенки модальных значений, выраженные русскими языковыми связями, преобладают над количеством модальных значений таджикских языковых связей, хотя есть немалое количество идентичных.

Междометия – это, прежде всего составляющая разговорной, неформальной речи. И они больше всего необходимы для экспрессивности высказывания, чтобы говорящий мог выразить свои чувства и эмоции по отношению к факту реальности или словам собеседника. Кроме того, одни и

те же междометия приобретают разные значения, а одно и то же значение выражается при помощи разных местоимений.

В нашем исследовании нашел подтверждение тот факт, что модальные единицы сами по себе не самостоятельны, если не несут определенную функцию в предложении. Как мы знаем, они не бывают членами предложения, однако при некоторых условиях и если они связаны с предыдущим высказыванием, например, в разговоре двух и более людей, модальные слова, которые, например, выражают утверждение, отрицание или сомнение, могут выделяться в отдельные предложения.

Когда мы сравнивали, как именно субъективная модальность выражена в этих трех языках, выяснилось, что есть некоторые различия в лексико-грамматическом плане, но, как правило, большинство модальных слов идентичны либо обладают соответствиями в языках.

Таким образом, во всех трех исследованных нами языках можно выделить различные языковые средства со своими функциями, выражающие субъективное отношение к реальности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все вышеизложенное в двух главах диссертации позволяет сделать некоторые выводы. Таким образом, подведем итог работе.

Субъективная модальность в языкознании изучается на протяжении довольно продолжительного времени. Это можно объяснить тем, что она по сути своей противоречива и при этом многогранна, а также тем, что многие её аспекты дискуссионны именно из-за её противоречивости. [1-А].

В данной диссертации было проанализировано немало научных работ, посвященных субъективной модальности, характеризующихся тем, что их авторы обращаются, в первую очередь, к ее семантике и функциям, а затем уже форме и содержанию данной категории, так как она выражается с помощью разнообразных средств, например, модальными словами, фразеологизмами, наклонением глагола, а также такими служебными частями речи, как частицы, союзы или междометия. [2-А].

В лингвистике, кроме субъективной модальности, выделяется также и объективная модальность. Хотя предлагаемая работа посвящена субъективной модальности, мы не можем не отметить значимости объективной модальности. Этот вид модальности показывает, как содержание того или иного высказывания соотносится с реальностью, в то время как субъективная модальность обращается к тому, как автор высказывания относится к содержанию предложения. Более того, у каждого предложения всегда наличествует объективная модальность, в то время как субъективная модальность не является обязательным условием формирования высказывания, то есть ее можно просто добавить к предложению с объективной модальностью. Оба вида модальности, безусловно связаны друг с другом и зависят друг от друга, можно сказать, что, в свою очередь, позволяет утверждать, что они связаны одновременно и с объективным и с субъективным пониманием, говорящего окружающего мира. Необходимо еще отметить, что субъективная модальность обладает

гораздо больше количеством смысловых значений, чем объективная модальность. [3-А].

Категория наклонения позволяет выразить на уровне предложения семантику действия либо состояния по отношению к реальности.

В ходе проведенного анализа было выявлено, что как в русском, так и в таджикском языках глагол может обладать **изъявительным** наклонением, сохраняя при этом субъективную модальность, если при этом задействованы какие-либо модальные слова или средства выражения модальности.

Повелительное наклонение отражает желание говорящего, чтобы собеседник совершил какое-либо действие. Общее значение **сослагательного** наклонения — значение предположения, гипотетичности действия. Формы сослагательного наклонения глагола обозначают желательное или возможное действие при каких-либо условиях или действие, в котором говорящий сомневается и только предполагает его.

Таджикский глагол включает четыре наклонения глагола и семь видовременных форм. Последнее является его характерной чертой, отличающей таджикскую грамматику от английской и русской. [2-А].

В ходе настоящего исследования было выявлено, что форма повелительного наклонения таджикского глагола содержит такие оттенки и нюансы изъявления воли, как просьба, утешение, повеление, предложение, а также предупреждение и некоторые другие. Глаголы в форме сослагательного наклонения, в свою очередь, могут выражать сомнение, а также предположение и степень неуверенности. [2-А].

На данном этапе развития русской, английской и таджикской лингвистики пока что нет консенсуса в вопросе о том, как можно распределить модальные слова в различные группы в зависимости от значения. У исследователей по этому вопросу существуют различные точки зрения.

Также было выявлено, что модальные слова можно рассматривать как отдельные слова, которые обладают теми или иными лексическими и грамматическими признаками. При этом к таким словам относят различные языковые единицы, в том числе фразеологические, которые отражая субъективную модальность, тем не менее, не зависят от строения структуры предложения.

Также было обнаружено, что большинство русских модальных слов имеют таджикские эквиваленты.

Нашим вкладом в исследование субъективной модальности можно считать выделение сходных черт модальных глаголов в аспекте субъективно-модальной семантики. В исследуемых нами языках модальные глаголы концентрируются на отношении к этому действию или состоянию. При этом они обладают разными смыслами, значениями, например, показывают желание, сомнение, возможность или невозможность и так далее. Более того, во всех трех языках при модальном глаголе стоит смысловой глагол в начальной форме.

В ходе анализа и сопоставления модальных словосочетаний и таджикском, русском и английском языках было обнаружено, что модальные фразеологизмы структурно не отличаются от других модальных слов.

Также в ходе исследования было обнаружено, что модальные фразеологизмы могут быть синонимичны другим модальным словам. При этом важно, что они имеют колоссальное значение, так как отражают специфику языка, его особенности, а также историю народа, говорящего на этом языке.

Изучив модальные частицы данных трех языков, мы выявили, что они, как правило, являются аналогами друг друга. Модальные частицы русского, таджикского и английского используются как средство выражения субъективной модальности и поэтому позволяют высказыванию приобретать эмоциональную окраску и передать нюансы эмоций, значений, смыслов.

Модальные слова в таджикском имеют свои важные функции и могут быть поделены на две большие группы. Это слова, которые образованы от имен (имен прилагательных, существительных, а также наречий), и те, которые образованы от глаголов, стоящих в разных формах.

Таким образом, можно отметить, что в русском, английском и таджикском модальные слова делятся на схожие категории и используются в одинаковых ситуациях со схожими значениями.

Необходимо отметить, что модальные слова не являются самостоятельными частями речи и не обладают функцией в составе предложения, то есть, не связаны с остальным членами предложения и могут выступать членом предложения сами. Наоборот, они влияют на высказывание целиком либо на отдельные его части, добавляют сюда новые смыслы, оттенки. К тому же, они очень сильно зависят от интонации и контекста, так как только тогда обретают свой истинный смысл. Более того, они меняют свой смысл от высказывания к высказыванию.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Научная литература

1. Алиева Э.Н. Функционально-семантическая категория модальности и ее реализация в разноструктурных языках: на материале русского, английского и лезгинского языков: дис. док. филол. наук: 10.02.02, 10. / Э. Н. Алиева. - Москва, 2010. - 263 с.
2. Ализаде З.А. Модальные слова в современном азербайджанском языке: автореф. дис. канд. филол. наук / З.А. Ализаде. - Баку, 1963 - 21с.
3. Алисова Т.Б. Дополнительные отношения модуса и диктума / Т.Б. Алисова // ВЯ, 1971. №1. – С. 54-68.
4. Арзуманов С. Д. Забони тоҷикӣ / С. Д. Арзуманов. - Сталинабад, 1951. - 189 с.
5. Арзуманов, С.Д., Джалолов, О. Забони тоҷикӣ: Учебник таджикского языка для высших учебных заведений / С.Д. Арзуманов, О. Джалолов. - Душанбе: Ирфон, 1969. - 415 с.
6. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка: учебник / И.В. Арнольд. - М.: Высшая школа, 1986. - 295 с.
7. Атамова С.М. Грамматическая категория наклонения глаголов знания таджикского и русского языков // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2016. №3 (48).
8. Баевский С.И. Модальные значения глагольных форм современного персидского языка: дис. канд. филол. наук / Баевский С. И. - Л., 1953. - 160 с.
9. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. - М.: Изд-во иностр. литер, 1955. – 416 с.
10. Барабаш Т.А. Грамматика английского языка. / Т.А. Барабаш. - М.: Высшая школа, 1983. - 240 с.

- 11.Беляева, Е.И. Модальность в различных типах речевых актов / Е.И. Беляева // Ф Н. 1985. - № 3. - С. 64 - 69.
- 12.Беляева Е.И. Модальность и прагматические аспекты директивных речевых актов в современном английском языке: автореф. дис. канд. филол. наук / Е.И. Беляева. – М., 1988. – 4 с. 111
- 13.Беляева З.Ф. Сравнительный анализ модальных глагольных сочетаний в американской научно-технической и художественной литературе: дис. канд. филол. наук / З.Ф. Беляева. - Омск, 1973. -190 с.
- 14.Беляева, Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках / Е.И. Беляева. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1985. -179 с.
- 15.Богородицкий В. А. Некоторые вопросы синтаксиса, морфологии и семасиологии в применении к русскому языку: (Из чтений на учит. курсах в Казани в авг. 1915 г.) // Журнал министерства народного просвещения. – 1915. – Ч. 47. – № 12. – Отд. 2 – С. 179 – 199.
- 16.Бондаренко В.Н. Виды модальных значений и их выражение в языке / В.Н. Бондаренко // Филологические науки. - 1979, №2, - С. 54-61.
- 17.Бондарко А. В. Функциональная грамматика / АН СССР, Науч. совет по теории сов. языкознания, Ин-т языкознания; А. В. Бондарко. - Ленинград: Наука. Ленинградское отд-ние, 1984. – 136 с.
- 18.Бондарко А. В. Реальность / ирреальность и потенциальность / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. – С. 72-80.
- 19.Бордович А.М. К вопросу о модальных словах и их семантических разрядах / А. М. Бордович // Ученые записки Минского пединститута. - 1956. - Вып. № 6. – С. 331-346.
- 20.Будагов Р.А. Язык Реальность / Р.А. Будагов. - Язык. - М.: Наука, 1983. – 260 с.

- 21.Ваулина С.С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке XI – XII вв. / С.С. Ваулина. - Калининград, 1990. – 378 с.
- 22.Вахек Й. Пражские фонологические исследования сегодня / Й. Вахек. // Пражский лингвистический кружок: сборник статей / сост., ред., авт. предисл. Н. А. Кондрашов. - М.: Прогресс, 1967. – 559 с.
- 23.Вейхман Г. А. Новое в английской грамматике / Г. А. Вейхман. - М.: ООО Изд-во "Астрель", 2001. – 128 с.
- 24.Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. - М.: Рус. яз., 1972. – 917 с.
- 25.Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов // Исследования по русской грамматике: Избранные труды / под ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1975. – 560 с.
- 26.Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Учебное пособие. – 3-е изд. / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1986. - 639 с.
- 27.Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова. – СПб., 1831. – 408 с.
- 28.Галкина-Федорук Е.М., Горшкова К.Б, Шанский Н.М. Современный русский язык. Лексикология. Фонетика. Морфология. - М.: Уч. педг. изд., 1958. – 411 с.
- 29.Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования 5-е изд., стереотип / И.Р. Гальперин. – М.: Ком Книга, 2007. – 144 с. – (Лингвистическое наследие XX века).
- 30.Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка / А. Н. Гвоздев. - М., Изд-во АПН РСФСР, 1952. - 336 стр. (рекомендовалось в программах по русскому языку для пединститутов); изд. 2, М., Учпедгиз, 1955. – 463 с.

31. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык / А. Н. Гвоздев. Ч. 2. Синтаксис. М., 1958; 2-е изд., перераб. и доп. М., 1961; 3-е изд. М., 1968; 4-е изд. М., 1973.
32. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Часть 1. Фонетика и морфология / А. Н. Гвоздев. 4-е изд. – М.: Просвещение, 1973. – 432 с.
33. Герасименко И.Е. Субъективная модальность и вторичные наименования // Инновационная наука. 2016. №11-2. – С. 93-95
34. Горшкова К.В. Историческая грамматика русского языка / К.В. Горшкова, Г.А. Хабургаев. - М.: Высшая школа, 1981. – 359 с.
35. Грамматика русского языка. Том 2. Часть 1. Синтаксис. Словосочетание. Предложение. Виноградов В.В., Истрина Е.С. (редакторы). – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960.
36. Грамматика современного русского языка. Под редакцией Н.Ю. Шведовой - М.: Наука, 1970. – 767 с.
37. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик (барои мактабҳои олии). – Душанбе: Дониш, 1985. – 385 с.
38. Грамматикаи забони тоҷикӣ. Қисми 1: Фонетика ва морфология. Китоби дарсӣ барои мактабҳои олии / Муаллифон: Арзуманов С. Д., Каримов Ҳ., Неменова Р. Л., Ниёзӣ Ш. Н., Ниёзмӯҳаммадов Б. Н., Розенфельд А. З., Тоҷиев Д. Т., Фозилов М., Ҷ. Эдельман. Ҳайати таҳририя: Ниёзмӯҳаммадов Б. Н., Ниёзӣ Ш. Н. ва Тоҷиев Д. Т. – Сталинобод: Нашрдавтоҷик, 1956. – 232 с.
39. Джаббори М.Т. Категория модальности и средства её выражения в русском и таджикском языках. Монография. – Душанбе: РТСУ, 2020. – 121 с.
40. Джабборова М.Т. Сопоставительно-типологическая характеристика, система причастий в русском и таджикском языках: автореф. дис. канд. филол. наук / М.Т. Джабборова. - Душанбе, 1990. – 23 с.

41. Джамшедов П. Очерки по сопоставительной типологии английского и таджикского языков / Джамшедов П. - Душанбе. 1988. – 126 с.
42. Дмитриовская М.А. Логический анализ языка / М.А. Дмитриовская // Знание и мнение. - М.: Наука, 1988. — 127 с.
43. Долгополова З.К. Модальные глаголы в английском языке / З.К. Долгополова. Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина. - М., 1961. – 85 с.
44. Ермолаева Л.С. К вопросу о разграничении модальных слов и частиц /на материале немецкого и английского языков/. -Иностранные языки в высшей школе. Вып. 3. М.: Высшая школа, 1964. – С. 118-125.
45. Ермолаева Л.С. К вопросу о соотношении модальности и предикативности (на материале современных германских языков). Филол. науки, 1963, № 4, с. 119-126.
46. Ермолаева Л.С. Системы средств выражения модальности в современных германских языках (на материале немецкого, английского, шведского и исландского языков): автореф. дис. канд. филол. наук / Л.С. Ермолаева. – М., 1964. – 18 с.
47. Загородская Е.А. Модальное значение необходимости и средства его выражения. На материале современного французского языка: дис. канд. филол. наук / Е.А. Загородская. - Нижний Новгород, 2003. – 196 с.
48. Зайнуллин М.В. Модальность как функционально-семантическая категория / М.В. Зайнуллин. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986. – 123 с.
49. Зверева Е.А. Исследование по английской филологии. Вып. 3. (Вторичная функция модальных глаголов в современном английском языке). - Л., 1963. – С. 61-71.
50. Зверева Е. А. Модальные глаголы в английском языке / Е.А. Зверева, О.Н. Труевцева, Н.С. Щукарева. - Л.: Наука, 1967. – 240 с.
51. Зверева Е.А. Научная речь и модальность. (Система английского глагола) / Е. А. Зверева - Л.: Наука, Ленинградск. отд-ние, 1983. – 159 с.

52. Зикриёев Ф. Лексикаи маросимии шеваи шимоли забони тоҷикӣ // Сухани сабз. – Душанбе: Дониш, 2004. – С. 66-75.
53. Зикрияев, Ф.К., Зоҳидов, А. Таджикский язык / Ф.К. Зикрияев, А. Зоҳидов. - Душанбе: Маориф, 2008. - 144 с.
54. Золотова Г.А. О модальности предложения в русском языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1962. № 4. -С. 140-157.
55. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. – С. 351.
56. Ибрагимова М. Модальные слова и модальные частицы в таджикском и русском языках: дис. канд. филол. наук / М. Ибрагимова. - Душанбе, 1971. -167 с.
57. Ибрагимова М. Модальные слова и модальные частицы в таджикском и русском языках: автореф. дис. канд. филол. наук / М. Ибрагимова. - Душанбе, 1971. - 24 с.
58. Ибрагимова М.С. Модальные слова в современном русском языке. Уч. записки Таджикского у-та. Сер. филология. Душанбе, 1971, вып. 4, – С. 32-53.
59. Исмагуллоев М.Ф. Прямое дополнение в современном таджикском языке / М.Ф. Исмагуллоев. - Сталинабад, 1955. – 77 с.
60. Исмоилзода Э.С. Грамматические особенности конструкций с модальными глаголами в таджикском и английском языках: диссер. канд. филол. наук: 10.02.20 / Э. С. Исмоилзода. - Душанбе, 2011. – 171 с.
61. Истамкулов Дж. «Категория модальности и способы ее выражения в таджикском и английском языках. Сб.ст. «Актуальные вопросы филологии» Душанбе, 2013. – С. 122-137.
62. Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 2 / Иммануил Кант; под ред. Ф. В. Амуса; под ред. М. Арсеньева, А. Гулыги. - М., 1964. – 611 с.
63. Касимова М.Н. Таърихи забони тоҷикӣ / М. Н. Касимова. - Душанбе: Маориф, 2003. – 490 с.

64. Косимова М. Н. Очеркҳо оид ба синтаксиси ҷумлаҳои соддаи насли асли XI. - Душанбе: Ирфон, 1976. – 137 с.
65. Каштанова П.В., Мосолова Г. П. Эксплицитные и имплицитные средства реализации субъективной модальности в художественном тексте // Вестник ЮУрГГПУ, 2013. – С.231-237.
66. Князева Елена Георгиевна Выражение субъективной модальности в речи коммуниканта // Вестник КГУ. 2017. №4. – С. 189-191.
67. Комова Т.А. Модальный глагол в языке и речи. - М.: Изд-во МГУ, 1990. – 140 с.
68. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику: Пер. с англ. / Дж. Лайонз. - М.: Прогресс, 1978. – 354 с.
69. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика / Лайонз Дж. // Язык. Семиотика. Культура. - М.: Языки славянской культуры, 2003. – 397 с.
70. Лекант П.А. Семантика вводных компонентов в тексте // Семантика слова и словоформы в тексте. М.: Моск. обл. пед. ин-т, 1988. – С. 3-7.
71. Лекант П.А. Модальность и вводность // Вопросы лингвистики. М., Вып. №3, 2000. – С 34-42.
72. Лившиц В.А. О внутренних законах развития таджикского языка / В. А. Лившиц. - С.: Известия отделения общественных наук, 1956. – С. 88-92.
73. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории Т.П. Ломтев. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 198 с.
74. Ляпон МВ. Из истории выражения модальности в русском языке: автореф. дис. канд. филол. наук / М.В. Ляпон.-М., 1971. – 24 с.
75. Ляпон М.В. К вопросу о языковой специфике модальности // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1971. - Т.80. - Вып. 3. – С. 230-239.
76. Ляпон М. В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990. – С. 303-304.

- 77.Ляпон М.В. Модальность и явления лексического аналитизма в древнерусских текстах XV1 века. Филологические науки, 1973, № 2. – С. 42-52.
- 78.Маъсумӣ Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик / Н. Маъсумӣ. – Душанбе, “Пайванд”, 2011. – 385с.
- 79.Мамадназаров А. Сложноподчинённые предложения с придаточными ирреальными условиями в английском и таджикском языках / А. Мамадназаров // Лингвометодические вопросы преподавания иностранных языков. - Душанбе, 1982. – С. 41- 42.
- 80.Мамадназаров А. Особенности форм сослагательного наклонения в целевых придаточных предложениях в английском и таджикском языках / А. Мамадназаров // Республиканский научно-методический семинар - совещание «Интенсификация обучения иностранному языку». – Душанбе, 1984. – С. 53 - 55.
81. Мамадназаров А. Таджикский конъюнктив в сопоставительно-типологическом освещении: на материале таджикского и английского языков: дис. канд. филол. наук: 10.02.20. - Душанбе, 1986. – 193 с.
- 82.Мамадназаров А. Таджикский конъюнктив в сопоставительно-типологическом освещении. Монография. – Душанбе, 2015. – 206 с.
- 83.Махмадов Дж.Ш. Способы выражения ирреальности в таджикском и английском языках: дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Дж.Ш. Махмадов. – Душанбе, 2019. – 150 с.
- 84.Мильруд Р.П., Антипов И.В. Типологические характеристики модальности в научно-исследовательском письменном тексте // Язык и культура. 2009. № 1 (5). – С. 29-38.
- 85.Мошеев И.Б. Система форм изъявительного наклонения в русском и таджикском языках. – Душанбе: Ирфон, 1977. – 159 с.
- 86.Мусаева Г.Ф. Роль категории модальности в художественном тексте. – Баку: Элиста, 2001. – 139 с.

87. Негматова Д.С. Структурно-семантический анализ модальных слов в английском и таджикском языках: автореф. дис. канд. филол. наук / Д.С. Негматова. - Душанбе, 2013. – 26 с.
88. Ниёзмухамедов Б., Ниёзӣ Ш., Каримова А. Забони тоҷикӣ, к. 1. - Душанбе: НДТ, 1960. – 269 с.
89. Носирова Ф. Х. Компоненты функционально-семантического поля модальности в таджикском и английском языках: автореф. дис. канд. филол. наук / Ф.Х. Носирова. - Душанбе, 2002. – 25 с.
90. Носирова, Ф.Х. Компоненты функционально-семантического поля модальности в таджикском и английском языках: дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / Ф.Х. Носирова. - Душанбе, 2002. – 162 с.
91. Опарина Е. О. Ш. Балли//Европейские лингвисты XX в.: Сб. обзоров. М., 2001. – 214 с.
92. Островская А.И. Выражение субъективной модальности в научной речи. В кн.: Семантика языковых единиц. - Л., 1975. – С. 101-103.
93. Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения. Вопросы языкознания, 1977, № 4. – С. 37-48.
94. Петров Н. Е. О содержании и объеме языковой модальности. - Новосибирск: Наука, 1982. – 287 с.
95. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. - М., 1956. – 512 с.
96. Пешковский, А.М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы / А.М. Пешковский // Вопр. методики русского языка, лингвистики и стилистики. – М. – Л., 1930. – 243 с.
97. Поляков М.Г. Частицы в современном английском языке. Иностранные языки в школе, 1975, № I. – С. 101-106.
98. Попова З.Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж, 2001. – 192 с.

- 99.Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. / А.А. Потебня // (т. I – II, изд. 2, 1888 – 1889; т. III, 1899. – 351с.
100. Распопов И.П., Ломов А.М. Основы русской грамматики. Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та. 1984. – С. 243-244.
101. Распопов И.П., Ломов А.М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. Воронеж, 1984. – 78 с.
102. Расторгуева В. С. О формах конъюнктива (сослагательного наклонения) в современном таджикском литературном языке. - Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1953. – 42 с.
103. Расторгуева В. С., Керимова А. А. Система таджикского глагола. М.: Наука, 1964. – С. 152-159.
104. Расторгуева В.С. Система таджикского глагола /АН СССР: Ин-т языкознания. Отв. ред. И.В. Абаев / В.С. Расторгуева, А.А. Керимова. - М.: наука: 1964. – 291 с.
105. Розенфельд, А.З. Материалы к исследованию сложно-составных глаголов в современном таджикском литературном языке / А.З.Розенфельд. – Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1953. – 51 с.
106. Розенфельд А. З. Глагол. Выпуск 4 /А.З.Розенфельд - Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1954. – 80 с.
107. Розенфельд А.З. Модальное значение некоторых форм глаголов «будан», «шудан» в таджикском языке. - Краткие сообщения Института народов Азии, Иранская филология. - М.: Восточная литература, 1963.
108. Русская грамматика. / Редкол: Н.Ю. Шведова /гл.ред./ и др. /. Т.1. М.: Наука, 1980. – 783 с.
109. Русская грамматика. / Редкол: Н.Ю. Шведова /гл.ред./ и др./ . Т.2. М.: Наука, 1980. – 709 с.
110. Рустамов Ш. Имя существительное в современном таджикском литературном языке: автореф. дис. докт. филол. наук / Ш. Рустамов. - Душанбе, 1972. – 86 с.

111. Сийёв Б. С. Очеркҳо доир ба таърихи феъли забони адабии тоҷик. - Душанбе: Дониш, 1968. – 167 с.
112. Сильницкая Г.В. Система значений модальных глаголов в современном английском языке: автореф. дис. канд. филол. наук / Г.В. Сильницкая. - Л., 1971. – 17 с.
113. Смирницкий А. И. Ахманова О. С. Очерки по сопоставительной грамматике русского и английского языков. - М.: Высш. школа, 1975. – 378 с.
114. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. - М., 1959. – 440 с.
115. Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя языка. – М., 1955. – С. 52-53.
116. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. Букинист. Серия: Библиотека филолога, 1956. 259 с.
117. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. - М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1957. – 286 с.
118. Смирнова Л. Г. Язык "Таърихи Чистон". Сталинабад, Изд-во Тадж. ССР, 1959. – 144 с.
119. Солихов Ф.Ш. Функционально-семантическое поле модальности предположения и способы его выражения в разносистемных языках (на материале английского, русского и таджикского языков): дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / Ф.Ш. Солихов. – Душанбе, 2015. – 197 с.
120. Филипповская И.А. Модальность предложения. Учебное пособие для филол. специальностей. Таджикский гос. ун-т. - Душанбе, 1978. – 51 с.
121. Халилов А. Грамматические функции изафета в современном таджикском литературном языке: автореферат дис. канд. филол. наук / Самарк. гос. ун-т им. А. Навои. – Душанбе: [б. и.], 1965. – 30 с.

122. Халилов А. Ибораҳои изофӣ дар забони адабии тоҷик. - Душанбе; НДТ. 1964. – 221 с.
123. Халилов А. Способы выражения субъективной модальности в современном таджикском литературном языке / А. Халилов; Отв. ред. В. А. Капранов. - Душанбе: Дониш, 1985. – 92 с.
124. Халилов А. Ҳиссаҷаҳо дар забони адабии ҳозираи тоҷик/ А. Халилов. - Душанбе: Дониш, 1977. – 144 с.
125. Ханзен Б. На полпути от словаря к грамматике: Модальные вспомогательные слова в славянских языках//Вопросы языкознания 2, 2006. – С. 68-84.
126. Хлебникова И.Б. Сослагательное наклонение в английском языке / И.Б. Хлебникова // Калинин: Изд-во Калининск. ун-та, 1971. – 174 с.
127. Шакирзянова Р. М. Роль модальности в лингвистике // Ученые записки КГАВМ им. Н.Э. Баумана. 2011. №4.
128. Шанский Н.М. Основы словообразовательного анализа.– Москва: Учпедгиз, 1953. – 56 с.
129. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – Л., 1941. – 620 с.
130. Шведова Н.Ю. (гл. ред.). Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. - М.: Наука, 1980. — 789 с.
131. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. - Л.: Наука, 1974. – 428 с.
132. Эпштейн М. Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре. СПб, Алетейя, 2001. – 198 с.
133. A Comprehensive Grammar of the English Language. By Randolph Quirk, Sidney Greenbaum, Geoffrey Leech, and Jan Svartvik. London: Longman. 1985. – P. 1779.

134. Chvany C. V. A continuum of lexical transitivity: Slightly-transitive verbs // C. V. Chvany. Selected Essays of Catherine V. Chvany. Columbus: Slavica, 1996. – P. 161-171.
135. Chvany C. V. A continuum of lexical transitivity: Slightly-transitive verbs // C. V. Chvany. Selected Essays of Catherine V. Chvany. Columbus: Slavica, 1996. – P. 161-171.
136. Diver W. The Modal System of the English Verb. -Word, 1964, vol. 20. – P. 322-352.
137. Francis W.N. The Structure of American English. - New York: Ronald Press Company, 1958. – 614 p.
138. Hakutani Y. English modal auxiliaries / Hakutani Yoshinobu. - Linguistics, N 90, 1972. – P.123.-127.
139. Hakutani Y. The Features of Modals in English Syntax. Linguistics, 1978, N.209. - The Hague – Paris. – P. 59-69.
140. Issatchenko A. Tense and auxiliary verbs with special reference to Slavic languages //Language 16, 3, 1940. – P. 189-198.
141. Lakoff R. The Pragmatics of Modality. In: Papers from the eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. - Chicago, 1972. – P. 229-246.
142. Larreya P. Towards a typology of modality in language // Modality in English. Theory and description. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. – P. 9-29.
143. Mărăscu E. Modality: a concept of the English grammar // CONVERGENT DISCOURSES. Exploring the contexts of communication. Arhipelag XXI Press, Tîrgu Mure, 2016. – P. 104-111.
144. Marino M.A. A Feature Analysis of the Modal System in English. Lingua, 1973, vol. 32, N.4. – P. 309-323.
145. Newman J. Remarks on "Modality and Conversational Information". Theoretical Linguistics, 1976, vol.3, N.3. -Berlin • New York. – P. 281 -286.

146. Ney G.W. The Modals in English. *Journal of English Linguistics*, 1976, vol.10. – P.8-20.
147. Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., & Svartvik, J. (1985). *A comprehensive grammar of the English language*. London: Longman.
148. Strang B. *Modern English structure*. London, 1963. – 201 p.

II. Словари, справочники, энциклопедии

149. *Англо-русский и русско-английский словари под редакцией В.В. Аракина и В.М. Мюллера*. М.: Совет. энцикл., 1972. – 882 с.
150. Арзуманов С.Д. *Русско-таджикский словарь / сост. С. Дж. Арзуманов, Х.А. Ахрори, М.М. Бегбуди и др.; под ред. чл. Корр. АН СССР М.С. Асимова* - М.: Русский язык, 1985. – 1280 с.
151. Ахманова, О.С. *Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова*. - М.: Советская энциклопедия, 1969. – 606 с.
152. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова*. - 2-е изд., стер. - М: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
153. *Большой англо-русский словарь. / Под рук. И.Р. Гальперина*. В 2 т. Т.1.- М.: Совет. энцикл., 1972. – С. 882.
154. Ефремова Т. Ф. *Толковый словарь служебных частей речи русского языка: ок. 15 000 словар. ст.: ок. 22 000 семант. единиц / Т. Ф. Ефремова*. - 2-е изд., испр. - М.: Астрель: АСТ, 2004. – 814.
155. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений // Российская Академия Наук. Институт русского языка им. В. Виноградова*. 4-е изд., дополненное. - М.: Азбуковник, 1999. – С. 944.
156. Мамадназаров, А. *Англо-таджикский словарь / А. Мамадназаров*. - Душанбе: Сахбо, 2007. – 1080 с.
157. Мамадназаров, А. *Фарханги англисй-тоҷикӣ / А. Мамадназаров* - Душанбе: Эр-граф, 2011. – 1015 с.

158. Таджикско-русский словарь, Рахими М.В., Успенская Л.В., - М.: гос. Изд. инос. и нац. словарей, 1954. – 789
159. Ляпон М.В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. - М.: Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.
160. Фарҳанги англисӣ-тоҷикӣ / А. Мамадназаров. – Душанбе: Эр-граф, 2011. – 1016 с.
161. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷилди 1. М.: Советская энциклопедия, 1969. – 951 с.
162. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Совет, энцикл., 1990. – С. 688.
163. Stein Jess. Random House Webster's Unabridged Dictionary / Jess Stein. - Издатель: Ballantine books. - New York City, 2001. – 1235 p.

III. Список художественной литературы и источники

164. Айнӣ С. Асарҳои мунтахаб (Избранные произведения) / С. Айнӣ. - Сталинабад: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1949. – 474 с.
165. Айнӣ С. Асарҳои Мунтахаб, Марғи судхӯр. – Нашриёти давлатии Тоҷикистон Сталинобод, 1948 – 422 с.
166. Айнӣ С. Аҳмади Девбанд / Душанбе, “Адабиёти бачагона”, 2017. –47 с.
167. Айнӣ С. Куллийёт. Ҷилди 6. Ёддоштҳо. қисми 1 ва 2. / С. Айнӣ. - Душанбе:1. Нашр дав тоҷ, 1962. – 414 с.
168. Айнӣ С. Мактаби кӯҳна ТҶБ “ Истикбол”- 2010. – 55 с.
169. Айнӣ С. Марғи судхур. Ятим / Куллийёт. Ҷилди 4,- Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1961. – 351 с.
170. Айнӣ С. Рассказы советских писателей, Ахмад – Покоритель дивов, Москва,1982. – 447с
171. Айнӣ С. Смерть Ростовщика Душанбе «Адиб» 1987. – 224с
172. Айнӣ С. Старая школа. НПО “ Истикбол” – 2010. – 55 с.

173. Айни, Бухара, Воспоминания «Ирфон»1980. – 260 с.
174. Айни, С. Ёдоштхо. – Душанбе: Адиб, 1990. – 852 с.
175. Бронте Ш. Чен Эйр. – Душанбе: Истиқбол, 2010. – 412 с.
176. Бронте Ш. Джейн Эйр. – Душанбе: Адиб, 1993. – 464 с.
177. Бубенов М. С. «Белая берёза», 1947, книга 2-я — 1952. (около 60 прижизненных изданий).
178. Булгаков М. А. «Мастер и Маргарита» Романы / М.А. Булгаков // М.: Худож. лит., 1967. – 470 с.
178. Войнич Э. Л. Ғӯрмагас / тарҷумаи С. Улуғзода. – Душанбе: Маориф, 1982. – 315 с.
179. Войнич Э. Л. Овод. Оливия Летам / Москва, 1987. – 480 с.
180. Достоевский Ф.М. Униженные и оскорблённые / Ф.М. Достоевский // «Время». — 1861. — Т. I, № 2. — С. 419-474.
181. Икрами Дж. Дочь огня / И. Джалол. - Москва: Известия, 1965. – 455 с.
182. Икромӣ Қ. Дувоздах дарвозаи Бухоро / Қ. Икромӣ. - Душанбе: Ирфон, 1984. – 432 с.
183. Икромӣ Қ. Духтари оташ / Қ. Икромӣ. - Душанбе: Адиб, 1961. – 558 с.
184. Икромӣ Қ. Ҳикоя ва очеркҳо. Сталинобод: Нашр.дав.Тоҷ. 1960. – 272 с.
185. Кант И. Сочинения в шести томах / И. Кант. – Т.3 – М.: Мысль, 1964. – 799 с.
186. Лондон Дж. Мартин Иден / Рассказы: Москва, 1986. – 606 с.
187. Лондон Қ. Мартин Иден / Қ. Лондон. – Душанбе: Ирфон, 1981. – 408
188. Муҳаммадиев Ф. Асарҳои мунтахаб: Иборат аз 2 ҷилд. – Душанбе: Ирфон. Ҷ. 1. – Очерҳо, ҳикояҳо, қиссаҳо. – 1978. – 555 с. Ҷ. 2. – Қисса, роман. – 1980. – 604 с.
189. Муҳаммадиев Ф. «Тири хокхӯрда», «Одамони кӯҳна». Повесть / Ф. Муҳаммадиев // Шарқи сурх. - 1962. - №3. – С.41-58.
190. Муҳаммадиев Ф. Палатаи кунҷакӣ / Ф. Муҳаммадиев. - Душанбе: Ирфон, 1974. – 367 с.

191. Муҳаммадиев, Ф. Осори мунтахаб иборат аз панҷилд. / Ф. Муҳаммадиев // Чилди 2. Повестҳо. – Душанбе: Адиб, 1990. – 448 с.
192. Ниёзӣ Ф. Асарҳои мунтахаб / Ф. Ниёзӣ. - Душанбе: Ирфон, 1978. - 528 с.
193. Ниёзӣ Ф. Вафо (Роман) / Ф. Ниёзӣ. – Душанбе: Ирфон, 1966. – К. 1. – С. 391.
194. Ниёзӣ Ф. Духтари ҳамсоя / Ф. Ниёзӣ. // Қисса барои бачагони синни калони мактабӣ. – Душанбе. – Нашр. дав. тоҷик, 1964. – 89 с.
195. Ниязи Фатех. Верность / Фатех Ниязи. - Душанбе: Таджикгосиздат. – 1962. – 536 с.
196. Олеша Ю. К. Ни дня без строчки: Из записных книжек. — Москва: Советская Россия, 1965. — 304 с.
197. Ошанин Л. И. Пока я дышать умею. новая книга стихов. 1982 – 1984. – М.: Сов. писатель, 1985. – 175 с.
198. Руми Джалаладдин. Поэма о скрытом смысле / Дж. Руми // Избранные притчи. Перевод Наума Гребнева. - М.: «Наука», 1986. – 272 с.
199. «САДОИ ШАРҚ» - №4. - Душанбе, 1978. – 92 с.
200. Салтыков-Щедрин М. Е. / М. Е. Салтыков-Щедрин. «Наша общественная жизнь», 1864. – 290 с.
201. Твен М. Приключения Тома Сойера: / Повесть; Приключения Гекльберри Финна / Душанбе «Ирфон» 1988 – 432 с.
202. Твен М. Принц и Нищий. Издательство Рига “Лиесма” 1986:203 ст.
203. Твен М. Саргузашти Том Сойер / Т. Марк. - Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1951. – 303 с.
204. Твен М. Шохзода ва Гадо. Нашриёти “ИРФОН” 1975. – 220 с.
205. Толис П. Куллиёт / П. Толис // Ҷ.2. Повестҳо. Ҳикояҳо. – Душанбе: Ирфон, 1976. - 671 с.
206. Толстой А.Н. / А.Н. Толстой. // Хождение по мукам. Трилогия. Сестры. – М.: Художественная литература, 1984. – 625с.

207. Тургенев И.С. Записки охотника / Сочинение Ивана Тургенева: [в 2 ч.]. СПб.: в Университетск. тип., 1852. - Ч.1. – 314 с.; Ч.2. – 310 с.
208. Улугзода С. Навобод. Асарҳои мунтахаб / С. Улугзода. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 368 с.
209. Хемингуэй, Острова в океане. Москва, издательство. «Правда» 1989. – 574 с.
210. Ҳемингвей. Пирамард ва баҳр. Тарҷумаи аз забони англисӣ Азизмуродов М. – Душанбе, Бухоро, 2014 – 167 с.
211. Чалил Раҳим. Асарҳои мунтахаб / Р. Чалил // Ҷилди 2 Душанбе: Адиб, 1988. – 464 с.
212. Чехов А. П. «Степь»; «Дачники»; «Палата №6»; «Именины»; «Бабу царство» / А. П. Чехов // Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Сочинения в 18 томах. Том 08. - М.: Наука, 1985. — 528 с.
213. Aini S. Ahmadi Devband / S.Aini / Translated by John R. Perry. University of Chicago. USA. 1981. – 196 – 222 pp.
214. Aini S. Bukhara: Reminiscences / The death of the Money-Lender, 1986. – 389 pp.
215. Aini S. The old school/ S.Aini. Translated by John R. Perry. The Sands of Oxus. USA. Mazda publisher 1998. – 223-252pp.
216. Aini S. The Sands of Oxus / Boyhood Reminiscences of Sadriddin Aini / J.R. Perry, R. Lehr. – California: Mazda, 1998. – 193 pp.
217. Bronte, Sh. Jane Eyre, Moscow: 1954. – 577 pp.
218. Deeping Warwick. The Secret Sanctuary or The Saving of John Stretton. <http://gutenberg.net.au/ebooks06/0600561h.html>
219. Dushanbe National library of Tajikistan, 2014. – 167pp.
220. Hemingway E. The old Man and the sea. American Embassy,
221. London, J. Martin Eden. Project Gutenberg E-text Martin Eden, by Jack London. <http://manybooks.net/> 1954, 434 pp.
222. Twain, M. The Prince and the Pauper.1882. – 219pp.

223. Twain, M. The Adventure of T. Sawyer. The Adventure of Huckleberry Finn. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1948. – 492 p.

224. Voynich E.L. The Gadfly / E.L. Voynich. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1953. – 326 pp.

IV Интернет источники и электронные ресурсы

225. Английские модальные глаголы/ Modal verbs/ can, may, must, ought, need, should. <http://www.homeenglish.ru/Grammarmod.htm>.

226. Истамкулов Дж.З. Категория модальности с точки зрения лингвистов // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2014. №4 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-modalnosti-s-tochki-zreniya-lingvistov> (дата обращения: 31.10.2021).

227. Модальные глаголы. <http://www.anglais.ru/2010/08/modalnye-glagoly/> Модальные глаголы в английском языке, <http://engblog.ru/modal-verbs>

228. Чисто модальные глаголы: can, may, must, ought (to). <http://www.perevod4ik.com/lessons/en1/index-18.php>.

229. Модальные глаголы и их эквиваленты в английском языке. <http://www.native-english.ru/grammar/modal>

230. Модальные глаголы в английском языке. <http://www.lovelylanguage.ru/grammar/rules/320-modal-verbs> Модальные глаголы в английском языке и их использование. <http://howeng.ru/modalnye-glagoly-v-anglijskom-yazyke-i-ix-ispolzovanie/>

231. A Brief overview of modal verbs and their substitutes. <http://usefulenglish.ru/grammar/brief-overview-modal-verbs-and-substitutes.1>. Auxiliary Verbs. <http://www.ego4u.com/en/cram-up/grammar/auxiliary-verbs>.

232. Dury, R.(2018).A brief glossary of modality. www.unibg.it/anglistica/slin/modgloss.htm

233. English Grammar. Modal Verbs» <http://www.learnenglish.de/grammar/verb-modal.htm>.

234. English modal verb. <http://en.wikipedia.org/wiki/Englishmodalverb>.
235. English Modal Verbs» // [http:// www. brighthub.com / education / languages / articles / 37641. aspx](http://www.brighthub.com/education/languages/articles/37641.aspx).
236. Formation of the modal conjugations. [http: // www. fortunecity.com / bally / durrus / 1 53 /grammatical O.html](http://www.fortunecity.com/bally/durrus/153/grammaticalO.html)
237. Modal Verbs. // <http://linguistic.ru/index.php?id=68&op=content>.
238. Modal Forms, <http://www.englishpage.com/modals/modalforms.html>.
239. Modal Verb Tutorial. <http://www.englishpage.com/modals/modalintro.html>.
240. Modal Verbs and their Equivalents [http: // native. narod. Ru / theory / grammar / modal. htm](http://native.narod.ru/theory/grammar/modal.htm).
241. Modal Verbs. [http: // www.english-the-easy-way .com/English ESL/Modal Verbs. html](http://www.english-the-easy-way.com/EnglishESL/ModalVerbs.html).
242. Modal Verbs, [http: //www.advanced-english-grammar.com/modal-verbs.html](http://www.advanced-english-grammar.com/modal-verbs.html).
243. Modal verbs. [http: // www. Elearn english language. Com / esl / grammar / modal verbs. Html](http://www.Elearnenglishlanguage.com/esl/grammar/modalverbs.html)
244. Modal Verbs. <http://www.perfect-english-grammar.com/modal-verbs.html>
245. Modal verbs, <http://esl.fis.edu/grammar/rules/modal.htm>
246. Modal auxiliary verbs. [http ://www.waylink-english.co.uk/? page=31320](http://www.waylink-english.co.uk/?page=31320)
247. Modal verbs and their meaning. [http://www.myenglishpages.com/sitephp files/grammar-lesson-modals.php](http://www.myenglishpages.com/sitephp/files/grammar-lesson-modals.php)
248. Modal verb. [http://en.wikipedia.org/wiki/Modal verb](http://en.wikipedia.org/wiki/Modal_verb)

А) Основные положения диссертации отражены

в следующих публикациях:

[1-А]. Шарипов Б.А. Исследование категории модальности в разноструктурных языках (на материале русского, таджикского и английского) / Б.А. Шарипов // Вестник Таджикского национального университета. Серия «Филология». № 7, 2018. – С. 73-77.

[2-А]. Шарипов Б.А. Средства и способы выражения субъективной модальности в русском, таджикском и английском языках / Б.А. Шарипов // Вестник Таджикского национального университета. Серия «Филология». № 8, 2018. – С. 91-96.

[3-А]. Шарипов Б.А. Модальные фразеологизмы как средство выражения субъективной модальности / Б.А. Шарипов // Вестник Таджикского национального университета. Серия «Филология». № 2, 2019. – С. 102-107.

[4-А]. Шарипов Б.А. Особенности модальных фразеологизмов как средство выражения субъективной модальности / Б.А. Шарипов // Вестник Таджикского национального университета. Серия «Филология». № 5, 2019. – С. 97-106.

[5-А]. Шарипов Б.А. Модальные частицы и союзы как средство выражения субъективной модальности в русском, таджикском и английском языках / Б.А. Шарипов // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Серия «Гуманитарных и экономических наук». №1-4(92), 2021. – С. 57-64

[6-А]. Джамшедов П., Шарипов Б.А. Особенности грамматических конструкций с Модальными глаголами в таджикском, русском и английском языках / Джамшедов П., Б.А. Шарипов // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Серия «Гуманитарных и экономических наук». №1/4 (104), 2022. – С. 67-71.

б) статьи и тезисы, опубликованные в других изданиях и сборниках материалов научно-практических конференций

[7-А]. Шарипов Б.А Исследование категории модальности в лингвистической науке // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной филологии». –Душанбе, 2019. – С.60-65

[8-А]. Шарипов Б.А Лексико-грамматические средства выражения субъективной модальности в разносистемных языках // Сборник научных статей магистрантов факультета иностранных языков. – Бохтар, 2019. – С. 129-133.

[9-А] Шарипов Б.А выражения субъективной модальности при помощи союзов // Международная научно-практическая конференция: «Актуальные проблемы языкознания и литературоведения в современном времени» Душанбе - 2022. – С. 434-438

ПРИЛОЖЕНИЕ

к работе

Без сомнения – бешак – patently

Быть может – мумкин – may be

Верите (ли) – бовар мекунед – (do'y) believe

Вероятно – шояд – probably

Видимо – хулоса – apparently

Видите, (ли) – оё, медонед – do you see

Вне всяких сомнений – бешубҳа – no doubt

Во-вторых – дююм – secondly

Возможно – эҳтимол – perchance

Вообразите – тасаввур кунед – imagine

Во-первых – аввалан – firstly

Впрочем – бо вучуди ин – however

В самом деле – дар асл – indeed

В частности – махсусан – in particular

Главное – асос – the main

Действительно – дар ҳақиқат – really

Должно быть – бояд – must

Знаете, (ли) – оё медонӣ – do you know

Значит – яъне – it means

Итак – хуб – well

Кажется – дар назар аст, ки – it seems

Как-либо – ягонхел – somehow

Как видите – чӣ тавре мебинед – as you can see

Как оказалось – чуноне, ки маълум шуд – as it turned out

Как впоследствии узнали – чӣ тавр, баъдтар фаҳмиданд – how subsequently learned

Как вскоре выяснилось – тавре, ки ба зудӣ ошкоршуд – as it soon turned out

Как вы ... видите – чй тавре, ки шумо ... мебинед – as you can see
Как известно – тавре маълум аст – as known
Как обычно – чун маъмулан – as usual
Как и ожидалось – чуноне, интизор будем – as expected
Как показалось – ин ба назар мерасад – it seemed
Как понял – тавре маълум шуд – as understood
Как сами понимаете – тавре ки шумо мефаҳмед – as you understand
Как-то – мисли ин – somehow
Как утверждал – чуноне тасдиқ карданд – as claimed
Конечно – албатта – of course
Короче говоря – қисса қўтоҳ – shortly speaking
Кроме того – ғайр аз ин – besides
К сожалению – мутаассифона – unfortunately
Кстати – дар омади гап – by the way
К удивлению – тааччубовар аст, ки – to the surprise
К удовольствию – ба ... хушнудӣ – to ... pleasure
К счастью – ба ... хушбахтӣ – luckily
Между нами говоря – гап байни худамон – speaking between us
Между прочим – дар омади гап – by the way
Может – мумкин – can
Может быть – мумкин аст – may be
Наверное – шояд – probably
Надо сказать – бояд гуфт – need to say
Наконец – хайрият, дар охир – finally
Наоборот – баръакс – vice versa
Например – мисол – for example
Несомненно – бешубҳа – undoubtedly
Нет сомнений – бешак – no doubt
Нет спору – ҳеч баҳс нест – no dispute

Откровенно говоря – равшан гап занем – frankly speaking
Очевидно – аён (аён аст, ки) – obviously
Пожалуй – беҳтараш – perhaps
По-видимому – хулоса – apparently
Помимо этого – илова бар ин – besides
По мнению... – мувофиқи... – according to...
По словам... – бо гуфтаҳои... – according to...
По ... счастьем – by ... happiness – бо ... хушбахтӣ
Правда – ҳақиқат, дуруст аст – verity
Представьте – тасаввур кунед – imagine
Прежде всего – пеш аз ҳама – first of all
Разумеется – албатта – of course
Сколько мог – ҳар (чӣ) қадар тавонистам – how much could
Следовательно – бинобар ин – consequently
Собственно говоря – асли гапа гӯем – as a matter of fact
Согласись – розӣ шудем – agreed
Таким образом – ҳамин тавр – in this way
Точно – комилан, аниқ – exactly.
Тоҷикӣ-Русӣ-Англисӣ
Аввалан – во-первых – firstly
Аз афти қор – очевидно – obviously
Айнан – буквально – literally
Албатта – конечно – of course
Ба назарам – кажется – seems
Ба назари ман – на мой взгляд – in my opinion
Баръакс – наоборот – conversely
Ба таври ин – навякя, определено – for certain, definitely
Беғуфтуғӯ – безусловно – certainly
Бешак, бешубҳа – несомненно – undoubtedly

Бе чуну чаро – несомненно – undoubtedly
Бинобар ин – следовательно – so
Бо вучуди он – впрочем – though
Бо вучуди ин (он) – несмотря на это – несмотря на это
Бояд – должно быть – probably
Гӯё – видимо – apparently
Дар омади гап – кстати – by the way
Дуруст – верно – right
Дуюм – во-вторых – secondly
Зимнан – кстати – incidentally,
Зоҳиран – по-видимому – presumably
Ин тавр бошад – раз так – if so
Инхел гӯем – если так сказать – if to say so
Қисса кутоҳ – короче говоря – to put it briefly
Мебахшед – извините – excuse me,
Мефаҳмӣ – понимаешь – do you see
Мумкин – вероятно – likely
Мутлақо, бегуфтугӯ – безусловно – surely
Муҳим – главное – main thing
На кам, на зиёд – ни больше, ни меньше – if a day
Ниҳоят, дар охир – наконец – at last
Оё медонед – знаете ли – do you know
Оё медонед – видите ли – if you please
Пас, инак – итак – well
Рости гап – по правде говоря – to tell the truth
Ростӣ – на самом деле – actually
Тахминан – предположим – guess
Умуман – вообще – overall
Фарз кунем – допустим – suppose

Фаҳмидан – видать – to see
Хулласи калом – следовательно – therefore
Хуш, ки бошад – таким образом – thus
Ҳақиқатан – действительно – indeed
Ҳатман – разумеется – certainly, naturally
Ҳақ – право – right
Чизе – что ли – that
Шояд – может быть – may be
Эҳтимол дорад – вряд, ли – hardly
Эҳтимоли қавӣ меравад, ки – по всей вероятности – in all probability
Эҳтимол – авось – perhaps
Эътироф – признаться – recognize

English-Tajik-Russian

avowedly – рушод, кушод – прямо, открыто
clearly – фаҳмо – ясно
decidedly – қатъиян – решительно
evidently – албатта – равшан
incontestably – бетафовут – неопровержимо
indeed – дар ҳақиқат – в самом деле
indisputably – бесабаб нест – неоспоримо
indubitably – номаълум аст – несомненно
inevitably – ногузир аст – неизбежно
manifestly – ошкорона – явно
necessarily – ҳатман – обязательно

(1) Doubt or uncertainty:

Allegedly – гӯё – якобы
Arguably – бесабаб нест – не спроста
Conceivably – тахминан – предположительно
Seemingly – аз афташ – судя по виду

(2) Actuality and reality:

Actually – на самом деле – дар ҳақиқат

Basically – асосан – в основном

Formally – расмӣ – формально

ideally – олицаноб – идеально

officially – расман – официально

ostensibly – гӯё, ки – как будто бы

outwardly – берун аз он – внешне

superficially – рӯякӣ – поверхностно

theoretically – назариявӣ – теоретически

(3) ‘Hedging’ expressions:

I believe – бовари дорам – я верю

I guess – гумон мекунам – похоже

I think – ман фикр мекунам – я думаю

I expect – интизорам, (ман интизор ҳастам) – я жду

I feel – ман ҳис мекунам – я чувствую

I hear – мешунавам, ман мешунавам – я слышу

I hope – ман умедворам – я надеюсь

I presume – ман фикр мекунам – я предполагаю

I understand – ман мефаҳмам – я понимаю

I suppose – ман гумон мекунам – я полагаю

I’m told – ба ман гуфта буданд – мне сказали

I have read – ман хондаам – я прочитал

I have heard – ман шунидаам – я слышал

I can see – мефаҳмам – понимаю

I dare say – бо боварии комил гуфта метавонам – смею сказать

I venture to say – таваккалкунон мегӯям (ҳар чи бодо бод гӯён) – рискну
сказать

Anybody hears – касе мешунавад – кто-то слышать

They tell me – онҳо ба ман мегӯянд – они говорят мне

They allege – онҳо тасдиқ мекунанд – они утверждают

It is said – мегӯянд – говорят

It is reported – гуфта мешавад – сообщается

It is rumored – аз рӯи шунидаҳо – по слухам

It seems, it appears – ба назар мерасад, ки – кажется, похоже

(4) Expressions of certainty:

I know – медонам – знаю

I see – фаҳмо – понятно

I remember – дар ёд дорам – помню

I agree – розиям – я согласен

I admit – ман эътироф мекунам – я признаю

I'm sure – боварӣ дорам – я уверен

It's true – ҳақиқат дорад – правда

It is certain – ин аниқ – это точно

I must say – бояд гӯям – должен сказать,

I must admit – бояд эътироф кунам – должен признать,

I must tell you – бояд ба шумо гӯям – должен тебе сказать,

It is likely – эҳтимол аст – вероятно,

It is apparent – равшан аст – это очевидно.